

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Центр социально-политических исследований
и информационных технологий РГГУ (ЦСПИИТ)

«Казанский государственный
энергетический университет» (ФГБОУ ВО «КГЭУ»)

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЭТНИЧНОСТИ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Программа фундаментальных
и прикладных научных исследований
«Этнокультурное многообразие российского общества
и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Исследовательский проект:
«Государственная языковая политика в Российской Федерации:
институциональные основания и пространственные измерения»

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

*Уровни, практики,
экспертно-аналитические механизмы*

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции*

Казань, 3 июня 2022 г.

Москва
2022

УДК 81`272(063)
ББК 81.21я431
Я41

Под общей редакцией
М.А. Омарова, Н.М. Мухарямова

Я41 **Языковая политика** в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 3 июня 2022 г. / Под общ. ред. М.А. Омарова, Н.М. Мухарямова. М.: РГТУ, 2022. 316 с.

ISBN 978-5-7281-3221-9

В издании представлены материалы по итогам обсуждений, состоявшихся в г. Казани 3 июня 2022 г. во время работы Всероссийской научно-практической конференции «Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы». Мероприятие было проведено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (Исследовательский проект «Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения»).

Для представителей академического сообщества, практических работников органов государственного и муниципального управления, отвечающих за разработку и проведение политики в сферах национально-культурного и этноязыкового развития, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами языковой политики.

УДК 81`272(063)
ББК 81.21я431

ISBN 978-5-7281-3221-9

© Коллектив авторов, текст, 2022
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022
© Казанский государственный
энергетический университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	8
-----------------	---

ЧАСТЬ 1: ДОКЛАДЫ

В.Ю. Михальченко

Родной язык в контексте языковой политики в России	18
--	----

Э.В. Хилханова

Интернет-дискуссии как ресурс для выявления общественного мнения и языковых идеологий	32
--	----

Н.М. Мухарямов

Концептуальные подходы к обновляемой модели языковой политики Российской Федерации	46
---	----

М.Н. Закамулина

Языковые глобализационные процессы и Закон об охране языкового наследия во Франции	83
---	----

Г.Ф. Лутфуллина

Глоттополитические концепции в современном понимании	99
--	----

А.К. Магомедов

Правовой статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации	121
--	-----

Е.А. Кондрашкина

Языковая политика в Республиках Марий Эл и Мордовия (проблемы и перспективы)	140
---	-----

В.З. Гарифуллин

Проблемы освоения социальных сетей национальными
СМИ Республики Татарстан 161

И.В. Ядреев

Муниципальное образование как правовое пространство
официального использования языков Российской Федерации 181

А.В. Гусейнова

Шорский и челканский языки в масс-медийном дискурсе 201

Д.Н. Мустафина, Н.Р. Нурутдинова

Соофициальные языки в СМИ (на примере региональных
языков Приволжского Федерального округа) 209

Л.М. Мусина

Языковая политика Республики Татарстан:
реалии современности 227

А.Н. Минневалиева

Проекты, реализованные Мэрией Казани в 2021 году
в рамках Года родных языков и народного единства 243

О.Б. Януш, Р.К. Сагитов

Муниципальный уровень языковой политики
(по материалам социолингвистического исследования) 250

ЧАСТЬ 2: ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

М.Ю. Мартынова

Нациестроительство и языковая политика
(пример Западных Балкан) 290

Н.В. Борисова, П.В. Панов

Многоуровневое управление, регионализм и языковая
политика: опыт европейских стран 294

Т.Г. Боргоякова

Актуальные задачи региональной языковой политики
в контексте положений Международного десятилетия языков
коренных народов (на примере республик Южной Сибири) 298

Ю.А. Романова

Цифровые технологии и современные формы коммуникации 302

Н.И. Иванова

Этноязыковая идентичность молодежи саха по итогам
этносоциопсихолингвистического мониторинга 305

А.Р. Исмаилова

Языковая политика как инструмент регулирования
лингвистического облика полиэтнического города 307

Сведения об авторах 310

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В рамках третьего этапа Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 — 2022 гг. Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений при поддержке Министерства высшего образования и науки Российской Федерации 3 июня 2022 года в Казанском государственном энергетическом университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы». Вниманию заинтересованного читателя предлагается издание, подготовленное по итогам обсуждений.

Соорганизаторами мероприятия выступили: Казанский государственный энергетический университет, Центр социально-политических исследований и информационных технологий (ЦСПИИТ) РГГУ, Евразийское региональное отделение Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти», Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН и Пермский государственный национальный исследовательский университет (Историко-политологический факультет).

Темы, связанные с проводимой в современной России языковой политикой, все активнее расширяют свое присутствие в публично-информационной повестке страны.

В ходе совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку при Президенте Рос-

сии 19 мая 2015 года главой государства специально подчеркивались идеи об особой роли языка в жизни народа, о недопустимости ведомственного или отраслевого подхода к формированию и реализации языковой политики. Тогда была поставлена задача поиска оптимальной модели политики, при которой будут определены приоритеты и механизмы координации усилий государства, регионов и гражданского общества в этом направлении. На уровне высшего политического руководства страны крайне актуальной в этой сфере была признана задача совершенствования законодательной базы, которую необходимо было решить при помощи взвешенных подходов, самого широкого общественного обсуждения и внимательной работы с предложениями всех народов России.

В ходе заседания Совета по русскому языку при Президенте России 5 ноября 2019 года В.В. Путин вновь говорил: «Языковая политика для России, как и для всех многонациональных стран, — приоритет для государства и вопрос чувствительный для всего общества. Она должна быть продуманной, сбалансированной и актуальной, отвечать современным тенденциям, чутко и гибко реагировать на их изменения. В этой связи видится целесообразным провести анализ соответствующих норм действующего законодательства, внести необходимые коррективы».

Значимость этого направления политико-правового регулирования в сфере языковых отношений в российских условиях определяет широкий состав участников ведущихся обсуждений на разных уровнях государственного управления, в среде научного и педагогического сообщества, в аудиториях общественности (в том числе — родительской).

В ходе заседания Президиума Российской Академии наук в марте 2021 года по вопросу повестки дня «Проблемы изучения и сохранения языков народов Российской Федерации: научные основы Концепции государственной языковой политики» был сформулирован принципиальный тезис о том, что государство обязано иметь осознанную языковую политику как систему мер и целей, признаваемых обществом и содержащую план действий на будущее. Иными словами, это направление языкового регулирования подлежит проверке по критериям не только системности, баланса, перспективности и успешности, но и легитимности в широком понимании. Решением, которое было принято на этом заседании, были одобрены положения «Научных основ Концепции языковой политики Российской Федерации», разработанные коллективными усилиями ученых-гуманитариев, представляющих авторитетные отечественные академические структуры. Был также одобрен проект разработки «Программы по сохранению и возрождению языков России», представленный Институтом языкознания Российской академии наук.

Разносторонние усилия публично-властных инстанций и профессионально-общественных сил в области языковой жизни страны очевидным образом набирают динамику, отражающую происходящие изменения в геополитической обстановке и во внутривнутриполитических процессах.

Новейшие примеры политико-идеологического оформления языковой проблематики в деятельности государственных органов это:

— «Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (утверждена Указом президента Российской

Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611). Раздел документа, касающийся поддержки и продвижения русского языка в качестве языка международного общения за рубежом», содержит подходы и установки, отражающие меняющиеся качества международной макро-политической среды функционирования русского языка так же, как соображения, касающиеся факторов внутреннего социального плана. «Русский язык, — подчеркнуто в документе, — является универсальным средством общения многонационального российского народа».

Укрепление позиций русского языка за пределами страны связано не только с мотивациями престижа, популяризации российской культуры и научно-образовательного комплекса, с расширением взаимодействия с зарубежными партнерами, но и способствует, как отмечается в концепции, «ускорению ее научно-технологического и социально-экономического развития, привлечению высококвалифицированных специалистов, созданию условий для межнационального согласия»;

— Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», фиксирующий определение понятия — «этническая общность Российской Федерации (далее — этническая общность) — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общей культурой с присущими ей образной и ценностной системами, общностью языка, этническим самосознанием, свободно определяющая свою национальную принадлежность» и относящий к объектам нематериального этнокультурного достояния среди прочего — «устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, язы-

ках и диалектах народов Российской Федерации; формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического)»;

— «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809), где среди целей и задач государственной политики в этой области названа «защита и поддержка русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики), противодействие излишнему использованию иностранной лексики».

В практике языкового регулирования, осуществляемой органами исполнительной власти страны и ее регионов, новыми импульсами стали замыслы — программы, планы мероприятий, — связанные с объявленным Международным десятилетием языков коренных народов в 2022 — 2032 годы. Это решение Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 71/135 от 18 декабря 2019 года) было мотивировано опытом проведения Года языков коренных народов в 2019 году и целью привлечения внимания к проблеме катастрофической утраты языков народов, отнесенных к категории «коренных», и необходимостью возрождать такие языки путем принятия экстренных мер на международном и национальном уровнях.

В 90 странах мира проживает более 476 миллионов представителей коренных народов, что составляет 6,2 % населения планеты, согласно материалам, обнародованным во время про-

ведения выставки «Права и возможности носителей языков коренных народов» в Российской государственной библиотеке. Их представляет более 5000 различных групп. На коренные народы приходится подавляющее большинство из примерно 7000 языков мира, не менее 40 % которых находятся под угрозой исчезновения.

На территории РФ проживают более 190 народов, каждый из которых обладает уникальной культурой. В их числе 45 коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и других территорий РФ. Они имеют особый статус, проживают на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы [Права и возможности носителей языков коренных народов // <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/vistavki/prava-i-vozmozhnosti-nositelej-yazyikov-korenniyx-narodov>].

Распоряжением Правительства РФ сформирован Национальный организационный комитет по подготовке и проведению Десятилетия в России. Субъектам РФ, — что весьма принципиально, — также рекомендовано принять участие в этой работе.

Своим распоряжением от 9 февраля 2022 года (№ 204-р) Правительство Российской Федерации утвердило соответствующий план основных мероприятий. Федеральным органам исполнительной власти вменено в обязанность ежегодно предоставлять в Федеральное агентство по делам национальностей информацию на предмет того, как реализуются запланированные мероприятия. Органам исполнительной власти российских регионов рекомендовано разработать и утвердить свои планы мероприятий Десятилетия.

Правительственные федеральные мероприятия включают проведение международной конференции высокого уровня с периодичностью раз в два года; ежегодное проведение форума «Языковая политика в Российской Федерации»; ежегодный мониторинг сохранения и развития языков народов России, в том числе языков коренных народов; разработку нормативных правовых актов в сфере языковой политики Российской Федерации; мероприятия, направленные на поддержку и развитие языков народов страны в информационном и цифровом пространстве (разработку клавиатурных раскладок, шрифтов, мобильных приложений, локализацию программного обеспечения) и многое другое. Весьма существенное значение принадлежит курсу на поддержку проектной деятельности некоммерческих организаций в сфере языков народов страны.

Регионы России — даже те, в которых специализированных программно-целевых документов по языковой политике ранее не формулировалось, — стали включаться в работу по проведению Десятилетия. Иначе говоря, апробацию будет получать модель управленческих технологий в области регулирования языковой жизни и в масштабах страны, и в ее регионах.

Важно, что целевой объект современной российской языковой политики не ограничивается каким-то исчерпывающим списком идиом, которыми пользуются коренные малочисленные народы, нормативно включенных в соответствующий перечень. Многие языки России, даже имея статус государственных языков республик или официальных языков, подпадают под характеристики миноритарности и сталкиваются, как известно, с вызовами для своей витальности.

Это имеет существенное значение для формулирования и проведения языковой политики в России, понимаемой комплексно, в том числе — применительно к этноязыковому разнообразию как органично присущего качества языковой жизни всей страны и ее регионов. Как сказано в «Глобальном плане действий МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (2022-2032)», «Глобальный план действий опирается не на рестриктивный, а на широкий подход к языкам коренных народов, способствуя инклюзии родных языков, которые он определяет, как языки, в настоящее время или исторически используемые коренными народами и считающиеся неотъемлемой частью их наследия, систем знаний или идентичности. Языки коренных народов могут также использоваться другими лицами, не принадлежащими к коренным народам. Определение коренных народов стало процессом длительных политических дискуссий в Организации Объединенных Наций и было закреплено в ряде нормативно-правовых документов, прежде всего в Декларации ООН о правах коренных народов. Самоидентификация коренных народов включает особые культурные традиции и тесную традиционную связь с определенной территорией и определенным языком. С учетом того, что цель Десятилетия — не оставить никого позади, пользователи других языков (в виде как устной речи, так и языка жестов), часто называемые языковыми меньшинствами, пользователи менее распространенных языков и языков, которым грозит исчезновение, будут выступать в качестве как движущих сил текущего процесса, так и его бенефициаров. Это основывается на принципах недопущения дискриминации, права на развитие и инклюзию, а также равного и справедливого шанса на доступ

к возможностям, имеющимся в обществе; при этом, однако, следует учитывать, что основное внимание в рамках Десятилетия уделяется языкам коренных народов. (Source: 40 C/Resolution 54 and 212 EX/Decision 5.I.D). Такая установка дает основания для того, чтобы рассматривать Десятилетие в широком контексте культурно-языковой мозаики в российских условиях.

Предлагаемое издание включает в себя как полнотекстовые версии докладов, вошедших в программу конференции «Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы», так и представленные тезисы докладов, которые сгруппированы в специальном разделе книги.

Составители не сочли целесообразным объединение рекомендаций, предложенных участниками конференции, по тем соображениям, чтобы сохранить авторские подходы и жанрово-стилистические формы изложения. Сформулированные на перспективу идеи исследователей, их программные положения приводятся в заключении каждого материала.

ЧАСТЬ 1: ДОКЛАДЫ

В.Ю. Михальченко
ФГБУН «Институт языкознания РАН»,
Москва

V.Yu. Mikhалchenko
Institute of Linguistics of the RAS
Moscow
E-mail: vida-mi@mail.ru

Родной язык в контексте языковой политики в России

Native language in the context of language policy in Russia

Аннотация. В статье анализируется термин «родной язык» и фактическое функционирование родных языков этносов России, выделены группы по владению этими языками, определена их витальность. Автор рассматривает возможности сохранения или ревитализации социальных функций родных языков малочисленных языковых общностей.

Annotation The article analyzes the term “native language” and the actual functioning of the native languages of the ethnic groups of Russia, identifies groups according to the knowledge of these languages, and determines their vitality. The author considers the possibilities of preserving or revitalizing the social functions of the native languages of small linguistic communities.

Ключевые слова: *Языковая политика; родной язык; законы о языках; витальность языков; прогнозирование развития; языковая биография; уровни владения; языковая общность; социальные функции; функциональная доминанта.*

Keywords: *Language policy; native language; language laws; vitality of languages; development forecasting; language biography; ownership levels; linguistic community; social functions; functional dominant.*

Успешное развитие любой науки предполагает наличие разработанной теории, понятийного аппарата, методов исследования и информации о ее достижениях в прошлом и настоящем. Социолингвистика как одна из относительно молодых междисциплинарных наук имеет все указанные компоненты успешного развития, кроме информационной составляющей. Теория социолингвистики, используя для обобщений материал языков России [3, с. 382], одновременно учитывает западную [8, с. 312] и восточную традицию социолингвистического исследования языков мира [5, с. 154]. Традиционные комплексные методы социолингвистических исследований (анкетирование, записи речи, тесты, интервью, письменные источники и др.) на современном этапе развития обогащаются использованием современных технологий — это базы данных, корпуса языков, нейросеть, прогнозирование будущего языков России и др. Предстоит создание систематизированной библиографии социальной лингвистики.

Понятийный аппарат социолингвистики был исследован в Научно-исследовательском центре по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН и представлен в книге «Словарь социолингвистических терминов» [8, с. 312],

а позже был с дополнениями включен в энциклопедию «Язык и общество» [10, с. 872]. Работа над пополнением указанного словаря продолжается в журнале «Социолингвистика», а в НИЦ НЯО делаются попытки создания русско-английского словаря социолингвистических терминов. В Словаре дано толкование более 1000 терминов, большинство из которых относятся к терминологическому полю «языковая политика». Теоретическая оценка проведенной в Словаре лексикографической работы была дана в кандидатской диссертации С.В.Кириленко [4, с. 21].

Государственная языковая политика представляет процесс сознательного воздействия на состояние и функциональное развитие языка путем принятия законов о языках и программ развития языков. Именно языковая политика может создать оптимальные условия для сохранения языкового разнообразия в полиэтнической стране. Отметим, кстати, что с языковым единением в современной полиэтнической России все в порядке: русский язык как государственный язык Российской Федерации успешно выполняет эту высокую социальную функцию (владеющих русским языком и употребляющих его в речевой практике в стране по разным переписям населения от 89 до 92%. А сохранение языкового разнообразия в стране в настоящее время в большинстве случаев затруднительно: даже языки, имеющие статус государственных, не всегда могут расширить свои социальные функции, а языки малочисленных этносов иногда исчезают, уходят из употребления, теряя социальные функции или соответствующие языковые общности.

Значительную роль в сохранении языкового разнообразия играет отношение к родным этническим языкам жителей страны.

В понятийном аппарате социальной лингвистики «родной язык» занимает важное место, так как именно от его успешного функционирования и передачи молодому поколению в разных языковых общностях зависит сохранение и будущее функциональное развитие языков. Особенно это важно для языков малочисленных этносов.

Родной язык с точки зрения социальной лингвистики — это материнский язык, выполняющий функцию этнического идентификатора — это язык своего этноса, своей культуры [1, с. 191]. Обычно это первый язык, который усвоен человеком в детстве. Чаще всего он совпадает с языком родителей или одного из них. Кроме того, родной язык является точкой отсчета в языковой биографии индивида. Языковая биография индивида начинается с детства, в котором обычно превалирует родной язык. Далее социальная жизнь индивида усложняется, расширяется репертуар сфер коммуникации: сфера обучения, сфера трудовой деятельности и др. При расширении сфер общения меняются условия речевой практики индивида: под социальным давлением появляется второй функционально активный язык, это «язык, обладающий значительным числом сфер функционирования и значительным объемом функциональной нагрузки в этих сферах» [8, с. 237]. Родной язык может длительное время сохранять позицию функционально первого языка. Это наблюдается в тех случаях, когда индивид действует в своей этнически однородной среде. Если среда становится этнически неоднородной, под влиянием социального давления подключается функционально второй язык. Со временем он может занять место родного языка и сам может стать функционально первым языком. Однако смена функциональной

доминанты не меняет значимости родного языка, который навсегда остается точкой отсчета в языковой биографии индивида и его этническим идентификатором.

Всегда необходимо помнить о том, что родной язык — один на всю жизнь человека, меняя рабочие языки из-за социального давления человек не лишается родного языка. Значение родного языка состоит в том, что это язык матери, язык детства, язык начальной, первичной социализации и, главное, язык этнической идентификации. Пользоваться только родным языком всю жизнь не всегда возможно, поэтому из-за социальной необходимости приходится пользоваться другими рабочими языками. Язык, которым часто пользуется опрашиваемый, не всегда является его родным языком, часто это другая функциональная доминанта, ставшая функционально первым, наиболее важным средством общения. Даже практическое невладение родным языком не означает, что он перестал быть этническим идентификатором индивида. Полная утрата знания родного языка обычно наблюдается у языковых общностей длительное время находящихся в иноязычном окружении, так как нередко уже третье поколение таких семей теряет под социальным давлением знание родного языка.

Очень важно определиться с количеством языков России, так как, с одной стороны, от этого зависит количество родных этнических языков, а, с другой стороны, степень поддержки функционирования этих языков в полиэтнической стране. В подсчетах количества языков в России существуют разные точки зрения. Так, в ряде фундаментальных научных трудов, таких как российско-канадский двухтомник «Письменные языки мира: языки Российской Федерации» (1книга-2000, вторая

книга — 2003), в энциклопедии «Язык и общество» (2016) дано описание почти ста языков России[7, с. 754]. Эти языки делятся на языки России (мажоритарные и миноритарные). Кроме того, в России проживают этнические и языковые общности в качестве диаспор, которые часто называются этническими меньшинствами. Следует отметить, что это языки, которые развиваются, совершенствуются за границей, а в России они только функционируют и нередко при дисперсном расселении диаспор деградируют, совсем исчезая в третьем поколении жителей. Таким образом общее количество языков России и их классификацию можно представить в Таблице 1.

Таблица 1. Классификация языков России.

Языки мажоритарных коренных народов (более 50 000 носителей)	Языки миноритарных коренных народов (менее 50 000 носителей)	Языки диаспор
аварский, адыгейский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, коми, коми-пермяцкий, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, ногайский, осетинский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский,	абазинский, алеутский, алюторский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, вепский, водский, гинухский, годоберинский, гунзибский, долганский, ижорский, ительменский, язык камчадалов, каратинский, кайтагский, керекский, кетский, корякский, кубачинский, кумандинский, манский, нанайский, нганасанский, ненецкий тундровый и лесной, нивхский,	армянский, азербайджанский, афганский и др.

Языки мажоритарных коренных народов (более 50 000 носителей)	Языки миноритарных коренных народов (менее 50 000 носителей)	Языки диаспор
хакасский, чеченский, чувакский, якутский, русский	уйлтский, ороцкий, рутуль- ский, саамский, селькупский, сойотский, язык тазов, тат- ский, теленгитский, телеут- ский, тиндальский, тофалар- ский, тубаларский, удэгейский, ульчский, хантыйский, хвар- шинский, цахурский, цезский, чамалинский, челканский, чуванский, чукотский, чулым- ский, шорский, эвенкийский, эвенский, энецкий, язык ази- атских эскимосов, югский, юкагирский	

В настоящее время в Институте языкознания РАН по поручению Президента России проводится уточнение количества языков России и научное обоснование этого количества: разрабатываются теоретические основы разграничения языков и диалектов, на этой основе подсчитывается общее количество языков России. По уточненным данным в России функционируют 155 языков. По этим подсчетам к языкам России относятся и языки нацменьшинств (языки диаспор). Конечно, языки нацменьшинств от —носятся к перечню языков страны, в которой они проживают. В предисловии ко второй книге российско-канадского двухтомника отмечается, что третий том будет посвящен языкам диаспор [7, с. 754], однако исследовать языки диаспор авторам этой работы не удалось, так как создание многотомного канадского тру-

да «Письменные языки мира: статус и функции» «из-за ухода на пенсию руководителя труда Г.Д. Мак Коннела было прекращено. Совершенно очевидно, что отношение к языкам, которые могут сохраняться и развиваться только в России, и к языкам, которые успешно сохраняются и развиваются в зарубежных странах в соответствии с целями их применения в разных сферах общения должно быть разным. Для языков нацменьшинств важно поддерживать их функционирование при наличии социальной потребности в этих языках, а для мажоритарных и миноритарных языков России необходимо использовать потенциал их сохранения, совершенствования, а также дальнейшего функционирования и развития. Именно эти языки представляют собой языковое разнообразие России. Необходимо также по мере возможностей поддерживать функционирование языков диаспор России, совершенствование которых проходит в странах исхода, где сохраняются перспективы их дальнейшего развития. Родные языки почти 100 этнических общностей России зависят в основном от языковой политики государства, изложенной в законах и программах развития языков и их успешного выполнения. Важно обратить внимание на витальность языков, которая выражается в процентном соотношении количества владеющих родным языком с общим количеством этнической общности. По витальности можно выделить 3 группы языков:

Первая группа — максимальное владение — 80% — выше 90%:

Чеченцы — 99.4 %

Тувинцы -96.7 %

Татары -92 %

Чуваши — 80.6

Вторая группа — среднее владение — 79% — 60%

Алтайцы — 70.6

Башкиры — 67.4

Ингуши -67.5

Хакасы -63.1

Третья группа — низкий уровень владения родным языком — ниже 60%

Буряты — 42.8 %

Калмыки — 43.4 %

Карелы — 37.0 %

По этим типам соотношения этнических групп и количества владеющих родным языком видно, что для поддержки языкового разнообразия в России необходимо уделять внимание освоению языка со стороны самой этнической группы.

На функционирование языков Российской Федерации влияет языковое законодательство страны, которое регулирует поддержку и развитие языков в сферах организованного общения. Так, в 2018 году был принят закон «Об образовании в РФ», а в 2019 году 11, 14 статьи этого закона были изменены при помощи поправок. Законом было признано право изучающих родной язык свободно выбирать родной язык из числа языков народов России и государственных языков республик. Государственная Дума проголосовала за упомянутые поправки, а некоторые депутаты радовались высокой степени свободы в выборе родного языка. К таким депутатам относится и А.И. Аршинова.

По материалам Интернета Алена Аршинова — руководитель проекта «Новая школа», выступая в Международный день родно-

го языка, который отмечается 21 февраля, сообщила, что в нашей стране проживают представители 193 национальностей, и они говорят на трехстах языках и диалектов [2]. В стране развивается многоязыковое образовательное пространство. Так, в школьном образовании задействованы 89 языков, из которых 30 применяются в качестве языка обучения, а 59 как предмет изучения. Докладчик отметила, что раньше можно было выбрать в качестве родного только один язык, а сейчас гражданам дано право выбора родного языка для обучения. Необходимо отметить, что такая постановка вопроса ведет к деградации этнических языков, их социальных функций. Так, например, в СССР среднеазиатские республики, в которых родители могли свободно выбирать язык обучения, часто предпочитали, учитывая социальную перспективу, отдавать детей для обучения в русские школы, поэтому к распаду СССР от 25% до 45% этих этносов не владели родным языком. Эта проблема до сих пор актуальна для бывших союзных республик СССР, так как значительная часть народа, родной язык которого стал государственным, не владеют этим языком. Существует опасность для родных языков этносов России повторить отрицательный опыт развития национальных языков в СССР, потому что в условиях свободного выбора возникают предпосылки для массовой потери социальных функций этническими языками и перехода их носителей на более престижные и перспективные языки. Скорее всего, и в советское время и в настоящий период при желании сохранить языковое разнообразие страны следует ориентироваться на модель И/И, т.е. изучать и родной язык и престижный, социально значимый язык. С моей точки зрения, в реализации законов о государственных языках республик важным является знание

и применение в жизни того или иного языка самой этнической общностью, для которой этот язык является родным. Если жители республик видят, что часть этнической общности не владеет этим языком или же, избегают часто им пользоваться, вряд ли они захотят изучать этот язык, хотя он имеет статус государственного. Поэтому очень важно помнить о том, что этническая общность — это основной потенциал для расширения языковой общности. Применять родной язык следует во всех ситуациях, где возможно без нарушения языкового этикета. Очень опасно использовать этнический язык в политических целях. В качестве примера можно привести Конституционный суд в связи с требованием республик Марий Эл и Башкортостана при регистрации кандидатов в президенты знания государственного языка республики. На изменение языковой ситуации и внедрение государственного языка в массах народа иногда требуется не 5-6 лет, как по российскому законодательству, а все 100 лет, например, Индонезия — 1947-2047 гг. [5, с. 154].

Необходимо учесть, что республиканские законы о языках не будут работать, если изучение государственного языка не будет обязательным. Современное положение с этой проблемой вообще кажется странной, так как в советское время даже без законов о языках язык большинства жителей республики, кроме военных, которые часто меняют место службы, спокойно изучался детьми местных жителей. Взрослым разных национальностей, которые изучают республиканский язык на курсах, в кружках, было бы хорошо по возможности установить символическую надбавку к зарплате за стремление усвоить государственный язык республики.

В Российской Федерации нет закона о реализации языковой политики — об общих принципах языковой политики, поэтому разные ведомства решают все проблемы по своему усмотрению. Иногда это плохо отражается в работе республиканских учреждений. Общие принципы могли бы уточнить, как выполнять законы о государственных языках республик, как сочетать социальные функции двух или нескольких государственных языков, как предупредить или решать языковые конфликты, как в законах использовать данные науки и другие важные проблемы языковой жизни. Такой закон мог бы способствовать совершенствованию и гармонизации языковой жизни многонациональной страны. Отметим, кстати, что такой закон был разработан и принят всеми странами СНГ. Судя по тому, как медленно реализуются республиканские законы о языках, функциональное развитие родных языков разных этносов России переносится в основном в близкое, а может быть, и в далекое будущее — поживем — увидим, сбудется ли мечта народов о сохранении и развитии родных языков народов России.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННАО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННАО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy — multilingual Russia as an example”

Список литературы

- 1.Алпатов В.М. 150 языков и политика.1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., Институт востоковедения РАН,1997.
- 2.Аршинова А.И. Сохранение языков народов России — залог обеспечения гражданского единства. Режим доступа: https://er.ru/activity/news/arshinova-sohranenie-yazykov-narodov-rossii-zalog-obespecheniya-grazhdanskogo-edinstva_177815 Дата обращения 17.06.2022
- 3.Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., Наука, 1977.
- 4.Кириленко С.В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2013.
- 5.Кондрашкина Е.А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- 6.Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). М., Наука, 1976.
- 7.Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1, М.,2000, книга 2,2003,Academia.
- 8.Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
- 9.Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 2006.
- 10.Язык и общество. Энциклопедия, М., Азбуковник, 2016.

Рекомендации

Необходимо добиваться изучения республиканского государственного языка всеми жителями республики. Процесс этот длительный, сложный, требует значительных усилий. Следует объяснять властям, что языковое законодательство страны не может быть реализовано, если не будет обязательным изучение государственного языка республики. Теперешнее положение с этим мне кажется странным, потому что в советское время во всех республиках изучался язык большинства и кроме военных, которые часто меняют места службы, жители спокойно обучали детей местному языку. Взрослым разных национальностей, которые изучают республиканский язык на курсах, в кружках было бы хорошо установить хотя бы символическую надбавку к зарплате за знание языка.

В стране нет закона об общих принципах языковой политики в России, поэтому разные ведомства решают все вопросы по своему усмотрению. Иногда это плохо отражается в работе разных республиканских учреждений. Общие принципы могли бы уточнить, как выполнять законы о государственных языках республик, как сочетать функции 2 государственных языков — общероссийского и республиканского, как решать языковые конфликты, как в законодательстве использовать данные науки и др.

Э.В. Хилханова

ФГБУН «Институт языкознания РАН»,

Москва

E. V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the RAS

Moscow

E-mail: ekhilkhanova@gmail.com

**Интернет-дискуссии как ресурс
для выявления общественного мнения
и языковых идеологий**

**Internet discussions as a resource for researching
public opinion and language ideologies**

В статье обосновывается важность использования интернет-ресурсов, в частности социальных сетей, в качестве ценного источника для выявления актуального общественного мнения «из первых уст». Применена процедура критического анализа дискурса для изучения аргументативных схем (топосов), используемых в социальных сетях противниками языкового разнообразия и поддержки миноритарных языков.

The article substantiates the importance of using Internet resources, in particular social networks, as a valuable source for identifying relevant public opinion “firsthand”. The article applies the procedure of Critical Discourse Analysis to study argumentative schemes (topoi) used in social

networks by opponents of linguistic diversity and support of minority languages.

Ключевые слова: *социальные сети, общественное мнение, меньшинственные языки, топосы, языковые идеологии, критический дискурсивный анализ*

Keywords: *social networks, public opinion, minority languages, topoi, language ideologies, Critical Discourse Analysis*

Важность и перспективность изучения интернет-дискурса в социальных сетях обусловлена тем, что свобода выражения мнений в них, в отличие от ограничений этой свободы в официальных СМИ, позволяет видеть реальное, неподцензурное общественное мнение и настроения. Тем самым интернет и социальные сети представляют собой значительный и пока ещё малоизученный прогностический ресурс, в том числе и для изучения национально-языкового вопроса. Это особенно актуально в свете нынешнего роста языкового активизма в России и во всем мире, важности низового (bottom-up) уровня языковой политики по сравнению с пониманием ее только как иницилируемой и проводимой государством и его институтами (top-down).

Отличие интернет-дискуссий в блогах, постах, комментариях к постам в соцсетях от традиционных социолингвистических источников (материалы опросов, интервью, высказывания официальных лиц, юридические и другие документы) в том, что анонимность, деперсонализированность и опосредованность интернет-коммуникации позволяют авторам высказываться так, как они этого не сделали бы в другой ситуации.

Существуют разные методы, позволяющие анализировать такой материал, в том числе статистические, с подсчетом ключевых слов и т.д. [13, р. 277 — 296]. Здесь будет представлен один из них, широко распространенный на западе — метод критического дискурсного анализа (КДА). КДА рассматривает дискурс как форму социальной практики и исходит из того, что дискурсы формируют социальную практику и в то же время формируются ею. Такой подход обуславливает интерес ученых, практикующих КДА, к дискурсам определенного рода — коммуникации в СМИ, политике и других политически ангажированных институциональных областях. Тем самым КДА представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику. В отличие от других типов анализа дискурса, КДА не претендует на объективность, не занимает позицию социально нейтрального анализа, т.к. подобная мнимая политическая индифферентность, по мнению представителей этого направления, в конечном счете способствует поддержанию несправедливого *status quo*.

КДА функционирует следующим образом: выявляется соотношение между лингвистическими средствами, формами, структурами и их выбором и использованием в конкретном дискурсе; ставится задача сделать прозрачной обоюдную связь между дискурсивным действием и политическими и институциональными структурами [14; 2]. Это индуктивный метод, т.е. обусловленный характером самих анализируемых текстов.

КДА является хорошим инструментом для выявления языковых идеологий. Под языковыми идеологиями, как правило, понимаются морально и политически нагруженные представления

о природе, структуре и использовании языков в социальном мире [9, р. 248 — 267]. Их «молчаливый», само собой разумеющийся характер способствует «натурализации» здравого смысла, что в конечном счете укрепляет языковое и социальное неравенство [10, с. 10]. Лингвистами выделяется целый ряд языковых идеологий, оказывающих негативное влияние на состояние и перспективы миноритарных языков: фольклоризация, гипертрадиционализация, ассоциация (миноритарного) языка только с прошлым и стариной, пуризм. Многие идеологии вращаются вокруг понятий легитимности, «владения» языком (language ownership), аутентичности [12; 11].

В версии одной из научных школ КДА (Венской школы КДА в лице Рут Водак и ее коллег) конкретная аналитическая процедура КДА может производиться в трех измерениях дискурса—*содержание, стратегии аргументации и лингвистические средства* [14]. Хотя полный анализ предполагает изучение всех трех измерений, в зависимости от характера материала и разного рода ограничений можно сконцентрироваться и на чем-то одном.

В нашем случае для демонстрации возможностей КДА для анализа такого специфического объекта исследования, как дискуссии в социальных сетях, целесообразно обратить внимание на второе измерение — стратегии аргументации, а именно на аргументативные схемы (топосы), используемые авторами для обоснования своей точки зрения. На наш взгляд, именно топосы наиболее эксплицитно обнаруживают позиции пишущих. Под топосом понимаются мысли и понятия, основанные на ценностях и предпочтениях аудитории. Другими

словами, топосы — это оценочно нагруженные общие места дискурса. Применительно к аргументации в сочетании «общее место» слово «общий» «...указывает на то, что положение является общим для оратора и аудитории, в одинаковой степени разделяется ими» [6, с. 75]. Успех речи зависит от того, сможете ли вы свести тему к таким положениям, которые аудитория примет безоговорочно. <...>. Найденный топос составляет концептуальную основу аргумента. <...>. Можно встретить и более широкое понимание топоса как разделяемое всеми, большинством или определённым сообществом мнение, воззрение, не требующее доказательств (напр., Все люди смертны) [3].

Не все аргументативные схемы и положения могут считаться топосами. В определенном смысле топос в силу сильной ориентации на аудиторию — это всегда упрощение и оценка, поэтому ученые говорят о банальности, стертости, автоматизированности большинства топосов [4, с. 45]. Поэтому, например, развернутая научная аргументация, которая также встречается в дискуссии о миноритарных языках, не является топосом и нами не учитывается. Также топосы, слишком далеко уходящие от темы языка, хоть и косвенно связанные с сохранением миноритарных языков, остаются за рамками анализа. И, наконец, в настоящей статье будут представлены только некоторые наиболее распространенные и популярные топосы. В силу обширности темы в статье анализу будут подвергаться только топосы, условно говоря, противников языкового разнообразия и поддержки миноритарных языков; топосы их сторонников — задача дальнейших исследований.

**Табл. 1. Идеологии и топосы в дискуссии
о миноритарных языках в интернете и социальных сетях¹**

(Языковые) идеологии	Топосы и цитаты
<p>Язык = этничность</p> <p>Языковая принадлежность</p> <p>«Владение» языком</p>	<p align="center"><i>(Язык X не нужно сохранять // изучать), т.к. он нужен только группе X</i></p> <p>«Татарстан — это не ваша республика. напомним — здесь живет половина людей других национальностей. у них есть СВОЙ родной язык. учить ваш мы не будем».</p> <p>«Если Вы своих детей убедите учить татарский язык, то конечно сохранится. А русские и чувашские дети здесь непричём».</p>
<p>«Язык прошлого», не язык современности</p>	<p><i>Язык X не нужно сохранять // изучать, т.к. МЯ мало востребован (=> мало кому (никому не) нужен // не нужен для карьеры и в целом для будущего // МЯ = изоляция, вакуум</i></p> <p>«Сейчас навык владения неким малым языком — это просто выброшенные из жизни часы на его изучение. Смысла не больше, чем в любом другом хобби».</p> <p>«... это язык отсталый и пусть он изучается только в быту, но никак ни на государственном уровне».</p>

¹ Язык X — некий конкретный миноритарный язык (МЯ), упоминаемый в дискуссии. Поскольку дискуссия о МЯ была наиболее активной в Приволжском регионе, обсуждаемые языки — это языки данного региона — татарский, башкирский и т.д. Топосы выделены курсивом и полужирным шрифтом, цитаты заключены в кавычки. Вариации идеологий и топосов даны через двойную косую черту (слэш). Сохранена орфография и пунктуация авторов постов.

(Языковые) идеологии	Топосы и цитаты
<p>Опасно поддержи- вать МЯ</p> <p>Языковая уни- фикация идет на пользу человече- ству</p> <p>Нам нужны только «большие» язы- ки // только один язык)</p>	<p><i>Язык X не нужно сохранять // изучать, т.к. под- держка МЯ означает национализм и сепаратизм</i></p> <p>«Ну установление своего отдельного языка есть инструмент сепаратизма».</p> <p>«Единый язык — это, прежде всего, удобно. По- правьте меня, если я не прав, но, чёрт возьми, удобно, когда во всём мире все цифры и математические сим- волы пишутся одинаково. В тех регионах, где цифры пишутся по-другому, я испытываю неудобства — мне приходится их учить».</p>
<p>Передача языка — задача только семьи</p>	<p><i>Язык X не нужно сохранять // изучать, т.к. язык можно передать только в семье. Если дома на язы- ке не говорят — значит, он не нужен</i></p> <p>«Но если эти языки правда нужны, то почему никто не хочет на них говорить? А если все хотят, то почему им требуется искусственная поддержка?»</p> <p>«Это же просто язык. Хочешь — говоришь, не хо- чешь — не говоришь. Даже с дивана вставать не надо».</p> <p>«Никакое насаждение формального преподава- ния его не носителям не спасёт его от забвения, если в семьях самих носителей он не используется в быту».</p>

(Языковые) идеологии	Топосы и цитаты
<p>Один язык = одна территория</p>	<p><i>Язык X не нужно сохранять // изучать, т.к. язык X не нужен за пределами национального региона // (только людям, живущим вX, нужен язык X)</i></p> <p>«Вот нафига козе баян? Проучился с 1 по 9 класс чувашскому языку, уехал на пмж в Казань, он мне теперь нафиг не нужен. Зря потраченное время и бюджетные деньги на мое "обучение". Так и с татарским: вот сейчас живу я здесь, а через несколько лет перееду и что? мне и моим детям и татарский не нужен будет».</p> <p>Я понимаю тревогу родителей, что ребенку дают "ненужные" знания. Но нужно думать в перспективе, если ваш ребенок точно уезжает куда-нибудь из Татарстана, то это и правда "ненужные" знания. А если ребенок останется в Татарстане, то знание татарского языка нужно.</p>
<p>Многоязычие препятствует развитию ребенка</p>	<p><i>Язык X не нужно изучать, т.к. многоязычие — это нагрузка для детей</i></p> <p>«то, что владение двумя языками облегчает изучение третьего, нисколько не отменяет того, что изучение второго языка замедляет освоение первого, а изучение третьего — первых двух».</p>

Топосы (в правой колонке) теснейшим образом связаны с языковыми идеологиями (левая колонка). Механизм их связи заключается в том, что языковые идеологии представляют собой более общие и абстрактные системы убеждений и ценностей, в то время как топосы — это аргументационные схемы, которые связаны с содержанием основания и соединяют аргумент с выводом. Так, аргумент «язык X нужен только группе X» служит обоснованию вывода «если кто-то не принадлежит к группе X, им этот язык не нужен». В основе этого топоса лежит часто неосознаваемое идеологическое представление об имманентной связи языка и этничности, о том, что язык «принадлежит» только группе X, и она «владеет» им.

Следует подчеркнуть, что выделение отдельных идеологий — это вынужденная аналитическая процедура. Фактически же идеологии не изолированы друг от друга, а тесно переплетены. В распространенных топосах «пусть чувашаи знают чувашский, татары — татарский и т.д., а остальным это не нужно, в то время как русский язык должны знать все» можно обнаружить сразу несколько идеологий: это и представления «один язык = одна этничность» и «язык = территория», легитимация замены миноритарного языка русским через апелляцию к юридическому статусу последнего, и идеологические представления о языковой иерархии (деление на языки «первого» и «второго сорта»). Языковые идеологии, как правило, явно не выражены, но их можно реконструировать с помощью топосов.

Одна и та же идеология и топос могут использоваться как противниками, так и сторонниками МЯ. Например, идеологическое представление о прочной связи языка с этничностью счи-

тается основанием, на котором строятся аргументы сторонников сохранения МЯ. Поэтому идеология «язык = этничность» и связанное с этим понятие родного языка критикуются конструктивистами и сторонниками языковой ассимиляции, которые выступают за демонтаж категории родного языка и разрыв «прочно склеенной» связи языка с категорией национальности в российском дискурсе [5, с. 133]. Однако, как мы видим, идеология «язык = этничность» широко распространена в массовом сознании как раз противников сохранения данных языков и используется ими как аргумент, чтобы, например, отказаться от изучения МЯ детьми в школах. Несмотря на то, что эта идеология считается устаревшей с научной точки зрения как чрезмерное упрощение гораздо более сложной взаимосвязи между языком и этнической идентичностью [8; 7], она, как показывают интернет-дискуссии, прочно укоренена в массовом сознании российских граждан.

Анализ соцсетей выявил, в частности, ряд идеологических представлений о языковой иерархии, нормативности (русского) одноязычия, «естественном» характере исчезновения МЯ из-за их «ненужности» и бесперспективности, ассоциацию этих языков с национализмом и стариной. Все эти идеологии и воплощающие их топосы присутствуют как в мировом, так и в российском интернет-дискурсе, так что российский случай не является исключением из мировой практики. Однако в манере ведения дискуссий в российских социальных сетях наблюдается некоторая российская специфика. Заявления и утверждения участников часто категоричны [1] и используют не только топосы, но и прямые оскорбления, искажения фактов и другие методы некорректного ведения дискуссий.

В целом интернет-дискуссии о МЯ России очень интенсивны, поляризованы и обнаруживают ряд эмоций и скрытых фобий, существующих в массовом сознании российских граждан. То, что в этой статье были кратко проанализированы только голоса против поддержки и изучения МЯ, не должно создавать ложного впечатления об отсутствии противоположной точки зрения, хотя, действительно, использование топосов в аргументации своей позиции особенно распространено среди противников поддержки МЯ и многоязычия в целом. Многие топосы и аргументируемые ими идеологии, приведенные в таблице 1, проще и понятней аргументов «за» и носят прагматичный, практический характер. Они, как бы самоочевидны, и поэтому разделяются многими.

Аргументы сторонников, которые не рассматриваются в данной статье, но зафиксированы в нашем корпусе, в большей степени носят фактологический, общегуманитарный, лингвоэкологический характер. Они более пространны, а не лапидарны, как аргументы «против», т.к. необходимость поддержки МЯ менее очевидна и нуждается в объяснении. Многие из них высказываются профессиональными лингвистами, хотя было бы совершенно неправильным утверждать, что за сохранение и поддержку МЯ выступают лингвисты, а против — «обычные» люди. Таким образом, наше исследование также показало разницу между экспертными и «профанными» идеологиями, топосами и дискурсами. (Социо)лингвисты исходят из идеи языкового равенства и научно доказывают, что не существует языков «первого и второго сорта», что МЯ структурно не менее сложны, чем языки с миллионами носителей, что двуязычие полезно для развития когнитивных способностей детей и т.д. В профанном, массовом сознании,

наоборот, распространены более практичные и апеллирующие к здравому смыслу рассуждения. Обыденное массовое сознание склонно к упрощению и любит простые решения и объяснения. Различная ценность, приписываемая языкам на лингвистическом рынке, заставляет людей сознательно или бессознательно принимать решения в пользу доминирующих языков. Эти решения и соответствующие дискурсы, в свою очередь, поддерживают и создают текущее положение дел в языковой сфере.

Литература

1. Баранова, В. В., Федорова, К. С. Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика // *ActaLinguisticaPetropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* — 2018. — Т. XIV. — Ч. 3. — С. 38–56.
2. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
3. Словарь по риторике, языкознанию и эффективному общению. URL: <https://didacts.ru/termin/topos.html> (accessed 28.02.2022).
4. Степанов, А. Д. The concept of topos: the problem of borders // *Миррусского слова.* — 2018. — № 2. — С. 41–46.
5. Тишков, В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // *Полис. Политические исследования.* — 2019. — № 3. — С. 127–144. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.08
6. Хазагеров, Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2004.

7. Хилханова, Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на примере языковой ситуации в этнической Бурятии). Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009.

8. Blackledge, A., Pavlenko, A. Negotiation of identities in multilingual contexts // *International Journal of Bilingualism*.—2001. —No 5. —P. 243–257. DOI 10.30842/alp2306573714303

9. Irvine, J. When talk isn't cheap: language and political economy // *American Ethnologist*. — 1989.—16. — P. 248–67.

10. McCarty, T. L. (ed.) *Ethnography and language policy*. New York: Routledge, 2011.

11. Pischlöger, C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. *Linguistic Genocide Or Superdiversity?* // *New and Old Language Diversities*. —2016. —Vol. 14. —P. 108–132.

12. Sallabank, J., Marquis, Y. 'We Don't Say It Like That': Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker. In C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. — 2018. —P. 67–90.

13. Vessey, R. *Corpus Approaches to Language Ideology* // *Applied Linguistics*. — 2017. — 38/3. —P. 277–296. doi:10.1093/applin/amv023.

14. Wodak, R., De Cillia, R., Reisigl, M., Liebhart, K., Hirsch, A., (TRANS.), Mitten, R., (TRANS.), Unger, J.W. (TRANS.) *The Discursive Construction of National Identity*. (2nd ed.) Edinburgh University Press, 2009.

Рекомендации

Анализ интернет-дискурса в его наименее регулируемом государством сегменте (социальных сетях) дает срез актуального общественного мнения и языковых установок. Предварительный анализ интернет-дискурса показывает, что в коллективном сознании широк разброс мнений: от неприятия многоязычия и фобий до толерантного отношения к миноритарным языкам и признания языковых прав говорящих на них. Если исходить из того, что языковая политика направлена на сохранение языкового многообразия РФ и государство намерено выполнять свои обязательства в этом плане (записанные, в частности, в Конституции РФ), то, учитывая централизацию власти в России, только государство может стать ключевым актором в деле повышения престижа миноритарных языков и формирования коллективного общественного мнения. Трансляторы такой политики (как и любой другой) общеизвестны: от СМИ, в первую очередь телевидения, артикуляции соответствующих установок в публичном и властном дискурсе до законодательных инициатив. Однако в современной ситуации такой вектор развития языковой политики представляется маловероятным.

Н.М. Мухарямов,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»,
Казань

N.M. Mukharyamov
Kazan State Power Engineering University
Kazan
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБНОВЛЯЕМОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE UPDATED MODEL OF THE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В работе рассматриваются принципы формулирования языковой политики — одного из приоритетных направлений государственной политики, направленной на поддержание социально-коммуникативного устройства российского общества и культурно-языкового многообразия. Предмет анализируется в плане офици-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022.

ально-документального оформления в контексте правовой политики, с одной стороны, и академической концептуализации, с другой стороны. Основное внимание уделено макро-политическим факторам, предпосылкам и задачам обновления современной модели языковой политики в Российской Федерации.

Annotation. The paper discusses the principles of formulating a language policy — one of the priority areas of state policy aimed at maintaining the social and communicative structure of Russian society and cultural and linguistic diversity. The subject is analyzed in terms of official documentation in the context of legal policy, on the one hand, and academic conceptualization, on the other hand. The main attention is paid to macro-political factors, prerequisites and tasks of updating the modern model of language policy in the Russian Federation.

Ключевые слова: языковая политика, концепция как политико-правовой документ, концепция как теоретически организованная модель, дистинкции как аналитические дилеммы

Keywords: language policy, conception as a political and legal document, conception as a theoretically organized model, distinctions as analytical dilemmas

Обстоятельства, диктующие потребности в определенной пересборке проводимой в России языковой политике, включая пополнение ранее устоявшихся представлений, подходов и инструментов меняющимися способами видения предмета, образуют многомерную картину. Наряду с собственно лингвистическими (социолингвистическими) аспектами следует держать в поле зрения и широкий спектр экстралингвистических

моментов. Все стороны, представленные в процессах сознательного регулирования языковых отношений (в том числе — воздействия на социально-языковое и этноязыковое многообразие российского общества), сами по себе пребывают в подвижном соотношении. Этим предопределяется необходимость и уточняющей корректировке существующих взглядов на цели и основные принципы проводимой в стране разносторонней работе, и принятие новых решений в этой области политико-правовой и культурно-политической практики российских властей и общественных институтов.

Действующие здесь факторы могут быть сгруппированы и структурированы по-разному.

Существует группа детерминантов макросоциального (демографическая динамика, изменения поселенческой структуры — урбанизация, в частности, — состояние человеческого капитала, переменных возрастного, образовательного, профессионального плана и проч.) и общеполитического порядков. Политическая (геополитическая) обстановка неизбежно отражается в состоянии языкового устройства и языкового функционирования общества. Нет необходимости специально останавливаться на сравнениях характеристик политической системы российского общества в начале 1990-х, на рубеже двух столетий, в конце 2010-х годов и в наши дни. Очевидно, что среда взаимоотношений властей и общества, взаимодействия политических акторов претерпела кардинальные изменения в координатах «стабильности — нестабильности» и «интеграции — дезинтеграции». Это самым прямым образом отражается на постановке «языкового вопроса».

На политическом горизонте фиксируются определенные сдвиги по сравнению с периодом тридцатилетней давности. Русский язык упрочил свои позиции универсального средства общения всего российского общества и как средства общей гражданской идентичности. С точки зрения же его представленности в зарубежном пространстве русский язык будет сталкиваться с усиливающимися политико-информационными вызовами в контексте гибридного противостояния с коллективными геополитическими соперниками после февраля 2022 года. В каких-то контактных геокультурных зонах русский язык будет сталкиваться с рестриктивными угрозами для самого его присутствия в публично-информационной сфере. В других — с пропагандистским и тактическим маневрированием более «мягкого» типа, или в рамках своеобразного внешнеполитического «торга» за ресурсы влияния.

В контексте политико-информационного противостояния в кардинально меняющейся международной среде происходит и будет, вероятно, происходить в обозримой перспективе переосмысление глобализации, в том числе — далеко не в последнюю очередь применительно к проблематике языкового функционирования. Оценка внешних воздействий на языковую жизнь российского общества перестаёт быть нейтрально объективистской. Ссылки на глобализацию как на некоторую неизбежную данность, влияющую на структурные и функциональные характеристики языков это, скорее всего, уступят место более идеологически заряженным подходам. Об этом говорит нарастающий политический запрос на меры пуристского свойства, на ограничение присутствия иноязычным (англоязычным, прежде всего) заимствованиям в публичном речевом обиходе. Не абстрактно и анонимно истолкован-

ная глобализация, но «вестернизация» (как вариант — «латинизация») все более и более будет трактоваться в терминах не просто вызовов, но угроз по отношению к национальной безопасности. Это — в свою очередь — столкнется с серьезными препятствиями из-за гипертрофированных размеров проникновения заимствованных языковых символов во все сферы российской действительности — от товарного и культурного потребления до технологических структур массовой информации, бизнеса, маркетинга, управления.

Языковые отношения в их «внутренних» измерениях, положение «титulyных» языков в российских республиках или миноритарных языков в других регионах страны, скорее всего, не будут сколь-либо масштабно использоваться в виде инструментов протестной этнополитической мобилизации сепаратистского толка. Сказанное, однако, не исключает усилий по политико-информационной активизации риторики, касающейся языков российских народов, предпринимаемой извне в контексте гибридного противоборства. С другой стороны, энергичная политика, обеспечивающая устойчивость российского этноязыкового многообразия, этика эмпатийного и бережного восприятия языковых составляющих исторического наследия народов страны и актуальные показатели функциональности российского многоязычия — мощный ресурс привлекательности России, ее опыта в языковой политике в XX веке и успешного разрешения существующих сегодня задач. Особенно злободневный смысл это получает в контексте восточных (в целом — «третье-мировских») векторов внешней политики российского государства.

Другая группа факторов трансформации языковых отношений в российском обществе может быть рассмотрена в макро-со-

циологических категориях. Это — и процессы урбанизации с их неизбежными унифицирующими составляющими, и модернизация всех укладов человеческой жизнедеятельности, и миграционные (внутренние и внешние) демографические сдвиги с соответствующими культурно-языковыми переменными, и возрастные и социально-профессиональные параметры состава населения с присущими им тенденциями языкового поведения и коммуникативного участия. Переток все большего числа занятых в отрасли, в которых преимущественно используются новейшие информационные технологии, создает новые речевые идентичности и установки для общения, новые линии социолингвистической фрагментации.

По-новому предстает динамичное соотношение многих сторон социально-коммуникативных систем — общероссийских и региональных масштабов. Сказанное касается, к примеру, взаимодействия переменных этнической дифференциации и социальной стратификации в меняющихся языковых ситуациях различного порядка. Эти ситуации складываются из распределения как этнических (идеоэтнических) кодов и, с одной стороны, но и распределения разнообразных субкодов (подсистем одного естественного языка), включая не только диалекты, но и социолекты, с другой стороны. Отсюда — своя динамика взаимодействия переменных, связанных с коммуникативной прагматикой (функциональный аспект) языкового общения, а также с символическими манифестациями идентичности (ценностный и аффективный аспекты). Мотивация языкового выбора в различных контекстах связана с потребностями эффективности также, как и с потребностями этнокультурного самовыражения. Барьеры

на пути взаимопонимания в условиях многоязычия, сочетающегося с усложнением социально-профессиональной стратификации, имеют сложносоставную природу. Иначе говоря, носителям разных языков в качестве родных в условиях практически поголовного владения универсальным общероссийским кодом — русским языком, — общаться легче, чем разным речевым коллективам в калейдоскопе социокультурных, профессиональных, возрастных различий в коммуникативных предпочтениях, стилях, жанрах, регистрах и проч. Такую динамику вряд ли возможно учесть в формально-юридических предписаниях, в актах законодательства в области языковых отношений. Однако это можно сделать предметом политико-правового — в концептуальном смысле, в первую очередь, — воздействия на языковую жизнь российского общества.

В структуре факторов, определяющих потребность переосмысления ориентиров языковой политики, одно из центральных мест принадлежит стремительным, повседневным и лавинообразным информационно-технологическим новациям. В доктринальных документах российского государства, определяющих основные ориентиры развития информационного общества обеспечения информационной безопасности страны, сформулированы установки политико-языкового смысла. Информационная и телекоммуникационная инфраструктура — новая среда как самих общественных отношений по поводу социально-коммуникативного устройства российского общества и его этнокультурного многоязычия, так и инструментария языковой политики в специальном смысле понятия. Для формирования информационного пространства знаний признано необходимым:

а) проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан;

б) реализовать просветительские проекты, направленные на обеспечение доступа к знаниям, достижениям современной науки и культуры;

в) проводить мероприятия по сохранению культуры и общероссийской идентичности народов Российской Федерации;

г) сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

д) усовершенствовать механизмы обмена знаниями;

е) обеспечить формирование Национальной электронной библиотеки и иных государственных информационных систем, включающих в себя объекты исторического, научного и культурного наследия народов Российской Федерации, а также доступ к ним максимально широкого круга пользователей;

к) создать условия для популяризации русской культуры и науки за рубежом, в том числе для противодействия попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов;

л) установить устойчивые культурные и образовательные связи с проживающими за рубежом соотечественниками, иностранными гражданами и лицами без гражданства, являющимися носителями русского языка, в том числе на основе информационных и коммуникационных технологий;

м) осуществлять разработку и реализацию партнерских программ образовательных организаций высшего образования и российских высокотехнологичных организаций, в том

числе по вопросу совершенствования образовательных программ [13].

В этом же контексте определены те тенденции при движении к цифровизации, которые носят очевидный тревожащий характер, — сформирована новая модель восприятия (так называемое клиповое мышление с преобладанием поверхностности), смещение акцентов с научного и культурно-образовательных содержательных моментов — на развлекательно-справочные. Это, как подчеркивается, дает преимущества субъектам, которым принадлежат технологии распространения информации.

Идентифицированы, далее, информационные угрозы, в том числе имеющие лингвокультурные измерения, что связано с применением цифровых ресурсов со стороны геополитических соперников, нелегитимных акторов «вне суверенитета», включая этнические организации [6]. Использование информационного оружия в целях подрыва социальной и этнической стабильности, деструктивного воздействия на общество — один из критически важных факторов, требующих внимательного учета при проведении государственной языковой политики.

Как бы тривиально это ни звучало, в цифровом пространстве или в среде возникают как новые возможности, так и неоднозначные перспективы и эффекты, не говоря уже о существенных рисках и прямых угрозах, — все то, что необходимо содержательно вовлекать в концептуальное моделирование российской языковой политики применительно к новейшим условиям. По мере продвижения к информационному обществу появляются инструменты значительного расширения научных основ для регулирования языковой жизни во всех ее измерениях. Компьютерная лингви-

стика не только открывает невиданные ранее перспективы для использования речевых интерфейсов взаимодействия человека и цифровых устройств. Здесь возникают принципиально новые горизонты для обработки данных, в том числе — массивов сведений о социолингвистических состояниях языков России, других мультимедийных продуктов, цифрового контента различного культурно-языкового предназначения.

Об этом пишут участники проектной команды «Искусственный интеллект в культурно-языковом пространстве» Центра искусственного интеллекта из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» под руководством А.А. Бонч-Осмоловской. «Разработка инструментов автоматического анализа малоресурсных языков народов России связана прежде всего с наблюдающимся негативным трендом в области автоматической обработки естественного языка, проявляющемся в неравномерности развития технологий для разных языков. Большая часть современных исследований в области обработки естественного языка сосредоточена на работе с данными 10-20 наиболее распространенных языков. Развитие технологий искусственного интеллекта для языков народов России могло бы принципиально изменить эффективность вкладываемых усилий и в документацию языков, и в активизацию их использования носителями» [7].

Сегодня «Интернет» представляет собой не только арсенал инструментов и приемов, значимых с точки зрения языкового регулирования, или источник проблем и конфликтов современного типа. Эта информационно-телекоммуникационная сеть сама по себе становится областью применения принципов, подходов и инструментов языковой политики — государства и всего разно-

образия институциональных (и не институциональных) акторов, не являющихся правящими или публично-официальными, не обладающими специальными мандатами и полномочиями.

Меняется состав участников политико-языковых отношений, происходит активная его диверсификация. «Виртуальный мир стал новым пространством языковых процессов в России, — пишет Г.Ф. Габдрахманова. — Социальные сети и мессенджеры WhatsApp, Viber, ...Telegram, Messenger, Skype реализуют собственную языковую политику. А создатели порталов, сайтов, их администраторы, модераторы, участники групп в социальных сетях становятся активными и даже более влиятельными участниками языковой картины страны, чем традиционные институты (семья, образование, власть). Это преимущественно молодые люди, которые конструируют новые представления о родном языке, его значении для этнического самосознания, способах поддержки, отстаивании прав на их развитие и в целом поддержании этнической идентичности» [5, с. 45].

При разговоре о предпосылках обновления действующей модели российской языковой политики, можно обратить внимание также на следующее. Возникновение новых ситуативных обстоятельств, требующих по-новому сформулировать целеполагание и механизмы государственного управления, могут, как предусмотрено нормативно-правовыми основаниями, служить основанием корректировки стратегического планирования в рамках соответствующих циклов. Эти временные отрезки определяются сроком полномочий главы российского государства. Такая корректировка, как предполагается, осуществляется в случаях возникновения новых а) возникновение новых угроз национальной

безопасности, выявление рисков недостижения стратегических целей; б) завершение шестилетнего срока реализации документов стратегического планирования и (или) управленческого цикла; в) положения ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; г) результаты мониторинга и оценки реализации документов стратегического планирования; д) достижение целевых и (или) предельно допустимых (критических) значений показателей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности; е) несоответствие целей, задач, показателей, предусмотренных документом стратегического планирования, и их ресурсного обеспечения [14].

Языковая политика в качестве самостоятельного направления публичной властно-управленческой и общественно-государственной деятельности и настоятельность ее современного концептуального оснащения все больше и больше становятся активно обсуждаемыми в самых разных контекстах темами.

Так, Первый Съезд Общества русской словесности, проходивший 25-26 мая 2016 года при участии ученых, представителей педагогического сообщества, писателей и деятелей культуры, Президента Российской Федерации, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла принял резолюцию. В документе была выражена озабоченность среди прочего «разрозненностью, несогласованностью в деятельности организаций, занимающихся поддержкой и продвижением русского языка и литературы в России и за ее пределами». Съезд также постановил под патронатом Общества русской словесности — наряду с другими решениями: — «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения

языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики Российской Федерации в условиях глобализации», а также «создать федеральную площадку для профессионального диалога учителей языков народов России и русского языка с целью усиления внимания к проблеме изучения и преподавания русского языка и литературы в условиях реального многоязычия и поликультурности» [12].

По итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку 5 ноября 2019 г. в перечень поручений главы государства (от 01.03.2020 № Пр-355, п. 4(а)) был включен пункт о создании Концепции языковой политики РФ. В 2020 г. в постановление Правительства РФ, вносящим изменения в соответствующее постановление «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» (от 23 ноября 2006 г. № 714) установлено, что Правительство Российской Федерации «утверждает концепцию государственной языковой политики Российской Федерации» (от 08.08.2020 № 1198).

Активно предпринимаемое в различных сегментах и на разных «этажах» информационного пространства обсуждение темы современной российской языковой политики в её нынешнем актуальном состоянии производит впечатление определенной амбивалентности.

С одной стороны, постулируется приоритетность и неотложность задач, связанных с духовно-коммуникативной общностью народов России и с бережным отношением к культурно-языковому многообразию как историческому достоянию. Смысловое

доктринальное ядро, сущностное обоснование стратегического курса отражено и в Конституции Российской Федерации (Ст. 68, 69 в редакции Закона РФ от 14 марта 2020 г.), и в доктринальных документах и правовых актах самого высокого уровня. Наряду с приданием русскому языку ранга языка государствообразующего народа всем народам страны гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития. Этнокультурное и языковое многообразие защищается государством.

С другой стороны, как в официально-документальных текстах, так и в научно-экспертном сообществе (не говоря уже о материалах СМИ или обыденных суждениях) присутствуют разноречивые высказывания, суждения и оценки. Многое здесь, по-видимому, объясняется особенностями профессионально-научной специализации участников дискуссий, жанровыми форматами, субъективными мотивациями и множеством других обстоятельств. Названную антиномичность излагаемых смысловых позиций можно рассмотреть сквозь призму некоторых дистинкций (лат. *distinction* — разделение), различий.

Можно обратиться к примерам определенной оценочной поляризации по отношению к предмету — к современной российской языковой политике — по шкале «оптимизм / пессимизм», обратившись к наиболее, пожалуй, показательным примерам.

Так, во время работы Форума ФАДН «Языковая политика в РФ» в декабре 2021 г. зампредседателя Межправительственного совета программы ЮНЕСКО «Информация для всех» Евгений Кузьмин отмечал: «В каждом двуязычном и даже многоязычном регионе в России создана и функционирует институциональная

инфраструктура поддержки языков. ...В России это происходит лучше, чем во многих других, если не во всех, многоязычных странах. Хотя международных сравнительных исследований здесь не проводилось, можно утверждать, что российская языковая политика одна из лучших, если не образцовая. Россия может предложить миру выработать критерии, параметры языковой политики, критерии ее оценки на каждом направлении, инициировать и возглавить такие исследования с целью выявления лучших политик и практик. У нас для этого в стране есть все возможности. ...Это мы, а не англосаксы должны решать, на каком уровне опасности находятся наши языки и разбираться с тем, что такое индекс витальности, а то получается, если судить по атласу, у нас на одинаковом уровне уязвимости находится чувашский язык в России с 1,5 млн чувашей и язык индейского племени в США с численностью в 250 человек» [3].

Созвучную позицию формулирует в одном из недавних интервью директор Института этнологии и антропологии РАН Д.А. Функ: «Все законы прописаны, все возможности представлены. Есть языковая политика — с этим все хорошо, а вот с языковым планированием — тем как эта политика реализуется — есть некоторые проблемы. ...Надо менять отношение к полилингвизму в обществе, работать с родителями. И надо активнее рассказывать о том, насколько велик и могуч каждый из используемых у нас в стране языков. Это называется статусное планирование. ...По-моему представлению, всё, что касается наших национальных республик, было и есть таким, что там просто грех жаловаться. ...мы нигде — при всем желании — не можем отнести эти языки к группе языков, находящихся под угрозой исчезно-

вения. Не значит, что совсем нет проблем в реализации языковой политики, но к «исчезающим языкам» применительно к ситуации в любой из республик это точно не имеет отношения» [15].

На другом фланге в рамках рассматриваемых оценочных подходов превалируют негативные суждения относительно проводимой в стране языковой политики. «Каждое государство ведет ту или иную языковую политику, направленную на поддержание или вытеснение того или иного языка, на обеспечение языкового единства в пределах государства, на создание или сохранение того или иного баланса между языками. Разумеется, языковая политика может осуществляться сознательно или стихийно, — пишет В.М. Алпатов. — ...В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению русского языка и вытеснению малых языков, чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет» [1, с. 175]. В несколько иных ракурсах — с точки зрения содействия нормативных аспектов языковой политики общественному благу — также встречаются оценки, проникнутые, скорее, пессимистической тональностью. «Обнаруживаемая постановка целей и задач языковой политики в нормативно-правовых актах Российской Федерации, выбор практических мер реализации этих целей и задач в государственных программах не позволяют говорить о том, что потенциал языковой политики как инструмента социально-экономического развития страны, обеспечения социально-экономических интересов ее граждан задействован не в полной мере или хотя бы в должной мере осознается участниками нормотворческого процесса» [8, с. 108].

Обсуждение проблематики, связанной с властно-управленческим регулированием общественных отношений по поводу культурно(этно)-языкового многообразия в российских условиях, как можно убедиться на приведенных примерах, неизбежным образом будет связано с оценочно-смысловыми разночтениями.

Ряд дистинкций, лежащих в основе предпринимаемого в данном случае анализа языковой политики в современных российских условиях, может быть продолжен за счет рассмотрения отличительных свойств тех или иных «дискурсивно-жанровых» форматов и присущих им методологий изложения в их естественным образом диверсифицированном виде. Один контур — это академическая, собственно исследовательская практика, ее результаты в виде программ и процедур научной разработки в каком-то предметном направлении, используемые теории разного уровня, методологии и методики, оформляемые в публикациях результаты разысканий ученых. Другой — разработки экспертно-аналитического плана, по-своему «опосредующих» связь науки и практики, когда полученные эвристические итоги переводятся из плоскости дескрипции или прогнозов — в плоскость практической аскрипций, рекомендаций и проч. Наконец, практически-управленческий контур с характерными для него «форматами» официально-документального плана, которые — в свою очередь — представляют собой весьма дифференцированную картину различных уровней и направлений деятельности публично-властных инстанций разного уровня и ведомственного профиля.

Сказанное в полной мере применимо к языковой политике — к обеспечению устойчивости социально-коммуникативного устройства общества в целом, к поддержанию социокультур-

ных (в том числе — этнокультурных), демографических, функциональных, институциональных и инфраструктурных параметров языкового многообразия в одно-, дву— и многоязычных измерениях.

Существуют очевидные и принципиальное различие между «концепциями» как документами политико-правового характера и «источника права политико-идеологического содержания» (наряду со «стратегиями», «доктринами», «основными направлениями», «программами») и концептуальными структурами научного знания. Это, вероятно, прежде всего — свойства, связанные с возможностями оспаривания. В исследовательской практике, пространстве теоретизирования, эвристики, гносеологии оспаривание выступает фундаментальной предпосылкой познания. Доктринальные документы, акты стратегического планирования в сфере государственного управления, которые сформулированы в строго определенных алгоритмах, действует своя система правил и требований и должны соответствовать определенным стандартам «архитектуры».

Эта деятельность осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании» (N 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. и Указом Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» (N 633 от 8 ноября 2021 г.).

Документы политико-идеологического и политико-программного плана должны отвечать принципам «единства и целостности, преемственности и непрерывности, сбалансированности», а соответствующая архитектура актов, из которой вытекает «подчиненность, очередность разработки и утверждения», их ме-

сто в системе стратегического планирования, продолжительность действия, этап цикла такого планирования. Эти акты должны быть согласованы и сбалансированы по приоритетам, целям, задачам, показателям, ресурсам. Соответствующие циклы стратегического планирования включают прогнозирование, целеполагание, планирование и программирование, реализацию документов стратегического планирования, включая выработку соответствующих мер и корректировку.

Концепция, далее, может представлять в виде одного из элементов юридической техники, применяемой в процедурах законотворчества. В этом случае — при разработке федеральных законопроектов — документом такого плана предусматривается определение основной идеи, цели, предмета регулирования, формулирование новых прав и обязанностей (в том числе — с учетом ранее имевшихся). Помимо этого, концепция как документ, предваряющий рассмотрение законопроекта, указывает на пробелы и противоречия в актуальном корпусе законов, наличие в нем устаревших юридических конструкций, неэффективных положений или тех, что не подкреплены работающими механизмами реализации. Предполагается также, что документ такого рода должен содержать данные статистики и результаты научных исследований.

Понятно, что все контуры — официально-документальный, научно-исследовательский и экспертно-аналитический — в идеальном случае должны находиться в состоянии скоординированности. Эта установка по-особому актуальна применительно к таким «дискурсивно-жанровым» перспективам, к которым относятся концепции — документы, синтезирующие вышеназванные

подходы. На это обстоятельство обращают внимание специалисты-правоведы. Так, М.А. Мушинский отмечает, что концепция в общем смысле — «это: 1) определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; 2) система взглядов на явления в мире, в природе, в обществе; 3) ведущий замысел, конструктивный принцип в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности; 4) комплекс взглядов, связанных между собой и вытекающих один из другого, система путей решения выбранной задачи». Концепция, как подчеркивается при этом, определяет стратегию действий. Концепция, далее, с излагаемой точки зрения, не содержит правовых норм в собственном смысле слова, не преследует регулятивных и охранительных функций, не относится к формально-юридическим источникам права. «Концепция — это не форма права, а источник политико-идеологического характера, формулирующий основы правовой политики в соответствующей сфере». Продолжая эту логическую последовательность, автор формулирует дефиницию: «Концепция — это разрабатываемый в рамках целеполагания документ стратегического планирования, в котором закреплены: 1) базирующиеся на доктрине актуальные взгляды политического руководства на состояние дел в какой-либо сфере социальной жизни и (или) публично-властного управления; 2) принцип правовой политики в данной сфере; 3) сформулированные в самом общем виде социальные стандарты, основные направления развития социума и власти в данной сфере, каналы взаимодействия государства и гражданского общества, оценка имеющихся проблем, направления противодействия угрозам и деструктивным

явлениям, **цели общественного развития**; 4) сформулированные в самом общем виде приоритеты политико-правового регулирования в данной сфере» [9, с. 488-499].

Конфигурация концептуальных ориентиров включает, таким образом, также описание инструментария, который используется при проведении соответствующего политико-управленческого курса — по формуле «система целей (включая корректировку ранее сформулированных) + задачи + инструменты реализации». Эти инструменты имеют собственно правовую природу и средства правовой политики (или — практику стратегического планирования), научного и информационно-аналитического оснащения, методы выявления проблемных ситуаций.

Концептуализация, понимаемая академически — в общем и нестрогом плане, — означает процедуру первичной теоретической организации модели, с помощью которой возможно построение картины тех или иных фрагментов реальности, и посредством которой создаются схемы сочетания минимально необходимых понятий (исходных концептов). Применительно к политическим материям, в том числе — к «секторальным» (отраслевым) курсам властно-управленческого регулирования, к артикуляции интересов и к согласованию социально-волевых позиций, к коллективному целедостижению и производству публичных благ это — условие и критерий конститутивного статуса соответствующего курса практических решений, мер и деятельности в целом. Иначе говоря, концептуальное оформление политики в различных сферах одновременно служит мерой того, насколько эта политика институционально сформирована и конституирована. Далее, от релевантности и внятности понятий и формулировок,

используемых в рамках проводимого политического курса, зависят результаты решений и практических мер, предпринимаемых в рамках административно-управленческих технологий, в данном случае — в области регулирования языкового устройства общества на различных уровнях. Наконец, концептуальное оснащение языковой политики — это критически важная предпосылка коммуникации как внутри властных инстанций (в том числе — между различными ведомствами и службами), так и коммуникации управляющих субъектов с управляемыми в контекстах формирования особой публично-информационной повестки.

Способы исследовательской концептуализации языковой политики являют собой множественную картину вариантов интерпретации, не поддающихся логическим операциям полной индукции. Можно, скорее, говорить о возможности построения различных видов классификаций — либо о перечислении произвольно отобранных элементов, либо об операциях дизъюнкции с использованием логического союза «или».

В первом случае будут использоваться структурные и функциональные стороны языковой политики — такие, к примеру, как общепринятые подходы к языковому регулированию («планирование корпуса», «планирование статуса», «планирование изучения», «планирование дискурса», «планирование престижа» ...).

В отечественной литературе по социальной лингвистике еще в советский период были использованы приемы антиномичной типологии языковой политики. В фокусе научной полемики тогда оказывались проблемы разграничивающего видения:

— языковая политика, «проводимая, — с точки зрения Н.А. Катагощиной, — централизованно в масштабе всего госу-

дарства (всей страны, всего языкового коллектива)» vs «попытки сознательного и целенаправленного воздействия на язык, которые не исходят от органов государственной власти и не носят централизованного или обязательного характера, — как пишет А.Д. Швейцер, — но вместе с тем являются частью политического курса определенных общественных сил»;

— «внутренняя» языковая политика vs «внешняя» языковая политика, или «метаполитика», непосредственным объектом которой является не язык, а языковая политика других стран» [16, с. 146, 156].

Этот же аналитический прием использовал, например, в середине 1970-х годов Л.Б. Никольский в своей работе «Социолингвистика и лингвосоциология», проводя классифицирующие дихотомии на основе противопоставления признаков:

— ретроспективность (ориентация на сохранение существующей языковой ситуации, на противодействие изменениям) vs перспективность (ориентация на изменение языковой ситуации);

— демократичность (учет интересов широких народных масс) vs антидемократичность (учет интересов элиты);

— интернационалистичность (учет интересов всех этнических групп) vs националистичность (учет интересов лишь одной этнической группы [16, с. 150, 151].

К этой же группе оснований для типологии можно отнести различные таксономии «языковых идеологий». Здесь же расположены процедуры дискурсивного картографирования в области языковой политики. На эту особенность академических разработок указывает, например, М. Вингендер: «...новые методологические разработки в социолингвистике способствуют тому, что языковая политика

сегодня рассматривается, скорее, с точки зрения дискурсивного анализа, чем посредством анализа языковых ситуаций» [4, с. 7].

Во втором случае внимание фокусируется на способах различения теоретических моделей языковой политики как родового понятия на некоторое количество видовых понятий. В качестве примеров можно привести ряд аналитических дистинкций (в том числе приемов дихотомического плана):

— по генезису выделяются языковая политика «сверху — вниз» (макроуровень политики на правительственном уровне) и языковая политика «снизу — вверх» (микроуровень от имени сообществ);

— по средствам и целям: открытая (выраженная в текстах) и скрытая версии (интенционально маскируемая как на макро-, так и на микроуровне) языковой политики;

— по способу документирования: эксплицитный (официально изложенный в политических текстах) и имплицитный (проводимый вне и/или вопреки официальным текстам) варианты языковой политики;

— по правовому и практическому выражению: языковая политика *de jure* (письменно зафиксированная в законодательстве) и *de facto* (политика, проводимая на местном уровне, и локальные языковые практики, вне или несмотря на нормативно-правовые акты [17, с. 10].

К приведенной номенклатуре дихотомических аспектов концептуализации можно добавить и другие аналитические различия, приводимые в исследовательской литературе:

— интра— и интерлингвальные разновидности языковой политики, направленной либо на один какой-то язык (или — идио-

этнический код), либо на функциональное распределение кодов в ситуации многоязычия;

— политика, ориентированная на коммуникативные или на символические (связанные с манифестацией идентичности) аспекты языкового функционирования;

— артикуляция вопросов языковой политики в рамках институциональных и неинституциональных дискурсов.

Одна из трудностей в процессе политико-правовой концептуализации языковой политики состоит в необходимости соединения интра— и интерлингвальных аспектов. Иначе говоря, задачи, связанные с социально-коммуникативной сплоченностью российского общества, необходимо разрешать одновременно с задачами поддержания устойчивого этноязыкового и шире — культурно-языкового многообразия. В контексте предлагаемых принципов разработки концепции государственной языковой политики в России об этом несколько лет назад писали специалисты-правоведы из Санкт-Петербургского университета: «Современное государство должно задумываться не только о межнациональном общении — сегодня эта проблема в Российской Федерации стоит не столь остро, но и о коммуникации между разными социальными группами. Только такая социальная солидарность позволит успешно развиваться нашему обществу. Таким целям не уделяется достаточного внимания ни в программных документах, посвященных реализации разных мероприятий в области государственной языковой политики (например, ФЦП «Русский язык»), ни в действующих нормативно-правовых актах» [2, с. 58].

К более дробным вариантам членения исходного понятия «языковая политика» можно отнести и иной угол зрения. Если

использовать распространенные в западной прикладной лингвистике подходы, то можно говорить о нескольких обсуждаемых смысловых ориентирах:

- язык как проблема;
- язык как право;
- язык как ресурс;
- язык как инструмент [16, с. 7].

Последний из приведенных ракурсов обладает аналитической перспективностью не только применительно к языкам как таковым, но и к пониманию мотивационной природы языкового регулирования и управления культурно-языковым и этноязыковым многообразием. На этой основе возможно выделение принципиально различающихся способов понимания языковой политики, которая может формулироваться и проводиться в виде **субстантивного** (конструктивного) курса, на основе собственных приоритетов, как нечто самодовлеющее, в целях достижения (или закрепления) тех или иных социолингвистических состояний. С другой стороны, новейшая история страны, дальнего и — особенно — ближнего зарубежья изобилует примерами языковой политики **инструментального** типа. В этих случаях формальные концептуальные основания — принципы, приоритеты, подходы, цели и проч., — декларируемые под рубрикой «языковая политика», в действительности мотивируются экстралингвистическими и, как правило, конъюнктурно-ситуативными соображениями. Это могут быть интересы и стратегии разнообразного порядка — начиная с этнополитической мобилизации, с политики идентичности, легитимации режимов и, заканчивая геополитическим маневрированием.

Деятельность в связи концептуализации современной российской языковой политики применительно к меняющейся среде и к задачам, в свою очередь нуждающимся в переосмыслении, сталкивается с известными сложностями:

- исключительный сложносоставной характер объекта политико-правового регулирования, включающий и собственно языки с их многообразными социально-коммуникативными параметрами и характеристиками витальности (от мощных языков в благополучном состоянии до языков, находящихся в «терминальной» стадии); многообразные языковые ситуации; языковые отношения с весьма разнородным составом участников и акторов;

- преобладание декларативных и риторических положений в «языковом» нормативно-правовом корпусе; затрудняющая правовую политику в языковых вопросах терминологическая мозаичность или фрагментарность; сохраняющиеся анахроничные юридические конструкции в законодательстве о языках;

- очевидная недостаточность понятийного аппарата (политико)-социологической интерпретации качества многоязычных языковых ситуаций на региональных и локальных уровнях, а также концептуального инструментария для оценки и анализа этноязыковой и социально-лингвистической миноритарности;

- лакуны в политико-правовой идентификации рисков, вызовов и угроз в языковых отношениях, которые чаще всего подвергаются умолчанию в официально документированной информации;

- асимметричный институциональный дизайн в регулировании языковых отношений и их нормативно-правовом оснащении; в известном смысле «факультативность» этого направления

языковой политики в тех субъектах Российской Федерации, в которых многоязычие не получает легализованного статуса.

Известно, что в научной литературе по социальной лингвистике обсуждалась проблема контекста языковой политики, или частью чего она является — общей государственной политики или национальной политики государства. В современных условиях становится все более очевидным, что языковая политика не может иметь какой-либо ведомственной принадлежности. Она возможна лишь как «сквозной» (меж-секторальный) курс, затрагивающий все сферы жизни общества. Языковая политика находится в соположенном — пока, правда, в довольно асимметричном — состоянии с другими «политиками» — культурной, образовательной, информационной, гуманитарной, молодежной. Следует признать, что названные направления деятельности Российского государства значительно более детально проработаны с точки зрения наличия не только собственно законодательных актов, но и политических документов в виде концепций, стратегий, основ государственной политики, программ и проч., формулирующих систему взглядов, приоритетов и мер, реализуемых органами публичной власти и общественными институтами.

В интересах гармонизации нормативного базиса языковой политики (включая официально-документальную унификацию используемых понятий) весьма целесообразно было бы вести политико-правовую работу не только по созданию Концепции государственной языковой политики, но и по принятию такого универсального акта, как «Основы государственной языковой политики Российской Федерации», утверждаемого на уровне высшего руководства страны. Инициативы, выдвинутые в отечественном со-

обществе лингвистов на этот счет, по-прежнему сохраняют свою злободневность[11, с. 846]. Роль субъекта-инициатора в этом правотворческом процессе могла бы принадлежать не тому или иному правительственному ведомству (тем более, не специально учреждаемой структуре), а специальной комиссии Государственного Совета, который по Конституции, обладает сегодня полномочиями по согласованию функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики страны, приоритетных направлений ее социально-экономического развития. Приоритетность языковой политики вполне вписывается в этот контекст. Завершить рассмотрение темы о концептуальных подходах к современной российской языковой политике уместно было бы одним соображением из области отечественного юридического дискурса. Во время недавней конференции правоведов прозвучал лингвистический пассаж, обладающий очевидной универсальной значимостью: «Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет слово «смысл» и как «содержание, значение чего-нибудь, постигаемое разумом» и как «цель, разумное основание чего-нибудь». Подставив на место слова «чего-нибудь» слово «закон», мы получим два способа (метода) толкования закона:

1. буквальное толкование, в основе которого лежит анализ значения слов, используемых в тексте закона;
2. телеологическое толкование, предполагающие выявления целей, на достижение которых направлены соответствующие законоположения» [10].

Если проецировать эту установку на вопрос о концептуализации политико-языкового комплекса, то можно получить простой и ясный ориентир, лишенный казуистических нагромождений.

Иначе говоря, это — то, что может помочь преодолеть содержательную и стилистическую разногласию в политико-правовом оформлении современного российского социально-коммуникативного устройства и культурно-языкового многообразия.

Благодарности

Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Список литературы

1. *Алпатов В.* Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 253 с.

2. *Белов С.А., Кропачев Н.М., Соловьев А.А.* Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2017. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 42–61. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.103

3. «В ЮНЕСКО заявили, что Россия может предложить лидерство в сохранении языков» // https://tass.ru/obschestvo/13215995?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru

4. *Вингендер М.* Разнообразие и единство: языковые идеологии в Советском Союзе и Российской Федерации // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму.

Международный круглый стол (5-6 ноября 2019, Москва). — М., 2019. — С. 6-7.

5. Габдрахманова Г.Ф. Язык в системе культурных составляющих этнической идентичности татар в регионах России // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (5-6 ноября 2019, Москва). — М., 2019. — С. 44-45.

6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

7. Искусственный интеллект в культурно-языковом пространстве — Центр искусственного интеллекта — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // https://cs.hse.ru/aicenter/language_culture

8. Кадочников Д.В. Цели и задач языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // *Terra Economicus*. — 2019. — № 17 (1). — С. 96-111.

9. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 488-499.

10. **«Налоговое право в решениях Конституционного суда РФ», 20 — 29 апреля 2022 г.** // https://zakon.ru/blog/2022/04/27/ispolzovanie_poyasnitelnyh_zapisok_k_zakonoproektam_pri_vyyavlenii_smysla_nalogovyh_norm_po_motivam_

11. Орешкина М.В. Языковое законодательство Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — С. 835-847.

12. Резолюция Первого Съезда Общества русской словесности // *Патриархия.ru*. 13 июля 2016 г

13. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) // <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf>

14. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111080023>

15. Функ Д. / Дмитрий Функ: “Множественная идентичность — это нормально!” // Национальный акцент // <https://nazaccent.ru/content/38757-dmitrij-funk-mnozhestvennaya-identichnost-eto-normalno.html>

16. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. — 176 с.

17. Borjian M. Language-education policies and international institutions. The World Bank’s vs. UNESCO’s global framework // *Language Problems & Language Planning*. — 2014. — No 38:1. — P. 1-18.

18. Johnson D.C. *Language Policy*. — N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2013.

Рекомендации

Первое. Информационная база для разработки программно-целевых подходов к регулированию национально-языковых

отношений нуждается в научном обосновании. Практику проведения мониторингов в этой сфере целесообразно систематизировать, учитывая не только нормативно-правовые и управленческие аспекты, но и данные, касающиеся собственно социально-коммуникативных параметров социолингвистических состояний как в территориальном, так и в этноязыковом планах.

Второе. Целесообразно наладить подготовку (с той или иной периодичностью) государственных (вариант: правительственных) докладов по языковой политике на принципах соединения межведомственных подходов и принципов сетевых исследовательских структур.

Третье. Назревшей является потребность в разработке доктринальных документов в области языковой политики на федеральном, региональном и местном уровнях, в том числе — политико-правового акта «Об основах государственной языковой политики», федеральной целевой программы по языкам народов Российской Федерации (что было предусмотрено законодательством о языках еще в начале 1990-х годов).

Четвертое. Для упорядочения терминологического оснащения языкового регулирования (в интра— и интер-лингвальных планах) целесообразно сосредоточится на разработке соответствующего словаря понятий силами академического сообщества, экспертов в области практического законотворчества и административного управления, включая сферы образования, культуры и массовой информации.

Пятое. Идентификация проблемного комплекса в категориях «умирания» языков до сегодняшнего дня происходит со ссылкой на глобализацию. Очевидно, что негативные аспекты языковых

процессов вызваны причинами более сложного характера, которые далеко не отражаются при помощи столь неопределенного понятия, как «глобализация». Речь, скорее, должна идти о научных подходах к выявлению факторов элиминации культурно-языкового разнообразия (включая культурные, социально-экономические, демографические, информационные, ментальные, мотивационные обстоятельства).

Шестое. Языковая политика, с одной стороны, часто трактуется как «часть общегосударственной политики», тогда как полезнее было бы подходить к этому понятию как к составляющей публичной политики. Это позволило бы учитывать роль значительно более широкого круга значимых акторов, в том числе — негосударственных. Не вполне корректно выглядит подчас звучащий тезис о «неосознанной языковой политике», тем более — в контексте государственного управления. Очевидно, что речь целесообразно вести о политических эффектах и последствиях стихийно происходящих процессов или незапланированных изменениях. Политика — по определению — предполагает целенаправленный курс действий. Управление языковым устройством и языковым многообразием на общегосударственном, региональном и местном уровнях — это направление публичной политики (в отличие от конкурентной модели «партийной» политики). Это предполагает, прежде всего, согласование интересов различных групп и достижение общественного блага (в данном случае блага в этноязыковом и социально-коммуникативном смыслах).

Формирование и проведение соответствующего курса в качестве целостного, системно сбалансированного комплекса мер на

федеральном, региональном и местном уровнях в России сталкивается с такими ограничениями. В доктринальном плане — это отсутствие оформленного видения стратегических приоритетов и программно-целевых ориентиров, несоответствие наличной нормативно-правовой базы языковой политики меняющимся реалиям. В практически-организационном плане — это ведомственная разобщенность.

С учетом этих предпосылок перед субъектами языковой политики (органами власти на общенациональном, региональном и местном уровнях, а также научным и педагогическим сообществом, СМИ, общественными объединениями) стоят сложные задачи обеспечения устойчивого функционирования государственных и других языков.

Седьмое. Целесообразно определить некоторые обновленные подходы к научно-информационному оснащению и сопровождению языковой политики:

— существенного расширения и усиления требует публичная информация о реальных социолингвистических состояниях и языковых ситуациях в стране, о качестве дву— и многоязычия, о наличных характеристиках позиций языков в российских регионах и в зарубежье (актуальная, содержательная, предметная, сводимая и пригодная для публичного ознакомления статистическая «картина» в этой сфере либо отсутствует, либо остается вне доступа для общественности), следовательно, очевидной является потребность в обнародовании соответствующих данных;

— есть, как представляется, настоятельная необходимость в обобщении характеристик «цифрового присутствия» языков народов России во всемирной сети;

— аппаратная стилистика официальных документов («сохранение и развитие», «создание условий», «обеспечение» и т. п.), будучи транслированной на массовую аудиторию, вряд ли может привлечь заинтересованной внимание и должна быть, как минимум, дополнена такими понятиями, как «продвижение» языков народов России, «упрочение их позиций», «языковое благоприятие»;

— формулы официально-документального дискурса о языковой политике целесообразно обновить, в том числе — путём уточнения малопонятного для широкой общественности разделения языков на «родные» и «государственные» (что с трудом вписывается в реальные коммуникативные контексты);

Восьмое. В сегодняшних обстоятельствах особая значимость будет принадлежать такому направлению, как «языковая политика онлайн». Перспективы здесь состоят в количественном наращивании и качественном улучшении цифрового присутствия языка народов страны

По этому направлению было бы продуктивным продумать возможности создания общенационального (межведомственного и построенного по сетевому принципу взаимодействия государственных и негосударственных субъектов) Плана действий по продвижению языков народов России в киберпространстве.

Девятое. В качестве пригодного прототипа в процессе моделирования обновляемой языковой политики в Российской Федерации полезно обратиться к правовой политике государства в области культуры. Это — последовательный процесс, включающий принятие «Основ законодательства Российской Федерации

о культуре», «Основ государственной культурной политики», Государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры», «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», Национального проекта «Культура» (который разработан в соответствии с президентским указом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован в соответствии с указом от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»). Корпус этих актов строится на проблемно-ориентированных подходах, оперирует понятиями об угрозах гуманитарного кризиса, критической оценкой в адрес неполного учета стратегической значимости потенциала культуры, и называет в числе приоритетов — «формирование новой модели культурной политики».

Десятое. Целесообразно продумать способы инкорпорирования приоритетов языковой политики в логику национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации.

В итоге следует предложить меру, которая могла бы стать решающим шагом в направлении систематизации концептуальных основ государственной языковой политики. Субъектом-инициатором в этой области способна была бы стать специальная Комиссия Государственного Совета Российской Федерации — института публичной власти, который Конституцией страны призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие властных инстанций, определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации, приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

УДК 32.001.811.133.1.

М.Н. Закамулина
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»,
Казань

M.N. Zakamulina
Kazan State Power Engineering University,
Kazan
E-mail: milaza@list.ru

Языковые глобализационные процессы и Закон об охране языкового наследия во Франции

Linguistic globalisazation processes and the law on the protection of linguistic heritage

Аннотация: В статье речь идет о защите миноритарных и региональных языков во Франции в условиях глобализационных процессов и о Законе от 21 мая 2021 года.

Abstract: The article deals with the protection of regional languages of France in the context of globalization processes and the law of Mai 21, 2021.

Ключевые слова: Языковая глобализация, языковой империализм, региональные языки, Закон Дейксона, языковое наследие.

Keywords: Linguistic globalization, linguistic imperialism, regional languages, Deixon's law, linguistic heritage.

Глобализация мира обусловлена интернационализацией всех сторон жизни стран и народов, приведшей к высочайшей степени интегрированности мирового сообщества. Глобализация понимается традиционно как расширение, гармоничная или конфликтная взаимосвязь политических, экономических, гуманитарных аспектов на мировом уровне, как исторический процесс, затрагивающий население земного шара. Процесс глобализации связан с господствующей ролью США в мире, окончательно установившейся после распада СССР. Крупный французский социолог Ален де Бенуа выделяет у глобализации три основные причины, хотя их можно назвать и больше. Первая из причин — это крушение Советского Союза, советской системы. В эпоху Советского Союза мир был разделен на две части, поэтому нельзя было говорить о глобализации, и именно поэтому одним из парадоксальных и непредвиденных последствий крушения Советского Союза стала возможность глобализации. Другим фактором была глобализация средств распространения информации, технологий и финансовых рынков [1]. В основе глобализации лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. Такая модель связана с английским (его американским вариантом) языком, ставшим *lingua franca* — глобальным языком.

В лингвистическом аспекте можно было бы говорить о простом языковом доминировании англо-американского языка, но процесс сопровождается всеобъемлющей волей к завоеванию одновременно экономического, политическому, культурному. Отсюда — термин «империализм», подтверждаемый выступлениями целого ряда известных англо-саксонских политических дея-

телей и, в первую очередь, Маргарет Тэтчер, заявившей в 2000 г. на конференции в США, что доминирующей властью является Америка, доминирующий язык — английский, доминирующая экономическая модель — англо-саксонский капитализм [6]. Еще одно не менее известное своей brutality, но более детальное, принадлежит Дэвиду Роткопфу, главе администрации Билла Клинтона: «В интересах Соединенных Штатов следить за тем, что если мир примет один язык, то это должен быть английский; если мир будет ориентирован к общим телекоммуникационным нормам и нормам безопасности, то эти нормы должны быть американскими; [...] что если будут вырабатываться общие ценности, то это должны быть ценности, которые американцы признают за собой... . Американцы не должны отрицать тот факт, что из всех наций в мировой истории именно их нация является наиболее толерантной, способной к самооценке и постоянному совершенствованию, и лучшей моделью для будущего» [5, р. 38]. Языковой империализм, тем не менее, не является чем-то новым в истории человечества и не связан эксклюзивно с английским языком. В известной мере к таковому относятся империализм латинского языка (праязыка романских языков), империализм арабского и кастильского в Латинской Америке, русского языка в советском языковом пространстве. Сюда же следует отнести и французскую модель языкового империализма в рамках франкофонии, позиционирующей себя как мировую альтернативу глобальному английскому языку.

Известно, что термин «франкофония» начал использоваться в 60-е гг. прошлого века с началом деколонизации. Французский язык, насильственно навязанный многим африканским народам,

сумел сохранить статус официального языка в этих странах. Как отмечает Жан Тости [6], это язык Франсафрики, язык нео-колониализма и мафиозных отношений. Печально знаменитая речь Николя Саркози в Дакаре — наглядная характеристика этого стремления к господствованию. Опираясь на цитаты Леопольда Седара Сенгора¹, первого президента Сенегала, Саркози сказал в 2007 г.: «Молодые люди Африки, послушайте прежде всего слова Президента Сенгора, который всю жизнь стремился установить связь между различными культурами и наследием, на переплетение которых исторические судьбы и трагедии поставили Африку. Сенгор, дитя Жоалья, убаюканный рапсодиями гриотов (африканские поэты, музыканты, колдуны), говорил: «Мы — культурные метисы, и если мы чувствуем как негры, мы выражаем себя по-французски, потому что французский язык — это язык с мировым предназначением и потому что наше воззвание адресовано также французам и другим народам. ... Французский язык подарил нам абстрактные слова, которых нет в наших родных языках. Наши слова наполнены жизненной силой и кровью; французские же слова сверкают тысячами огней, как бриллианты. Вспышки, которые освещают нашу жизнь» [6].

Этот «империализм языка с мировым предназначением» сопровождается систематическим отказом предоставить во Фран-

¹ Леопольд Седар Сенгор (Léopold Sédar Senghor) родился 9 июня 1906 г. в г. Жоаль в Сенегале, скончался 20 декабря 2001 г. в Нормандии, Франция. Выдающийся сенегальский поэт, философ, писатель, первый президент Сенегала. Один из создателей идеи негритюда (*négritude* — африканский дух), обосновывающей исключительность африканской нации. Стал первым африканцем, избранным во Французскую академию.

ции привилегированный статус региональным языкам. Франция подписала в 1999 г. Европейскую Хартию миноритарных и региональных языков, но не ратифицировала ее под предлогом того, что она является антиконституционной. Эта Хартия была принята как конвенция 25 июня 1992 г. Комитетом Министров Совета Европы, открыта для подписания в Страсбурге 5 ноября того же года и вступила в силу 1 марта 1998 г. На настоящий момент Хартия ратифицирована 23 государствами, 10 государств Хартию подписали, но не ратифицировали (Россия в том числе). Хартия разработана, с одной стороны, чтобы защищать региональные и миноритарные языки и привлекать внимание к стоящим перед ними угрозам и, с другой стороны, чтобы призывать носителей региональных языков использовать их в частной и общественной жизни.

Сфера действия Хартии — миноритарные и региональные языки, языки национальных меньшинств, а также языки, носители которых не имеют своей территории, и малоиспользуемые официальные языки. В первую очередь Хартия устанавливает основные цели и принципы, которые должны применять государства по отношению ко всем миноритарным и региональным языкам, существующим на их территории. Во вторых, Хартия содержит комплекс конкретных мер, обеспечивающих использование таких языков в общественной жизни. Предполагается желательным обеспечить, насколько это возможно, использование этих языков в сфере образования, СМИ, стимулировать их использование в правовых и административных сферах, экономической и социальной жизни, в культуре и трансграничных контактах [3]. То есть философия Хартии основывается на кон-

цепции «разнообразие и стабильность», ее назначением является прежде всего защита языков, которые имеют небольшое количество носителей, что угрожает им исчезновением с языковой картины мира. Дело в том, что во всех национальных государствах главным объектом заботы и поддержки на протяжении длительного периода их существования были прежде всего государственные языки, несущие важную объединительную функцию. Языки же этнических меньшинств на законодательном уровне не защищались, а в авторитарных странах их запрещали использовать даже в частной сфере (как, например, в Испании времен франкистской диктатуры). Показательным в этой связи является опыт политического развития Франции, где после Французской революции была внедрена концепция об идентичности государства, нации и языка. На территории всей страны и во всех областях общественной жизни применялся французский язык. Языковые права этнических меньшинств — бретонского, провансальского, баскского и др. — на государственном уровне игнорировались. В государственных образовательных заведениях их разрешили преподавать только с 2000 г. Хартия вызвала широкое обсуждение, приведшее к тому, что Конституционный Совет Франции 15 июня 1999 г. принял решение не ратифицировать ее [2]. Французы относятся сдержанно, если не сказать уклончиво, к самой идее обсуждения положения региональных языков. Они связывают это с тем, что предоставление региональным языкам прав на официальное использование несет опасность конституционным принципам национальной идентичности, целостности Республики и единству французского языка. Торжественное высказывание

Барэра де Вьезака², известного своими цветистыми речами, перед Конвентом остается так или иначе в силе: «Федерализм и предрассудки говорят на бретонском; эмиграция и ненависть к Республике говорят на немецком; контрреволюция говорит на итальянском, а фанатизм говорит на баскском. Давайте разобьем эти вредные инструменты!». В 1925 г. министр образования Третьей Республики Анатоль де Монзи, продолжая идеи Барэра, не менее грубо заявляет: «Для языкового единства Франции нужно, чтобы бретонский язык исчез». Даниэль Арно назвал это высказывание «шизофренической культурной политикой» [4.] В XIX в. и до середины XX в. детей, говоривших в школах на бретонском или окситанском языках подвергали различным санкциям: первый ученик, говоривший на местном наречии, получал позорящее его знак-клеймо, которое ученик обязан был навесить другому проштрафившемуся, и в конце дня последний из таких нарушителей языкового единообразия был наказан. И лишь в 1952 г. Закон Дэйксона (Loi Deixonne) положил начало признанию региональных языков, в число которых, кстати, не вошел корсиканский. Но в 1999 г. Франция отказалась ратифицировать Хартию на фоне того факта, что те же самые французы, не желающие слышать о преподавании региональных и миноритарных языков в своей стране, с воодушевлением одобрили принятие Закона 101 о сохранении французского языка и придании ему статуса государственного в Квебеке,

²Бертран Барэр де Вьезак (Bertrand Barrère de Vieuzac. 10 сентября 1755, Тарб, департамент Верхние Пиренеи — 13 января 1841, там же) — французский политик, адвокат, политический деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания и Национального конвента.

являющемся провинцией мажоритарно англофонной Канады. Справедливость же предполагает рассматривать развитие региональных языков и культур, каковы бы они ни были, как угрозу стабильности государств-наций, либо принять для этих культур право на полное признание во всех уголках мира [4]. Невозможно быть заикленным только на себе и в то же время продвигать французский язык, включая страны, в которых он является миноритарным, во имя высокой идеи франкофонии и культурной исключительности.

Региональные языки, или языки меньшинств Франции, представляют собой набор языков, исторически и географически сложившихся на территории Франции, кроме французского. Региональные разновидности французского языка, а также языки, сложившиеся в результате иммиграции, не относятся к региональным языкам. Региональные языки впервые были признаны во Франции в 1951 г. с принятием закона Дейксона, который ввел баскский, бретонский, каталанский и окситанский языки в систему образования Франции. Позднее с 1974 года были введены корсиканский, таитянский, гваделупский, гайанский, реюньонский креолы и некоторые другие языки. Отчет Генеральной делегации по французскому языку, представленный правительству Лионеля Жоспена в 1999 году под названием Языки Франции, включает 75 языков. Франция подписала 39 статей Европейской Хартии региональных языков из 98, содержащихся в тексте, но не ратифицировала их. Процесс ратификации был остановлен в июне 1999 г. после того, как Конституционный совет счел, что Хартия содержит неконституционные положения, не совместимые, в частности со статьями 2 Конституции. Последний закон, который

был принят 21 мая 2021 г., называется Закон об охране наследия региональных языков и их продвижении (Loi du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion) [7].

В настоящее время вопросами языков в правительстве занимается Генеральное управление по вопросам французского языка и языков Франции. Все языки, кроме французского, разделены на 3 категории: региональные языки, на котором говорят на материковой части Франции, нетерриториальные языки, такие как идиш, цыганский или язык жестов, и более 50 языков заморских территорий, включая какнакский, таитянский и креольский.

Огромное разнообразие языков представляют 23 официально признанных региональных языка. К ним относятся романские (каталанский, корсиканский, окситанский франкопровансальский), германские (фламандский, эльзасский), кельтские (бретонский) и неиндоевропейские языки (баскский).

Тем не менее, невзирая на то, что эти языки были родными для миллионов французов вплоть до XIX века, в настоящее время число носителей этих языков оценивается в 2 миллиона — чуть менее 3% населения материковой Франции. Однако признание языкового разнообразия не происходило. Франция придерживалась двойственной позиции по вопросу о региональных языках, колеблясь между языковым разнообразием и чрезмерным покровительством французскому языку.

На основании решения Конституционного совета № 2021-818 DC от 21 мая 2021 г. Национальное собрание и Сенат Франции приняли, а президент Франции Эммануэль Макрон

подписал Закон об охране наследия региональных языков и их продвижении. Закон содержит три раздела. Раздел 1. Охрана наследия региональных языков (статьи 1 — 6). Раздел 2. Преподавание региональных языков (статья 7). Раздел 3. Общие услуги: многоязычные знаки и диакритические знаки региональных языков в актах о гражданском состоянии (статьи 8 — 11).

Закон преследует двойную цель: защищать и продвигать нематериальное наследие и культурное разнообразие, одним из выражений которого являются региональные языки. Сегодня на материковой части Франции существует около 20 региональных языков и более 50 на заморских территориях. Но функционирование их неуклонно сокращалось. Текст закона признает в коде наследия существование языкового наследия, состоящего из французского языка и региональных языков. Он включает эти языки в определение наследия и определяет вклад государства и местных органов власти в их преподавание, распространение и популяризацию. Он присваивает статус национального достояния объектам, представляющим большой интерес для изучения французского и региональных языков. Принадлежность к категории национального достояния влечет за собой применение особого режима охраны. Соответствующим имуществом могут быть, например, древние рукописи или записи. О поправках депутатов положения закона от 4 августа 1994 г. об использовании французского языка, известного как «Закон Тубона», также были переписаны с указанием на то, что «они не препятствуют использованию региональных языков и публичным и частным действиям, проводимым в их пользу» [7].

По мнению авторов поправки, нынешняя формулировка закона слишком неточна и во многих случаях препятствовала использованию региональных языков.

По инициативе сенаторов вновь введены меры по преподаванию региональных языков, изначально предусмотренные в законопроекте, но исключенные депутатами. В Кодекс об образовании внесены изменения:

— обязать муниципалитеты по месту жительства, в которых нет двуязычных школ, вносить вклад в оплату обучения в частных школах по контракту, предлагающих двуязычное образования. Существует много споров по этому школьному пакету, введенному законом от 26 июля 2019 г. для школы доверия, но только на добровольной основе;

— обобщить преподавание региональных языков в качестве факультативного предмета в рамках обычного учебного расписания (от детского сада до средней школы) по модели, разработанной на Корсике в течение 20 лет.

Текст, одобренный парламентом, предусматривал создание третьей формы обучения региональному языку — иммерсивного обучения (обучение, проводимое в течение большей части школьного времени на языке, отличном от французского). Однако Конституционный совет счел это положение противоречащим Конституции и ее статье 2 («Языком Республики является французский»). По поправкам депутатов правительство должно будет представить в парламент два отчета о преподавании региональных языков.

* Об использовании региональных языков в государственных службах.

Двуязычные вывески теперь признаны законом. Текст четко разрешает государственным службам использовать переводы на региональные языки, например, на общественных зданиях, в дорожных знаках, в институциональной коммуникации. Текст, одобренный парламентом, разрешил использование всех диакритических знаков на региональном языке в свидетельствах о гражданском состоянии: например, accent aigu над i, o, u, используемое в каталанском языке, или даже тильду, используемую в бретонском и баскском языках. Использование диакритических знаков закреплено циркуляром от 2014 г. Этот циркуляр, в котором приводится исчерпывающий список разрешенных знаков, вызвал судебный процесс. Это должно было положить конец трудностям, с которыми сталкиваются родители, выбирающие традиционные региональные имена. Конституционный совет осудил это положение, считая, что, разрешая использование диакритических значков, отличных от французского языка, он в то же время признавал право на использование лицами другого языка, кроме французского, в их отношениях с административными органами.

Таким образом, Закон Дейксона (Loi Deixonne) 1952 г., положивший начало признанию региональных языков (в число которых, кстати, не вошел корсиканский язык), получил свое достойное продолжение в Законе 2021 г., ибо справедливость предполагает либо рассматривать развитие региональных языков и культур как угрозу стабильности государств-наций, либо принять для этих культур право на полное признание во всех уголках мира.

После вступления в силу Закона от 21 мая во Франции прошло множество демонстраций с осуждением цензуры им-

мерсивного обучения, которая во многом зависит от финансовой поддержки со стороны государства. Были созданы петиции, указывающие, что статья 2 Конституции была создана как метод защиты французского языка от английского. Но следует отметить, что многие франко-английские двуязычные школы во Франции практикуют иммерсивное обучение и, похоже, не собираются от него отказываться, не подпадая под действие Закона.

Активисты также указывали, что 26 мая Э. Макрон выступил в защиту региональных языков и категорически против решения Конституционного совета. Совет отреагировал 16 июня, объяснив, что иммерсивное обучение является неконституционным только в государственном образовании, но разрешено в частном секторе.

В настоящее время активисты сосредоточены на определении термина «общинная школа», т.к. можно счесть, что данные школы также относятся к государственному сектору. Данный вопрос на политическом и законодательном уровне остается открытым. Со временем станет ясно, смогут ли учащиеся, говорящие на эльзасском, баскском, бретонском, корсиканском или окситанском языках, учиться на этих языках в новом учебном году.

Таким образом, французский парламент окончательно одобрил закон о защите своих региональных языков, который открывает двери для языкового погружения и субсидирования частных школ с языками, отличными от французского. Текст закона, первый в своем роде во Французской Республике, был одобрен 247 голосами «за» и 76 «против» в Национальной Ассамблее с формулировкой, аналогичной той, которая была ранее принята

Сенатом. Что касается правительства, то оно не поддержало это предложение закона, выдвинутое группой меньшинства, считая, что оно может поставить под угрозу преподавание французского языка и его распространение на всю территорию. Но в итоге партийные блоки разделились из-за разногласий депутатов, прежде всего из Бретани, Окситании и Французской Страны Басков, которые решили поддержать текст, предложенный депутатом Полем Молаком.

В настоящее время около 170 000 из более чем 12 миллионов французских школьников обучаются на одном из четырех признанных региональных языков: бретонском, окситанском, баскском и корсиканском. Новый закон требует, чтобы на территориях, связанных с региональными языками, каждый учащийся мог обучаться на них.

Кроме того, это открывает возможность центрам предлагать языковое погружение, которое, по мнению сторонников реформы, не означает, что основным языком остается французский. Это было главным предметом разногласий, поскольку правительство считало, что эта поправка, внесенная в парламентский процесс в Сенате, где партия «макронистов» не имела на тот момент большинства, представляет угрозу превосходству французского языка. Исполнительная власть считает этот пункт противоречащим Конституции страны, которая заявляет, что языком республики является французский язык. П. Молак, со своей стороны, отмечает, что ни одна резолюция Конституционного Совета не выступила против языкового погружения и что в Законе об охране наследия также говорится, что региональные языки принадлежат наследию Франции.

После принятия закона многие общественные организации и общественные деятели выразили свое удовлетворение в связи с «историческим прогрессом». Например, для Лены Луарн, вице-президента регионального совета Бретани, это «исторический шаг вперед для наших региональных языков. Этот законопроект, который впервые в Пятой республике признает региональные языки национальным достоянием в соответствии с Конституцией, является историческим и значительным шагом вперед: он признает метод погружения в качестве метода обучения региональным языкам в школе, решает вопрос о плате за обучение в школах по контракту, узаконивает двуязычие на дорогах и в общественных зданиях...». Конфедерация ассоциаций в Бретани «приветствует великую победу... Сегодня более чем когда-либо борьба за будущее наших языков, бретонского и других, в первую очередь находится в руках их носителей в обществе, которое уважает разнообразие языков и культур, составляющих богатство человечества» [9].

На вопрос, как можно быть озабоченным местным, локальным в эпоху глобализации, Даниэль Арно отвечает: «Языковое разнообразие — шанс для глобализации» [4]. Сохранение прав региональных языков — вот необходимое условие глобализации, отнюдь не являющейся униформизацией. Отрицание этого права наносит ущерб правам человека и служит причиной конфликтов между сообществами.

Литература

1. Бенуа де, А. Консервативная парадигма в XXI веке — AgoraVoxlemediacitoyen. — URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=568> (дата обращения: 12.07.2013).
2. Масенко Л. Европейская Хартия как инструмент раскола страны / Л. Масенко. — День. — 07.09.2013.
3. Региональные и миноритарные языки. Сайт Министерства культуры РФ. — URL: <http://rus-eu-culture.ru/601/605>(дата обращения 19.09.2013).
4. Le Figaro. — 22.07.2000.
5. Rothkopf D. In Praise of Culturel Imperialism? / D. Rothkopf. — Foreign Policy. — № 107. — 1997.— P. 35-38.
6. Tosti J. L'impérialisme linguistique. Le tout anglais vecteur de la mondialisation libérale. — URL: <http://www.france.attac.org/archives/spip.php?article 7577> (дата обращения 24.07.2013).
7. Arnaud D. Les langues regionales, un enjeu pour le XXIe siècle. — URL: <http://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/les-langues-régionales-un-enjeu-111755> (дата обращения 24.07.2013).
8. Texte integral de la loi Molac. URL: www.assemblee.nat.fr. (дата обращения 01.06.2021).
9. www.francebleu.fr. (дата обращения 01.06.2021).
10. Toutes actualités. URL: www.bretagneinfo.bzh. (дата обращения 01.06.2021).
11. Vie publique: au coeur du débat public. URL: www.vie-publique.fr. (дата обращения: 30.05.2021).

Г.Ф. Лутфуллина

ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»,

Казань

G.F. Lutfullina

Kazan State Power Engineering University

Kazan

E-mail: gflutfullina@mail.ru

Глоттополитические концепции в современном понимании

New understanding of glottopolitic conceptions

Аннотация Статья посвящена анализу зарубежных исследований в области глоттополитики с целью уточнения как самого понятия, так и его основных положений. Глоттополитика — это связь микро и макро действий по использованию языков. Глоттополитика охватывает как политику государственного языка, так и действия по использованию языков на уровне индивидов, отдельных групп.

Ключевые слова глоттополитика, языковая политика, теория континуума, агенты глоттополитики.

Abstract The article is devoted to the analysis of foreign studies in the field of glottopolitics in order to clarify both the concept itself and its main provisions. Glottopolitics is the connection between micro and macro actions on the use of languages. Glottopolitics covers both the policy of the

state language and actions on the use of languages at the level of individuals, separate groups.

Keywords *glottopolitics, language policy, continuum theory, agents of glottopolitics.*

Существует несколько определений понятийного аппарата «языковая политика / планирование / развитие», к которым добавляется термин «глоттополитика». Для Ж.-Л. Кальве, «языковая политика» — это «определение основных вариантов выбора с точки зрения отношения между языками и обществом», а ее «осуществление» — это «планирование» [9, p. 165]. Согласно мнению Д. Робилларда [21, с. 22], «языковая политика» является синонимом термина «организованной лингвистики». Представляется целесообразным конкретизировать этот термин, чтобы обозначить наиболее важную фазу языкового развития — планирование, состоящее из формулировки целей» [21, с. 21]. «Языковое развитие» — это всеобъемлющее понятие, обозначающее сознательную, научную и профессиональную форму вмешательства, направленную на изменение языков в отношении их статуса и их корпуса [21, с. 19].

Введенный во французский социолингвистический ландшафт Л. Геспеном и Ж.Б. Марчеллези термин глоттолингвистика [15, с. 21] призван был заменить термин «языковая политика» [15, с. 21]. Данный термин был осмыслен им в его статье и обозначает:

«различные подходы общества к языку, независимо от того, сознательны они или нет:

имеется ввиду **язык**, когда общество издает законы например, о взаимных статусах французского языка и языка меньшинств;

имеется ввиду **речь**, когда подавляется использование какого-либо языка в каком-то месте;

имеется ввиду **дискурс**, когда школа создает какие-то типы текста, подлежащие проверке» [15, с. 5].

Научное введение термина и в особенности наличие приставки «глотно» имеет преимущество в том, что позволяет снять напряженность между языком, речью и дискурсом [15, с. 5], и в его кажущейся непрозрачности, если мы сравним его с термином *лингвистическая политика*. Последний термин, более прозрачный, недвусмысленно относится к вопросам языка и политики.

Согласно определению Ж.-Л. Кальве, языковая политика — это «набор осознанных выборов» относительно отношений между языком (языками) и социальной жизнью, а также выбор языкового планирования, реализация конкретной языковой политики» [7, с. 110].

А. Бойер подчеркивает, что термин глоттополитика «применяется в целом к действиям государства и обозначает выбор, цели и направления, понятые в целом (но не обязательно) внутри— или вне— коммуникативной ситуацией в языковой материи [...], даже откровенно противоречивой [5, с. 23]».

Концепция глоттополитики получила широкое распространение, в частности, во франкоязычной социолингвистике, но испытала более ограниченное международное влияние по сравнению с языковой политикой. Однако о возможности ее использования в других географических регионах свидетельствуют работы, посвященные магрибскому вопросу, исследования испаноязычных и португалоговорящих языковых пространств. Эта концепция часто используется в работах по так называемым «региональным»

языкам во Франции в процессе их становления как языков меньшинств: корсиканского языка [1, р. 321], провансальского языка [5, р. 178], окситанского языка.

Большинство авторов [2] согласны с тем, что основной вклад глоттополитики как социальной практики и исследовательской дисциплины [1, с. 16], состоит в том, чтобы выделить на микроуровне роль агентов, индивидуальных или групповых акторов, и в том, что «их отношение и повседневное поведение, а также их общие решения являются в равной степени определяющими для действий так называемых инстанций (властей и коллективных институтов) [2, с. 24].

Л. Геспен и Ж.Б. Марчеллези изменяют подход, характеризующий традиционные лингвистические политики, на глоттополитический подход, который распространяется от незаметных и семейных действий до широкомасштабных вмешательств в «социальные практики, от которых никто не свободен («люди занимаются глоттополитикой, не зная об этом, будь то простой гражданин или министр экономики)» [15, с. 15-16].

1. Понятие глоттополитика

Эта концептуальная структура построена на континууме, идущем от микроуровней до макроуровней и, прежде всего, учитывает существующее взаимодействие между этими двумя полюсами и их особенности, включая «как согласованную политику, так и сознательное или бессознательное, активное или пассивное осуществление этой политики» [15, с. 15-16]. Именно эти сознательные и бессознательные агенты берут верх и уравнивают

определенные языковые и образовательные политики во Франции. Вслед за Л. Геспеном и Ж.Б. Марчеллези, можно задать вопрос: «Как эти агенты вмешиваются в нормативные конфликты, с каким авторитетом, с какой поддержкой и с каким успехом? Как различать «консервативные силы от глоттополитических сил новаторства; силы, допущенные или исключаемые из обсуждения языковой политики». Эта роль отведена, по мнению авторов, социолингвистам [15, с. 15-16].

Когда мы изучаем «языковую политику», мы обнаруживаем, что она чаще всего касается институционального масштаба и редко выделяют роль таких агентов, как индивидуумов, взятых по отдельности. Например, некоторые франкоязычные исследователи отмечают, что развитие языковой политики может быть достигнуто на микроуровне «группа» [8, с. 111], которая предстает как наименьшая сущность. В связи с этим можно отметить и наличие других примеров: семейные языки и управление языками меньшинств на региональном уровне, ассоциации языковых меньшинств и т. д.

У Ж.-Л. Кальве в книге «Война языков и политики» мы встречаем размышления о вопросе языковой политики внутри семьи: «между семьей и обществом существует тесная связь» [7, с. 101]. Он добавляет, что «многоязычные семьи являются местом более широкого языкового конфликта, чем окружающее общество». Данный момент усиливается, когда исследователь пишет: «история языков составляет лингвистическую сторону истории обществ». Он подчеркивает социально-политическое влияние на языковое планирование семьи: «Мы видим, что лингвистическая история семьи является продуктом социальной истории» [7, с. 101].

Ж.-Л. Кальве отмечает, что выбор языков для взаимодействия имеет политическое измерение и приводит в качестве примера франкоговорящую территорию Монреаля (Квебек) и отношения с английским языком. Он пишет : «Ситуация такая сложная и такая напряженная [...] что покупка пары носков становится политическим актом...» [7, с. 25] и продолжает, объясняя, что «необходимо, по сути, выбирать язык общения, не навязывая другой язык, на котором не говорят или не хотят говорить» [7, с. 25]. Ж.-Л. Кальве конкретно указывает на понятие языковой политики, он признает, что это касается «сущностей меньших, чем государство в отношении языков, например, регионального языка» [7, с. 111-112].

А. Бойер пишет о других «местных структурах» и о языках меньшинств наряду с региональными языками: «Не следует забывать, что выступления по вопросам языка (языков) — это не только прерогатива государства, это также деятельность местных структур, некоммерческих организаций, местных органов власти». В некоторых регионах Франции посредством специальной государственной политики в пользу языков «меньшинств» и/или «региональных языков» пытаются повлиять на существующую социолингвистическую ситуацию [5, с. 67].

В англо-саксонской литературе наноразмер языковой политики кажется более изученным. Б. Спольски прямо указывает на человека, его выбор, а также его поведение и языковые практики: «Языковая политика — это выбор. Это может быть выбор определенного звука или выражения, или определенного варианта языка. Это может быть выбор, который регулярно делает человек или социально определенная группа людей. Это может быть обнару-

жено в языковом поведении (языковой практике) индивидуума или группы. Это также может быть обнаружено в идеологии или убеждениях о языке человека или группы [23, с. 217].

За рамками семьи существует большое количество промежуточных социальных групп, таких как церковь или иная религиозная организация, деревня или другой ближайший район, различные виды торговых площадок или других коммерческих предприятий. Чем больше демографическая единица (город, школа и другие образовательные системы, общественно-спортивные и этнокультурные клубы, политические партии), тем больше контактов реализуется с местными, региональными и национальными органами власти, которые могут представлять собой разумную область для изучения языковой политики [23, с. 46].

Таким образом, *глоттополитика* — это связь микро и макро действий по использованию языков.

2. Понятие континуума

Глоттополитика определяется как охватывающая политику государственного языка, так и «незначительные и семейные действия» [15, с. 15]. Глоттополитика реализуется на всех социальных уровнях. Л. Геспен и Ж.Б. Марчеллези призывают смотреть шире, не ограничиваясь единичными случаями официальной легитимации. Для этого они выделили два полюса континуума от наименьшего уровня социальной организации к наибольшему, проходящих через различные промежуточные пункты, расположенные между ними. Далее ими делается акцент на общении в мире с призывом к языковому самоуправлению [15, с. 15].

В 1980-х годах исследования языковой политики были более институциональными и государственными. В соответствии с историческими событиями, изменяющими языковую политику, и с местом, отведенным языкам в различных институтах, в европейском, национальном, региональном или местном масштабах, в научных работах продолжалось акцентировать внимание на государственной глоттополитике. Сторонники глоттополитики предлагали видение, сосредоточенное на институциональных аспектах, оставляя на обочине менее изученные языковые пространства, где, однако, действия осуществляются и развиваются параллельно — в ответ — на глоттополитические государственные и институциональные действия.

На другом конце континуума, начиная с 1980-х годов, проводились исследования семейной глоттополитики [11, р. 221]. Над этими вопросами еще ведется работа, о чем свидетельствует организация и проведение в 2020 году симпозиума «Передача языков».

С другой стороны, глоттополитические действия, осуществляемые в социальных пространствах, расположенных между этими двумя полюсами (государством и семьей), менее исследованы. Однако они соответствуют древним практикам, будь то обучение языку принимающей страны, переводы, устный перевод-посредничество или продвижение малых языков.

Дискурсивные явления и принятая языковая политика базируются в основном на работах Б. Спольски [23, р. 21] о языковой политике. Он развивает понятие практикуемой языковой политики, иными словами, обращает внимание на «тот факт, что языковая политика может интерактивно конструироваться на практике» и применяться к языковому классу в многоязычном контексте [23, р. 21].

Также предлагается метод изучения с использованием инструментов «Анализа Разговора». Согласно этому подходу, речь не идет о наблюдении за тем, что участники взаимодействия считают, что они должны делать или говорить, или за тем, что кто-то другой хотел бы, чтобы они делали, но за тем, что они на самом деле делают, когда говорят [23, р. 21]. Это то, что рекомендуется в рамках обучения Creative Language Workshops и определяется для конкретного контекста как «принятая языковая политика», иными словами, намеренно выбранная.

Неформальный подход позволяет, с одной стороны, обойти вопросы власти, а с другой стороны, освободиться от институциональных норм или языкового стандарта, которого необходимо «достичь» и который так далек от реального опыта.

Глоттополитика определяется как охватывающая два полюса континуума от наименьшего уровня социальной организации к наибольшему.

3. Терминологическое разнообразие

Уже давно назрела необходимость уточнения концептуальных инструментов глоттополитики и языковой политики. На самом деле константы наблюдаются в обеих областях: это языковой выбор группы и / или отдельных лиц — сознательный или бессознательный с учетом их эффективности на практике.

Ф. Бланше утверждает, что «роль социальных акторов важна как инициаторов, ретрансляторов, промоутеров, разоблачителей и т. д. языковых действий» [2].

1. *Отношение к языку и его употреблению* позволяет каждому говорящему утвердиться в качестве дискурсивной инстанции для управления языковыми ресурсами.

2. *Анализ возникающих глоттополитических микроактов*, которые А. Бойер определяет как тип интервенции, при «котором субъекты действуют в поле своей социальной деятельности (особенно профессиональной) без обязательной интеграции в языковую сферу» [5, p. 178].

Качественный анализ основан на критериях, используемых Л. Геспеном и Ж.Б. Марчеллези:

- (1) Каковы агенты распространения антинорм?
- (2) Каковы формы глоттополитических инноваций?
- (3) Кто является агентом глоттополитики? [15, с. 15].

Для этого на методологическом уровне нужно обратиться к теории «Анализа Разговора» для изучения возникающих дискурсивных позиций и идентичностей во взаимодействиях. Этот аналитический инструмент является центральным для исследования дискурсивной деятельности участников и способов, которыми они вовлекаются в многоязычные интерактивные ресурсы. Концептуальная база основана на понятиях «лицо» и «фигурация».

Е. Гоффман определяет «лицо» как «положительную социальную ценность, на которую претендует человек». На самом деле «лицо» реализуется через линию поведения, которую принимают во время определенного контакта. Лицо — это образ «самости», отвергнутый в соответствии с определенными одобренными социальными атрибутами, например, можно создать хороший образ своей профессии или своего вероисповедания, дав хороший образ самого себя» [14, p. 15].

Дискурсивные процедуры, применяемые индивидами для защиты лица других, определяются в соответствии с парадигмой «фигурации» («все, что человек делает для того, чтобы его действия не вызвали потери лица никем (включая себя)»). Эта стратегия состоит из так называемых «уклонений от уплаты» и «возмещений ущерба» [14, p.15].

Каковы агенты распространения антинорм? Это агенты, которые преднамеренно нарушают имплицитную норму одноязычного общения, широко распространенную в большинстве институциональных контекстов.

Для Д. Робилларда, важно различать «языковую политику» и «языковое планирование». Однако, некоторые специалисты склонны базировать анализ языковой политики в широком смысле на том, что Ж.-Л. Кальве называет «действие *in vitro*» [9, p. 165]. Действие *in vitro* он отличает от лингвистического действия, происходящего от спонтанных социальных практик, которые он называет «действиями *in vivo*».

Именно в этом делении и заключается различие понятий «глотнополитика» и «глотнономия». Действительно, представляется полезным еще больше углубить различие между политикой и планированием, потому что, с одной стороны, «весьма активные социолингвистические явления могут быть косвенным или опосредованным следствием социально-политических действий других сфер (экономики, образования и т. д.) [3, с. 21].

С одной стороны, «лингвистическое планирование» может зависеть от неязыковой политики (экономической, образовательной, правовой и др.), с другой стороны, важна роль социальных акторов.

Предложенный Л. Геспеном термин «глотнополитика» связан с «управлением языковыми практиками». Исходя из того, что Л. Геспен и Ж.Б. Марчеллези называют «двойной детерминацией», то есть что «каждое человеческое общество является лингвистическим, и каждая лингвистическая практика социальна», они утверждают, что «глотнополитика» вездесуща и, следовательно, что понятие «глотнополитика» охватывает все факты языка, где действие общества принимает форму политического» [15, с. 21]. Глотнополитика охватывает таким образом, микро— и макросоциолингвистические аспекты в том смысле, что они варьируются от повседневных взаимодействий до самых глобальных вмешательств политической власти в языки (государственное планирование, школьная система и т. д.). Эта концепция позволяет учитывать ключевые факторы, которые макросоциолингвистическая политика не интегрирует в практику, исключая «обычных» социальных акторов [15, с. 21].

Предложенное Л. Геспеном [13, р. 89], понятие «глотнономия» включает в себя анализ языковых практик и анализ методов вмешательства в эти практики. Он утверждает, что наряду с «языковой политикой», осуществляемой властью политических сил и играющей роль на практическом уровне, существует неэкспертная, но активная «глотнономия» в дискурсе, в речи, относящаяся к языку и его использованию. Эта глотнономия реализуется на том же уровне и позволяет каждому говорящему зарекомендовать себя как дискурсивный орган по управлению языковыми ресурсами. Глотнополитика может охватить все формы действий, но они эффективны только в принятии — или даже подчинение этим мерам — «агентов или акторов» [6, р. 59 — 74].

Глоттополитические действия — это всегда попытка «регулировать языковую неоднородность» [4, р. 123]. Действительно, с одной стороны, языковое действие и планирование, или, другими словами, глоттополитическое вмешательство всегда несет в себе основную характеристику языковых явлений, которые отличаются своей неоднородностью: цель состоит в том, чтобы организовать, контролировать или активизировать неоднородность:

1) либо из-за сосуществования того, что классифицируется как отдельные языки,

2) либо из-за сосуществования того, что классифицируется как вариации и разновидности одного языка, вариации, часто полученные в результате контакта с другими языками,

3) либо эти две неоднородности смешиваются в континуумах «межъязыков» [4, с. 125-127].

В большинстве исследований лингвистические «политика и планирование» представлены как действующие либо на «корпус» или на «статус» (иногда на то и другое одновременно). Это различие было предложено Х. Клоссом [17, р. 98], так как в английском языке существует более яркая терминологическая пара: *corpus/status*. «Корпус» понимается как языковая система (фонология, морфология, синтаксис), а «статус» предусматривает «положение языка в социолингвистической иерархии языкового сообщества, причем это положение связано с функциями, выполняемыми языком, и с относительной социальной ценностью, придаваемой этим функциям» [19, р. 269]. Эта терминология была переформулирована как «действие на язык / действие языка». Д. Робиллард указывает что «в действитель-

ности развитие одного (корпуса) неизбежно приводит к последствиям для развития другого (статуса)». Эта социолингвистическая концепция языка адаптирована к языковой политике [19, p. 102].

Различие «статус/корпус» вытекает прежде всего, из противопоставления Ф. де Соссюра «внутренней лингвистики» и «внешней лингвистики». Это различие либо отбрасывается, либо реконфигурируется в рамках последовательной теории.

«Корпус» относится к количественному набору лингвистических «практик», а «статус» включает «(качественные) представления». Разграничение «практики / представления» используется для анализа социолингвистических ситуаций и проработки глоттополитических действий при условии, что эта проработка не диссоциирует эти две оси, но охватывает их [19, p. 102].

Ф. Бланше предлагает завершить его в виде тройной модели, включающей явления социально-политической «институционализации», которые охватывают «легитимацию или легализацию языка социально-политическими институтами и их металингвистическими атрибутами, такими как средства массовой информации...» [3].

Анализ глоттополитических действий может привести к установлению типологии этих действий на основе определенных характеристик.

Ф. Бланше выделяет:

- 1) «управляющую глоттополитику», которая продуцируется социальной группой, осуществляющей форму принуждения),
- 2) «либеральную глоттополитику» как результат «laisser-faire / позволить все», когда предполагается, что каждый из членов об-

щества имеет равные права в языковом пространстве или во всяком случае право вмешиваться в языковые отношения,

3) «самоуправляемую глоттополитику», которая производится действиями группы заинтересованных социальных акторов [3].

Глобальные модели, такие как эколингвистическая, гравитационная или комплексная модел также косвенно определяет области вмешательства и критерии для анализ, потому что критерии, разработанные для анализа социоллингвистических ситуаций, являются точками вмешательства глоттополитика и, следовательно, критериями анализа этих вмешательств.

В конце концов, кажется трудным, если не невозможным, провести различие между оценкой социоллингвистических ситуаций и оценкой глоттополитических действий: целое может сливаться в лонгитюдную или постоянную глоттополитическую оценку процессов в их рекурсивной динамике.

Глоттополитика — это планомерные макродействия, а глоттономия — это стихийные микродействия в языковом пространстве. Языковой корпус связан со статусом языка отношениями взаимовлияния. Глоттополитика может быть самоуправляемой, управляющей или либеральной.

4. Оценка языковой политики и глоттополитики

Вопрос об «оценке» языковой политики порождает ряд проблем, которые требуют пояснений. Проблема оценки редко упоминается в работах по политике и лингвистике. Диссертация Д. Робилларда на сегодняшний день является наиболее полным синтезом исследований по этому вопросу [20, p. 111].

Процесс оценки требует уточнения ряда вопросов, самым главным из которых является: что оценивать? Согласно точке зрения Ф. Бланше, общую оценку можно разбить на пять пунктов:

- оценка исходной социолингвистической ситуации;
- априорная оценка актуальности целевой социолингвистической ситуации прибытия;
- оценка реализации принятых решений;
- оценка последствий и вызванных изменений;
- апостериорная оценка новой ситуации, ситуации прибытия [3].

На самом деле социолингвистическая динамика представляет собой непрерывные процессы со сложной темпоральностью и интеракциями, что делает элементы оценки гораздо менее идентифицируемыми как причинно-следственные связи. Оценки затруднены, с одной стороны, из-за разнообразия анализов (т.е. возможных интерпретаций) «одной и той же» ситуации, а с другой стороны, из-за однозначно непредсказуемого характера социолингвистических явлений, который обусловлены, в частности, множественностью действующих факторов и свободой воли социальных акторов [3]. Эта сложность, безусловно, ключевой элемент, который приводит к затруднениям или к избеганию оценок.

Существует гораздо больше оценок социолингвистических ситуаций, чем эксплицитных оценок глоттополитической интервенции. Первый тип оценки встречается в большинстве «социолингвистических описаний» того или иного языка или сообщества, будь то описание ситуации обширного лингвистического пространства, такого как например, французский язык или франкофония. Согласно точке зрения Ф.Бланше, эти оценки часто бо-

лее или менее осознанны и используют критерии, которые плохо организованы, разнообразны и так разнообразно используются, что они трудны для сравнения [3]. Однако существует целая серия оценок, которые, концентрируясь на диагностике или прогнозе будущего языка или языкового сообщества, основаны на разработке и аргументированном использовании критериев: это работа о «смерти языков» [12, р. 71], работа об «исчезающих» языках [22] или труд об «этнолингвистической живучести» [18, р. 111]. На основании этих работ совсем недавно были предложены рекомендации для разработки эффективной глоттополитики.

Сюда можно отнести работы Р. Чауденсона о франкофонии [10, р. 201] и Ж. Фишмана [13, р. 89] о различных ситуациях, которые были предметом заметного политического вмешательства в языки (Израиль, Каталония, Ирландия...). Что отличает эти оценочные подходы, более непосредственно ориентированные на социолингвистические ситуации? Подход Р. Чауденсона сосредоточен на доминирующем языке, а подход Ж. Фишмана — на глоттополитических действиях вокруг языков меньшинств.

Сетка Р. Чауденсона «LAFDEF» использовалась им самим и его командой в течение пятнадцати лет, с интересными модификациями и последовательными изменениями оценочной сетки. Работа Ж. Фишмана восходит в основном к его первому анализу 1960-х годов и отличается сложностью оценки и необходимостью повторной оценки. Ф. Бланше в своей статье приводит примеры положительной и отрицательной оценок языковых действий.

С положительными комментариями он представляет свой анализ оценки социолингвистической ситуации во Франции по сетке «LAFDEF» [3]. Сетка Р. Чауденсона «LAFDEF» использо-

валась в течение пятнадцати лет. Согласно Ф. Бланше, это образцовая работа по разнообразию команд, которые сотрудничали, по их опыту, по меняющемуся характеру работы. В результате были оценены различные социолингвистические ситуации, охватывающие почти 15 лет (первая версия 1991 г., последняя версия 2004 г.), Положение Франции в сетке не меняется: оно остается государством, где статус и корпус французского языка близки к 100%, согласно информационному бюллетеню, опубликованному в 2004 году. Между 1991 и 2004 годами различные глоттополитические действия были направлены на развитие социальных практик языков, отличных от французского, так называемых «региональных» языков, положение (статус) которых эволюционировал в сторону лучшего признания общественностью. К такому выводу приходит Ф. Бланше [3].

Ф. Бланше всесторонне критикует отчет по языковой политике в области образования. Оценка политики языкового образования содержится в отчете 2006 г., составленном лингвистом А. Бентолила по просьбе министра национального образования Франции Ф. Фийона о будущем преподавания французской грамматики в начальных школах. Французский язык является предметом идеологических и политических проблем, давно утвердившихся в обществе и в системе образования. Группа ученых, готовившая отчет, связана с «консервативной» политической партией действующего правительства, пытавшегося вернуться к старой образовательной практике. Министр и его команда потребовали оценки состояния обучения грамматике у исследователя, известного своим участием в борьбе с неграмотностью. Краткий текст (34 страницы формата А4), представленный А. Бентолилой

29.11.2006 совсем не похоже на экспертное заключение: нет ни исследований, ни рекомендаций, ни данных, ни научных методов, только личная позиция, изложенная в виде краткого эссе. Согласно Ф. Бланше, главный недостаток данного отчета — это обоснование отказа от строгой последовательности в изучении грамматики, предшествующей анализу текста. По мнению Ф. Бланше, вдумчивое изучение грамматики должно предшествовать аналитическому чтению [3]. Другими словами, это грамматика, которая диктует свой закон предложениям и текстам, а не наоборот: она не вызывает их в соответствии с потребностями анализа [3]. Данный пример демонстрирует доминирование политических взглядов над реальными потребностями образования.

В настоящее время существует настоятельная потребность в «прозрачных» глоттополитических оценках. Если объективность невозможна, то, по мнению Ф. Бланше, «интерсубъективность — лучшая гарантия против «односторонней субъективности» [3] и что «осознание того, что может получиться от интерференции. Нужно стремиться к объяснению убеждений, точек зрения, методов, источников, анализов, интерпретаций, что делает глоттополитическую оценку как минимум «прозрачной».

Современные концепции оценок глоттополитических действий разнообразны и не лишены недостатков, что указывает на необходимость дальнейших исследований.

ВЫВОДЫ:

Проведенный анализ современных концепций в сфере глоттополитики позволил прийти к следующим выводам. Глоттополи-

тика — это связь микро и макро действий по использованию языков. Она определяется как охватывающая два полюса континуума от наименьшего уровня социальной организации к наибольшему. Глоттополитика — это планомерные макродействия, а глоттономия — это стихийные микродействия в языковом пространстве. Языковой корпус связан со статусом языка отношениями взаимовлияния. Глоттополитика может быть самоуправляемой, управляющей или либеральной. Современные концепции оценок глоттополитических действий разнообразны и не лишены недостатков, что указывает на необходимость дальнейших исследований.

Список литературы

1. Blanchet Ph. Discriminations: combattre la glottophobie. — Éditions Textuel, Paris, 2016. — 321 p.

2. Blanchet Ph. Hégémonie et domination. Publicationnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics. 2018. <http://publicationnaire.humanum.fr/notice/hegemonie-et-domination/>.

3. Blanchet Ph. La nécessaire évaluation des politiques linguistiques entre complexité, relativité et significativité des indicateurs // Les Cahiers du GEPE, Eclairages, Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2009, URL : <http://www.cahiersdugepe.fr/index.php?id=898>

4. Blanchet Ph. Linguistique de terrain, méthode et théorie (une approche ethno-sociolinguistique). — Rennes, Presses Universitaires de Rennes. 2000. — 123 p.

5. Boyer H. Langue et identité. Sur le nationalisme linguistique. — Lambert-Lucas, Limoges. 2008. — 178 p.

6. Bulot T. Pratiques langagières en Pays de Caux : faits de dominance et glottopolitique. — *Moderne Sprachen* 48/2, Vienne, Praesens Verlag, 2004. — p. 59-74.

7. Calvet J.-L. La guerre des langues et les politiques linguistiques. — Hachette, Paris, 1999. — 211 p.

8. Calvet J.-L. La sociolinguistique. — Presses universitaires de France. Humenensis. «Que sais-je», Paris. 2017. — 89 p.

9. Calvet J.-L. Les politiques linguistiques. — Paris, PUF. 1996. — 165 p.

10. Chandenson R. La francophonie : représentations, réalités et perspectives. — Aix-en-Provence, Institut d'études créoles et francophones de l'université de Provence, 1991. — 201 p.

11. Deprez Ch. Les enfants bilingues. Langues et familles. — Didier, Paris, 1994. — 221 p.

12. Dorian N. Language Death. — Philadelphie, University of Pennsylvania Press, 1981. — 71 p.

13. Fishman J. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective. — Toronto, Multilingual Matters, 2003. — 89 p.

14. Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. — Harvard University Press, 1974. — 49 p.

15. Guespin L., Marcellesi J.-B. Pour la glottopolitique // *Langages*, n° 83, 1986. — p. 5-34.

16. Guispen L. Introduction. Matériaux pour une glottopolitique // *Cahiers de linguistique sociale* n°7. — Mont Saint Aignan, Presses de l'université de Rouen, 1985. — p.14-32.

17. Kloss H. Research possibilities on group bilingualism. — Québec, CIRB, 1969. — 98 p.

18. Mcconnel G., Gendron J.-D. Dimension et mesure de la vitalité linguistique. — Québec. 1988. — 111 p.

19. Robillard D. Action linguistique (20), Aménagement linguistique (36-41), Corpus (102), Évaluation (151-152), Planification (228-229), Politique linguistique » (229-230), Statut (269-270) // MOREAU, Marie— Louise (éd.), Sociolinguistique, concepts de base. — Sprimont (B), Mardaga. 1997. — 300 p.

20. Robillard D. L'aménagement linguistique : problématiques et perspectives. — Université de Provence, 3 volumes, 1989. — 111 p.

21. Robillard D. Un siècle après le Cours de Saussure, la linguistique en question // Carnets de l'Atelier de Sociolinguistique n° 1. — Paris, L'Harmattan, 2003. — p. 13-80.

22. Robins R. Uhlenbeck Eugenius (Dir.). Endangered languages. — Oxford / New York, Berg. 1991. — 99 p.

23. Spolsky B. Language Policy. — London. Press. 2004. — 332 p.

А. К. Магомедов
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
Москва

A. K. Magomedov
Russian State University for the Humanities
Moscow
E-mail: armagomedov@gmail.com

Правовой статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

Legal Status of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation

Аннотация Работа исследует основные нормативно-правовые документы, обеспечивающие «особые» права коренных малочисленных народов российской Арктики. В центре анализа – ключевые характеристики правовых новаций в отношении коренных народов, направленных на поддержку традиционной хозяйственной деятельности и системы социальных гарантий аборигенных сообществ.

Abstract The work explores the main legal documents that ensure the “special” rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic. In the center of the Analysis are the key characteristics of legal innovations in relation to

indigenous peoples aimed at supporting the traditional economic activities and the system of social guarantees of aboriginal communities.

Ключевые слова *Арктика, коренные народы, индигенность, особые права.*

Key words *Arctic, indigenous peoples, "special" rights.*

Сегодня становится очевидной устойчивость коренных народов мира перед вызовами «прогресса и цивилизации». Вчерашние прогнозы о необратимости ассимиляции малочисленных малых этносов планеты опровергаются современными реалиями культурного и политического подъема аборигенности. Более того, мир становится свидетелем превращения коренных народов из бедных, забытых и незаметных групп в грозную культурную, социальную и политическую силу. Фактор коренных народов в искусстве, литературе, спорте, музыке, политике (пример новозеландских маори, южноамериканских кечуа, аймара и гуарани, российских ненцев, хантов, чукчей) бросает вызов вчерашним прогнозам о «конце индигенности». Индигенность сегодня следует рассматривать как процесс, имеющий несколько измерений: культурное, этно-лингвистическое, социальное, политическое. Переосмысление индигенности, начавшееся в 1970-е гг., получило свое политическое и институциональное продолжение в последующие десятилетия. Так, 1980 — 1990-е гг. ознаменовались ростом численности общественных организаций автохтонных этносов, а 1993-й год был объявлен с трибуны ООН «Годом коренных народов». Данные процессы сопровождались не только движением коренных на-

родов, но и глобальным круговоротом индигенного дискурса. Публичное присутствие лидеров коренных этносов и аборигенной повестки в международных организациях привело к выдвижению разнообразных требований малочисленных этно-национальных групп: претензии на земли, контроль над культурным наследием, двуязычное образование, увековечение истории коренных народов в национальной политике памяти, политическое и экспертное представительство. Здесь необходимо отметить еще один процесс, оказавший значительное влияние на этно-лингвистическое развитие коренных малочисленных народов. Речь идет о создании и развитии индигенных СМИ и медиа-технологий как средства демаргинализации аборигенных сообществ. Подобные СМИ начали выступать как средство сохранения культуры и создания новых идентичностей. Со временем Интернет и соцсети произвели настоящую революцию не только в плане преодоления прежде маргинального статуса коренных сообществ, но превратились в инструмент распространения аборигенного культурно-языкового контента. Интернет, а затем и цифровые технологии, начали выступать в качестве трибуны самопрезентации, деколонизации и демаргинализации коренных народов. Стало возможным с помощью современных медиа-технологий конструирование культуры, языковых методик и индигенной самобытности.

На этом фоне слабо изученным аспектом развития коренных сообществ является законодательное обеспечение прав автохтонных народов. Деятельность российских органов власти в данном направлении в постсоветские десятилетия произвела настоящую революцию в аборигенном законодательстве. В данной работе ис-

следует проблема создания нового свода законов в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее КМНС).

Прежде чем анализировать нормативно-правовую базу КМНС необходимо дать небольшое описание демографических и географических характеристик аборигенных народов Арктической зоны России. Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированной на основе самоидентификации граждан, в Российской Федерации проживает более 190 этнических групп. [1]. Материальная и духовная культуры этих групп имеют уникальные характеристики. Подавляющее большинство народов Российской Федерации развивались как самобытные этнические общности на территории России на протяжении многих веков. В этом смысле этими группами считаются коренные народы, сыгравшие историческую роль в становлении современного российского государства.

Коренные малочисленные народы арктической зоны Российской Федерации: демографические и географические характеристики.

Арктическая зона России включает в себя территории девяти регионов, в которых коренные народы проживают и участвуют в традиционной хозяйственной деятельности. По данным переписи населения 2010 года, численность коренных малочисленных народов в субъектах России, территории которых пол-

ностью включены в Арктическую зону, выглядит следующим образом:

- на территории Мурманской области проживает 1 599 саамов (0,2% от общей численности населения области);
- на территории Ненецкого автономного округа проживает 7 504 ненца (17,83% от общей численности населения области);
- на территории Чукотского автономного округа проживают 12 722 чукчей, 1 529 инуитов, 1 392 эвенов (ламутов) человек, 897 чувинцев, 198 юкагиров, 69 коряков и один керек;
- на территории Ямало-Ненецкого автономного округа проживает 29 772 ненца, 9 489 ханты и 1 988 селькупов.

По данным переписи населения 2010 года, численность коренных малочисленных народов в субъектах России, территории которых частично включены в Арктическую зону, выглядит следующим образом:

- на арктической территории Республики Коми проживает 503 ненца;
- на арктической территории Республики Саха (Якутия) проживает 8 916 эвенков, 8 363 эвенов (ламутов), 1 532 долгана, 955 юкагиров и 560 чукчей;
- на арктической территории Красноярского края проживает 5 393 долгана, 2 878 эвенков, 3 508 ненцев, 607 кет, 747 нганасанов, 228 селькупов и 204 энца.

Таким образом, по данным переписи населения 2010 года, в субъектах России, территории которых полностью включены в Арктическую зону, проживает 67 210 коренных малочисленных народов. Однако это далеко не полная информация. К этой цифре

необходимо добавить следующие сведения. В Таймырском и Туруханском районах Красноярского края проживает 11 102 человека, на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края насчитывается 2 463 человека, в 13 районах Республики Саха (Якутия) проживает 20 326 человек, в Республике Коми — 503 человека. С учетом данных цифр общая численность коренных малочисленных народов в Арктической зоне России составляет 101 604 человека. При этом общая численность населения Арктической зоны составляет более 2,5 млн человек. Площадь суши российской Арктики составляет около 5 миллионов квадратных километров.

На основании анализа нормативных правовых актов и данных Всероссийской переписи населения 2010 года можно сделать вывод, что следующие шестнадцать групп, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации, являются малочисленными коренными народами Российской Федерации: долганы, кереки, кецы, коряки, нганасаны, ненцы, саамы, селькупы, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены (ламуты), энецы, инуиты, юкагиры. [1].

Современные нормативно-правовые документы, обеспечивающие «особые» права КМНС.

Среди этнических групп, проживающих в России, коренные малочисленные народы сохраняют особый правовой статус, основанный на положениях Конституции Российской Федерации. Согласно статье 69 Конституции России гарантирует права коренных малочисленных народов посредством общепризнанных

принципов, норм международного права и международных договоров, участником которых является Российская Федерация [2].

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока ведут уникальный, отличный образ жизни. Их деятельность основана на традиционных видах экономической деятельности, таких как ремесла, оленеводство, рыболовство, охота, собирательство, добыча морских млекопитающих и т. д. Проблемы, влияющие на статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, включают суровые климатические условия, географическую изоляцию от важнейшей инфраструктуры и медицинских учреждений, а также проблемы адаптации к современной рыночной экономике.

Проблемам КМНС уделялось много внимания со стороны российских федеральных и региональных властей. За постсоветские десятилетия были приняты три специальных федеральных закона, в которых рассматриваются «особые» права автохтонных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Речь идет о Федеральном законе № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999г., ставший ключевым документом, в котором прописаны правовые основы статуса КМНС [3]. Два других закона: «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятый в 2000г. [4] и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001г.) подтвердили факт официального признания со стороны российского государства особого правового статуса КМНС [5]. В этих законах

«коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» определены как:

- народы, проживающие на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке России (в частности, в традиционных поселениях предков);
- сохраняющие традиционный образ жизни (например, в хозяйственной деятельности и ремеслах),
- общая численность которых насчитывает менее 50 000 человек,
- осознающие себя как самостоятельные этнические общности.

Список этих народов был утвержден правительством и включает сорок групп. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность коренного населения в стране составляет около 250 000 человек. Далее в данной статье коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока будут называться «коренные народы».

Существуют также отраслевые законы об охоте, рыболовстве, охраняемых природных территориях. Эти правовые новации, а также земельное, налоговое и пенсионное законодательство предусматривают ряд специальных прав и преференций для коренных народов.

Опираясь на ранее существовавшие нормативно-правовые акты, определяющие правосубъектность коренных малочисленных народов Российской Федерации Арктика, эти документы имеют отношение к их экономическому развитию и юридическим правам. При составлении общего обзора как действующего законодательства России, так и региональных правоохранитель-

ных органов можно сделать вывод, что эти народы (формально именуемые в федеральном законе «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации») обладают как групповыми, так и индивидуальными правами. Порой несовершенства в подзаконных актах и недостаточное регулирование отрасли природных ресурсов привели к возникновению широкого круга проблем в реализации прав малочисленных групп коренных народов.[6, с. 49]. Однако при должной поддержке со стороны государства традиционная экономика коренных малочисленных народов может служить эффективным элементом арктической экономической повестки.

Что касается регионального уровня, то, например, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) принят целый корпус документов, касающихся решения неотложных проблем КМНС в контексте социально-экономической трансформации округа. Среди них в качестве наиболее актуальных отметим специальное постановление регионального парламента «О концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов», принятое в 2009 г., а также знаменитую окружную долгосрочную целевую программу, названную в округе «народной» [7].

Во многом на основе приведенных документов формировались государственные стратегии РФ в отношении регионов Крайнего Севера России. Наиболее заметными из них стали «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», а также принятый в 2020 г. федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [8].

Существующая практика землепользования и земельные правоотношения: пример ЯНАО и ХМАО

Регулирование землепользования в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) может служить примером успешной реализации групповых аборигенных прав. Около 18 000 оленеводов на Ямале (ненцы, ханты, селькупы) пасут частные оленьи стада на обширных пастбищах без юридической регистрации. По разным оценкам, количество оленей в регионе составляет около 800 000 голов. Более половины всего поголовья скота находится в частной собственности отдельных оленеводов, и только 47% голов принадлежат сельскохозяйственным предприятиям.

Несмотря на предыдущие сложные исторические процессы, а также активное промышленное освоение территорий, оленеводство в российской Арктике сохранилось как образ жизни и уникальная кочевая культура. В то же время на кочевые народы большее влияние оказывают изменение климата и дальнейшее интенсивное промышленное освоение Арктики. Определение территорий традиционного природопользования для коренных народов может защитить интересы северных аборигенов. Успешные примеры территорий традиционного природопользования находятся в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО). В пределах этого региона насчитывается 477 территорий традиционного природопользования регионального значения. Они были сформированы в интересах 4,5 тыс. человек, и подлежат номинальной регистрации. Территориально они занимают 133 тыс. кв. км, или 25% от общей площади округа. В соответствии с правовым режимом, на территориях традиционного природопользования установ-

ливается дифференцированный режим охраны и использования земель, учитывающий их природное, историческое, культурное и иное значение.

В 16 регионах России насчитывается около 700 территорий традиционного природопользования. Мы наблюдаем различные правоприменительные практики при реализации закона «О территориях традиционного природопользования», которые более успешны в одних регионах, чем в других. Отсутствие территории традиционного природопользования на федеральном уровне в России не может служить основанием для заявлений об ущемлении прав коренных народов. Федеральное законодательство определяет общероссийские минимальные стандарты защиты прав коренных народов, а также регионов их первоначального проживания. Хотя государство заявило о своей поддержке политики в интересах коренных народов, а успешная региональная правоприменительная практика и законодательная база уже существуют, реализация прав коренных народов остается проблематичной. Это связано со многими факторами, такими как несовершенство подзаконных актов и отсутствие регулирования тех или иных норм в законах о природных ресурсах.

Законодательные новации в интересах коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации

Пакет законов, направленных на развитие предпринимательской деятельности в Арктической зоне России, был принят

в 2020 году. Федеральным законом установлены три нововведения в отношении коренных малочисленных народов Арктики.

Первое — создание Общественного совета Арктической зоны, в компетенцию которого входят:

- режим взаимодействия между некоренными и коренными жителями, проживающими в Арктической зоне;
- участие в разработке природоохранных мероприятий в Арктической зоне;
- подготовка предложений в уполномоченный федеральный орган, а также управляющие компании по повышению эффективности их деятельности по управлению Арктической зоной.

Григорий Ледков, Президент российской Ассоциация коренных малочисленных народов Севера (РАЙПОН), возглавил Общественный совет Арктической зоны. Его избрание не было случайным. Институты гражданского общества играют значительную роль в формировании государственной национальной политики в России. РАЙПОН — одна из старейших неправительственных организаций России, в структуре которой работают 34 региональные объединения коренных народов. Ассоциация также представляет коренные народы Российской Арктики в Арктическом совете в качестве одного из шести постоянных участников. РАЙПОН принимает активное участие в разработке законодательных инициатив. Так, за последние несколько лет представители РАЙПОН, являясь членами Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям внесли вопросы, связанные с правами коренных народов, в список поручений Президента России. К таким вопросам относятся возмещение ущерба коренным народам от хозяйственной деятельности промышленных корпораций, этно-

логическая экспертиза, сохранение языков коренных народов, дополнительные меры государственной поддержки студентов-аборигенов, формирование федерального реестра коренных народов.

Второе нововведение — программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, осуществляемая в Арктической зоне. Программа создает положения, направленные на развитие инфраструктуры для традиционной экономической деятельности, продажу товаров и услуг на внутренний и международный рынки, развитие экотуризма и этнотуризма, подготовку квалифицированных кадров, модернизацию местных энергетических производств, более широкое использование возобновляемых источников энергии, популяризацию предпринимательской деятельности среди коренных народов. Программа также предусматривает совершенствование правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности автохтонных народов Крайнего Севера [9, с. 89].

Третье нововведение — Стандарт ответственности некоренных жителей Арктической зоны Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации. Под Стандартом ответственности понимается перечень принципов, рекомендуемых к использованию резидентами Арктической зоны при организации взаимодействия с коренными народами в местах их традиционного проживания и/или осуществлении традиционной хозяйственной деятельности. Документ утверждает и раскрывает пять принципов:

- Содействие устойчивому развитию коренных народов, повышение качества их жизни и сохранение первоначальной среды обитания.

- Участие представителей коренных народов в принятии решений по вопросам освоения природных ресурсов в местах традиционной среды обитания и традиционной экономической деятельности.

- Сотрудничество в улучшении социально-экономической ситуации в местах традиционного проживания и на территориях традиционного ресурсопользования коренных народов в ситуациях, когда резиденты Арктической зоны осуществляют свою деятельность.

- Открытость со стороны участников хозяйственной деятельности в Арктической зоне по отношению к организациям, органам государственной власти и местному самоуправлению по всем экологическим и социально-экономическим вопросам, затрагивающим интересы коренных малочисленных народов.

- Минимизация негативного влияния хозяйственной деятельности в Арктической зоне на образ жизни северных аборигенов, а также учет социальной, экологической и природной уязвимости коренных малочисленных народов Арктической зоны России.

Если давать общую характеристику описываемых правовых новаций, то следует отметить следующее. С одной стороны, принятые арктические законодательные новеллы отражают общий подход государства к формированию политики в отношении коренных народов. С другой стороны, они во многом инновационны: особое внимание уделяется традиционной хозяйственной деятельности и коренным народам Арктики в целом. Кроме того, общественная организация Союз коренных народов, известный как «СОЮЗ», разработал инициативу: внести

изменения в закон, таким образом, чтобы общины коренных народов могли получить статус «резидентов Арктической зоны». Этот статус дает несколько существенных преимуществ и преференций, выгодных для ведения бизнеса. Согласно действующему законодательству, статус «резидент Арктической зоны» может получить либо индивидуальный предприниматель, либо юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией. В настоящее время общины коренных малочисленных народов являются некоммерческими организациями по своей организационно-правовой форме, что не позволяет им получить статус «резидента Арктической зоны». Однако, согласно действующему законодательству, некоммерческие организации могут также участвовать в приносящей доход деятельности, которая не противоречит их уставным целям. Члены общины также имеют право распределять полученные доходы между собой. При должной поддержке со стороны государства традиционная экономика коренных малочисленных народов может служить эффективным элементом арктической экономической повестки дня путем создания новых рабочих мест и обеспечения местной продовольственной безопасности.

**КМНС в «Стратегии развития Арктической зоны
Российской Федерации и обеспечения национальной
безопасности на период до 2035 года»**

2020 год был ознаменован принятием «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Стратегия

в первую очередь ориентирована на обеспечение национальной безопасности России путем определения мер, направленных на реализацию развития Арктической зоны, а также определения этапов и ожидаемых результатов реализации этих мер. Оценивая значение Арктической зоны в социально-экономическом развитии и безопасности России, в Стратегии указывается, что в Арктической зоне проживают 19 коренных малочисленных народов, историко-культурное наследие которых имеет огромное значение.

Анализ Стратегии показывает, что государство, определяя механизмы социального развития в области Арктической зоны, уделяет особое внимание коренным народам [10].

Документ предусматривает осуществление следующих конкретных мер:

- Развитие мобильных форм медицинской помощи, в том числе на маршрутах кочевого перемещения коренных оленеводов.
- Расширение доступа к образованию для коренных народов.
- Обеспечение сохранения и популяризации культурного наследия, развитие традиционной культуры, сохранение и развитие языков коренных народов.
- Государственная поддержка жилищного строительства, в том числе деревянного жилья, инженерной и социальной инфраструктуры в местах традиционного проживания коренных народов.
- Стимулирование участия государственных корпораций, компаний с частичным государственным участием, частных ин-

весторов в создании и модернизации социальной, жилищно-коммунальной и транспортной инфраструктуры в городах и поселках, а также в развитии инфраструктуры в местах традиционного проживания коренных народов и их традиционной хозяйственной деятельности.

- Разработка и реализация программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

- Обеспечение коренных народов мобильными источниками энергоснабжения и средствами связи в местах их традиционного обитания и традиционной хозяйственной деятельности.

План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктики был утвержден в апреле 2021 года. Существенным моментом является то, что весь спектр задач, инструментов и механизмов, направленных на социальное развитие Арктики, даже без персонифицированной направленности по отношению к коренным народам, повысит их благосостояние. Развитие здравоохранения, образования, социальной инфраструктуры, транспортной доступности, экологической безопасности, высокотехнологичной науки на Севере повлияет на жизнь коренных малочисленных народов российской Арктики. Важно отметить, что активное участие коренных народов играет важнейшую роль не только в развитии, но и в реализации соответствующих законодательных новелл. Их влияние и эффективность зависят как от государства, так и от самих коренных народов.

Список литературы.

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm(дата обращения: 12.07. 2022).

2.Новый текст Конституции Российской Федерации с поправками 2020// Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации / дума.gov.ru/news/48953(дата обращения: 25. 08. 2022).

3.Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации<http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778>(дата обращения: 26. 08. 2022).

4. Федеральный закон от 20 июля 2000 года N 104-ФЗ«Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20.07.2000 N 104-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/(дата обращения: 06.09.2022).

5. Федеральный закон от 7 мая 2001 года N 49-ФЗ«О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07.05.2001 N 49-ФЗ (последняя редакция)http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/(дата обращения: 06. 09. 2022).

6. Кряжков В.А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования/ Современное состояние и пути развития коренных

малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Под общей ред. В. А. Штырова. Изд-е второе, переработанное и дополненное. М.: Изд-е Совета Федерации, 2013 С. 48-58.

7. Окружная долгосрочная целевая программа «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 — 2015 годы». Утверждена постановлением правительства Ямало-Ненецкого автономного округа (с изм. от 23.07.2012 № 579-П; с изм. от 18.12.2012 № 1075-П; с изм. от 16.08.2013 № 653-П; с изм. от 14.02.2014 № 116-П). консорциум «кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. // <http://docs.cntd.ru/document/473400126>(дата обращения: 10.10.2022).

8. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 года No193ФЗ / <https://rg.ru/documents/2020/07/16/193-fz-ob-arkticheskoy-zone-dok.html>(дата обращения: 12.10.2022).

9. Филант К. Г. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе// Проблемы современной науки и образования. Юридические науки. 2016. № 39 (81). С. 83-91.

10. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Совет безопасности Российской Федерации. http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_stratery/(дата обращения: 17.10.2022).

Е.А. Кондрашкина

ФГБУН Институт языкознания РАН

Научно-исследовательский центр по национально-языковым

отношениям

Москва

E. A. Kondrashkina

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Research Centre for National Language Relations

Moscow

E-mail: e.kondrashkina@inbox.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ И МОРДОВИЯ (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLICS OF MARI EL AND MORDOVIA (PROBLEMS AND PROSPECTS)

Аннотация. Статья посвящена сравнительной характеристике региональной языковой политики в двух финно-угорских республиках РФ — Марий Эл и Мордовии. Особенностью языковой политики в этих республиках является тот факт, что в них статус государственных языков имеют три языка — русский и два национальных: в Марий Эл — горный и луговой марийские языки, в Мордовии — мокшанский и эрзянский мордовские языки. Высокий статус языков закреплён в консти-

туциях республик и в законах о языках, принятых в 1995 и 1998 гг. Эффективность языковой политики оценивается положением языков в системе образования и СМИ, а также усилением тенденции языкового сдвига. В заключение делается вывод о несоответствии юридического статуса языка его функциональному потенциалу и предлагаются некоторые меры для решения проблемы.

Abstract. This article provides a comparative description of the regional language policies in two Finno-Ugric republics of the Russian Federation — Mari El and Mordovia. One peculiar feature of their language policies is that three languages have the status of a state language there — Russian and two national languages: the Mountain and Meadow Mari languages in Mari El, and the Moksha and Erzya Mordovian languages in Mordovia. The high status of those languages is enshrined in the Constitutions of the two Republics as well as in their language laws enacted in 1995 and 1998. The effectiveness of the language policies is measured by the position of the languages in question in education and mass media as well as by the increasing trend of the language shift. In the end, the author draws a conclusion that the legal status of each of those languages does not match its functional potential and proposes certain steps to resolve that issue.

Ключевые слова: государственные языки, законы о языках, законы об образовании, языки в сферах образования и СМИ.

Indexterms: *state languages, law on languages, law on education, languages in the fields of education and the media.*

Республики Марий Эл и Мордовия относятся к так называемым финно-угорским республикам в составе России, хотя по демографическим показателям доминирующее положение в них занимает

русское население: по данным переписи 2010 года: в Мордовии — 53,2%, в Марий Эл — 45,1%. Доля титульного населения составляет: в Мордовии — 39,9%, в Марий Эл — 41,8% [10, с. 86 — 88]. Титульное население в Республике Марий Эл представлено горными и луговыми марийцами, в Республике Мордовия — народами эрзя и мокша. Точное количество тех и других в республиках неизвестно, так как при переписях населения преобладали записи — марийцы и мордвины. По неофициальным данным, горных марийцев примерно одна треть от всех марийцев Марий Эл, а в Мордовии мокшан больше, чем эрзян. Эти две республики отличаются тем, что статус государственных языков в них имеют три языка — русский и два национальных: в Марий Эл это — русский и марийский (горный и луговой), в Мордовии — русский и мордовский (мокшанский и эрзянский). Законодательное оформление статуса языков произошло сначала в Конституциях республик — в Марий Эл 24 июня 1995 г., статья 15, в Мордовии — 21 сентября 1995 г., статья 12, а затем в законах о языках. Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» был принят 6 мая 1998 г., Закон «О языках в Республике Марий Эл» — 26 октября 1995 г.

Законы о языках являются основополагающими документами региональной языковой политики. Как правило, они подтверждают статус титульных языков на право называться государственными языками республики,

в них закрепляются права граждан на использование языков, возможности их изучения в образовательных организациях, употребление в органах государственной власти республик, организациях и учреждениях, географических названиях, надписей, топографических указателях, СМИ.

За время, прошедшее после принятия законов, в них были внесены поправки и изменения. Отметим наиболее важные из них. В законе Марий Эл в Главе I статья 1 была удалена фраза «Действие марийского государственного языка осуществляется в соответствии с ареалом расселения горных и луговых мари» [4], что значительно сокращало использование марийского языка представителями других национальностей, проживающих в республике. Важное изменение было внесено в статью 11 Главы II: в первом варианте закона было записано, что «марийский и русский языки как государственные языки Республики Марий Эл изучаются во всех образовательных учебных заведениях Республики Марий Эл» [4, с. 164 — 174]. В новом изложении 2021 года этот пункт звучит так: «в государственных и муниципальных образовательных организациях обеспечивается преподавание и изучение марийского и русского языков» [4, с. 164 — 174], что более соответствует действительному положению дел в системе образования. В Главе III статье 18 в первом варианте говорилось, что органы местного самоуправления Республики в делопроизводстве используют любой из государственных языков, но после поправки в 2001 году предлагается использовать государственный язык Российской Федерации, наряду с которым могут использоваться государственные языки Республики Марий Эл, т. е. приоритет за русским языком. Остальные изменения носят не принципиальный характер, это либо сокращения статей на более короткие, либо отмена некоторых [4, с. 164 — 174].

Отметим разницу в законах Марий Эл и Мордовии в пункте, определяющем статус государственных языков: в Марий Эл на первом месте — марийский (горный и луговой) язык, на вто-

ром — русский. В Мордовии —русский и мордовский (мокшанский и эрзянский) язык. Очевидно, что в Мордовии приоритеты расставлены точнее: русский язык как язык Федерации должен быть на первом месте, национальный — на втором.

Закон о языках Мордовии после 3-х поправок стал намного компактнее, ряд статей утратил силу, но в статьях 11 и 17 сохранились оговорки, что, например, «делопроизводство в органах государственной власти Республики Мордовия, органах местного самоуправления, в правоохранительных органах, судопроизводство и нотариальное делопроизводство осуществляется на русском, а при необходимости — также на мордовском (мокшанском или эрзянском языках» [5, с. 1-2]. Такая формулировка делает эти пункты закона рекомендательными, а не обязательными к применению, что принижает статус мордовских языков как государственных. К тому же при доминировании русского населения и соответственно русского языка такая «необходимость» вряд ли наступит. В Мордовии владение русским языком, по данным переписи 2010 г., составляет 99,7%, т. е. практически все население знает русский [10, с. 192]. Такой же процент владеющих русским языком и в Республике Марий Эл [10, с. 192].

После принятия законов о языках в республиках, как правило, разрабатывались программы реализации этих законов. Так, в Республике Марий Эл Государственная программа реализации Закона «О языках в Республике Марий Эл» на 2000–2005 годы была принята в 2000 году. Все намеченные мероприятия объединялись в следующие разделы:

1. «Расширение функциональных возможностей государственных марийского (горного и лугового) и русского языков;

2. Совершенствование системы обучения государственным языкам, литературе, истории и культуре родного края в образовательных учреждениях республики;

3. Научно-исследовательская и издательских деятельность;

4. Использование государственных языков в средствах массовой информации» [11, с. 175–180].

Всего было запланировано 50 разнообразных мероприятий с общей оценкой стоимости программы в 4819,0 тыс. руб. В документе были прописаны все организации, ответственные за выполнение каждого пункта [11, с. 175 — 180].

Программа реализации закона обширна и детализирована, но время на ее выполнение отведено слишком короткое. Например, представляется нереальной задачей организовать подготовку кадров преподавателей марийского языка для немарийской части населения за 2003—2004 гг., как записано в программе (пункт 15, 1-го раздела) и за эти же годы подготовить и издать учебно-методические пособия для изучения горного и лугового языков для немарийцев. Результаты выполнения программы, к сожалению, не удалось найти в документах правительства. Кроме того, слабость законов о языках в Марий Эл и Мордовии, на наш взгляд, заключается в том, что в них не установлены обязательства использования языков в определенных важных сферах, а даются только рекомендации. В связи с этим неясно, должны ли, например, мокшанские дети изучать эрзянский язык, а эрзянские дети мокшанский, ведь оба языка являются государственными. То же самое и с детьми горных и луговых марийцев.

Главной функциональной сферой, от которой зависит знание языка, является система образования, поскольку передача языка

в семье от родителей детям практически не осуществляется. Политика в сфере образования в двух республиках также оформлена законами. В Республике Марий Эл 29 марта 2001 года был принят закон «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл» [14], в котором сфера образования была провозглашена приоритетной. В законе 2001 года были утверждены принципы государственной политики в области образования: а) гуманистический характер образования; б) развитие национальных языков, культур, духовных и этнических ценностей народов, проживающих на территории Марий Эл; в) единство федерального и республиканского образовательных пространств; г) общедоступность образования и его светский характер; д) свобода и плюрализм в образовании и демократический характер управления образованием [14].

После принятия Федерального закона от 29.12.2012 года «Об образовании в Российской Федерации» в Республике Марий Эл 01.08. 2013 г. был принят свой закон «Об образовании в Республике Марий Эл» [6], в котором на региональном уровне регулируются конституционные права граждан на получение образования. Вопросы, которые рассматриваются в законе, касаются всей системы образования, начиная с дошкольных учреждений, средних учебных заведений, профессионального образования, высших учебных заведений. Затрагиваются и такие проблемы, как школьные программы, подготовка кадров, материально-техническое обеспечение, обучение инвалидов и лиц с ограниченными возможностями и ряд других. Отдельная статья № 11 посвящена языкам, в которой констатируется, что республика «обеспечивает создание условий для изучения и преподавания русского и марий-

ского языков в государственных образовательных организациях, а в местах компактного проживания представителей иных национальностей — их родного языка», а также «издание учебной и художественной литературы на марийском языке» [6].

В Республике Мордовия закон «Об образовании в Республике Мордовия» был введен 30 ноября 1998 г., но после принятия Федерального закона 2012 года об образовании в РФ, он утратил силу и в 2013 году 8 августа был утвержден новый закон «Об образовании в Республике Мордовия» №53-З.

Вопросы, рассматриваемые в законе Мордовии, схожи с вопросами в марийском законе. В нем гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Статья 3 закона целиком посвящена языку в системе образования, в которой говорится, что «изучение и преподавание мордовского (мокшанского и эрзянского) языка как государственного языка Республики Мордовия осуществляется в государственных и муниципальных образовательных организациях в соответствии с федеральными государственными стандартами в образовательных организациях республики и не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации» [7]. Закрепляется право граждан на получение образования на родном языке народов РФ, в том числе русского языка как родного. Свободный выбор языка образования осуществляется по заявлениям родителей [7].

В статье 1 закона говорится, что настоящим законом устанавливаются правовые, организационные и экономические осо-

бенности функционирования системы образования в Республике Мордовия. Какие же основные особенности региона были учтены в законе? Как считает мордовский автор А.И. Беляйкина, это прежде всего то, что в образовательных организациях изучается не только государственный мордовский язык, но и языки народов, компактно проживающих в республике, в пределах возможностей системы образования. В качестве примера она приводит три средних общеобразовательных школы в разных районах Мордовии, в которых изучаются: мокшанский язык и мокшанская литература, эрзянский язык и эрзянская литература, и татарский язык и татарская литература[1, с. 298–299]. Отметим, что татары являются третьим по численности этносом, проживающим в республике, после русских и мордвы. Однако в законе Марий Эл также имеется такая статья, поскольку татарская диаспора в республике тоже достаточно многочисленная и для нее открыты школы. Один из пунктов, который есть в законе Мордовии, но отсутствует в законе Марий Эл — это типовые требования к одежде обучающихся[1, с. 301].

Таким образом, в республиках Марий Эл и Мордовия национальные титульные языки имеют юридическое подтверждение своего статуса государственных языков двумя законами, но соответствует ли этому статусу фактическое функционирование языков в наиболее важных сферах общения? Рассмотрим положение языков в сфере образования и СМИ. На Парламентских слушаниях в октябре 2018 года на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы» с докладом о положении в системе образования Республики Марий Эл выступил С. К. Свечников, главный специалист управления общего

и дошкольного образования Министерства образования и науки Республики Марий Эл. Он сообщил, что в дошкольных организациях Марий Эл обучение и воспитание ведется на 4-х языках: русском, марийском, татарском и удмуртском. В региональной системе школьного образования работали 248 школ, из них 79 — в городской местности и 169 — в сельской. В 2016/2017 учебном году в 98,3% школ было обеспечено преподавание марийского языка, из них в 89 школах с русским (неродным) языком обучения изучался родной марийский язык и литература, в 115 школах изучался марийский язык (как государственный) и в 59 школах — марийский (государственный) интегрировано с историей и культурой народов Марий Эл. Вместе с тем уменьшается количество изучающих марийский язык как родной (8 330 чел.), а подавляющее большинство изучают марийский язык как государственный (37 800 чел.) [16, с. 32-33]. Об этом же пишет марийский автор Л.Г. Иксанова, «современное состояние изучения марийского языка характеризуется как стопроцентное...оно достигается тем, что 93,75% изучают марийский язык как государственный (1 час в неделю); и только 6,25% изучают его как родной язык (3 часа в неделю)» [9, с. 221].

После принятия законов о языках во многих республиках РФ было введено обязательное изучение государственных языков всеми учащимися, невзирая на национальность. Таким способом власти пытались укрепить положение национальных государственных языков. Однако директивное внедрение языков в школьную программу вызвало конфликты и недовольство со стороны как учащихся, так и родителей. Введенный административными мерами предмет школьного образования вряд ли стал

бы любимым у учеников, а родители, особенно русские и русскоговорящие, не признавали необходимость изучения марийского или мордовского языков, и были против. На базе усиливающегося конфликта был принят Федеральный закон от 03.08.2018 г. №317-ФЗ, который утвердил свободный выбор языка обучения по желанию родителей учащегося. Следствием этого стало резкое уменьшение количества учеников, изучающих язык. Например, в Марий Эл в 2018 г. — 11,3% (от общего числа учащихся), в 2019 г. — 10, 5%, в 2020 г. — 10,1%[9, с. 220]. Сравнивая результаты последних учебных годов в Марий Эл, М. А. Горячева, автор ряда материалов по образованию в РФ, приводит следующие данные по двум марийским языкам за последние учебные годы: в 2017/2018 учебном году горный марийский был средством обучения для 82 учеников, а луговой — для 127 учеников, как предмет горный изучали 2274 уч., а луговой — 31542 уч. В 2018/2019 уч. г. на горном не было обучения, а как предмет его изучали 1709 учащихся, на луговом обучалось 319 уч., как предмет луговой изучали — 7413 чел. В 2019/2020 уч.г. обучения ни на горном, ни на луговом языке не было вовсе, а как предмет горный изучали 1837 учеников, а луговой 8630 [3, с. 17]. Таким образом, в настоящее время обучение на языках не проводится даже в младших классах школы в сельской местности, которое осуществлялось еще 4–5 лет тому назад.

Что касается Республики Мордовия, то по данным Министерства просвещения РФ на 2021 год, в республике работало 252 школы, из них — 88 в городе и 164 — в сельской местности. Количество учащихся в городских школах составляло 55069 чел., в сельской местности — 18553 чел. [13]. В 2013 году в Мордовии

была принята программа «Развитие образования в Республике Мордовия на 2014–2025 гг.» [2]. Программа обширная, включает в себя ряд пунктов по улучшению системы образования, начиная с детского сада и кончая профессиональным образованием. В ней затронуто множество проблем, таких как: строительство новых школ, подготовка преподавателей, обеспечение детей горячими обедами и т. д., но всего лишь в одном пункте говорится о сохранении и развитии национальных языков и культур народов Мордовии [2].

Вопросу преподавания мордовских языков посвящена статья д-ра ист. наук проф. А. В. Мартыненко из Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Он пишет, что «в настоящее время в школах республики мордовские языки преподаются со 2-го по 7-й классы в формате 2 часа-урока в неделю» [12, с. 263]. С 1-го января 2018 года в школах республики впервые были введены два обязательных предмета: «родной язык и литературное чтение на родном языке», а также «родной язык и родная литература». При этом Министерство образования Мордовии рекомендовало школам преподавать мордовский язык на «безотметочной» основе, либо ставить только две оценки — «хорошо» и «отлично», чтобы у учеников не возникало негативного отношения к изучаемому предмету. Как отмечает А. В. Мартыненко, «эти правила действуют пока только в первом и пятом классах школ Мордовии» [12, с. 263]. По поводу того, нужна или нет отметка по мордовскому языку у учителей и школьников разные мнения.

В апреле и мае 2017 года Институтом этнологии и антропологии РАН был проведен опрос в финно-угорских республи-

ках РФ: опрошено 30 экспертов, 150 учеников старших классов, 150 родителей учеников 1 -11 классов и 150 студентов на тему отношения к преподаванию титульных языков в школах. За обучение на марийском и мордовском языках не было ни одного положительного ответа, на вопрос нужен ли национальный язык 42% марийских школьников, 28,7% родителей и 46,6% студентов ответили — «не нужен». В Мордовии на этот же вопрос ответили «не нужен» — 54% школьников, 33% родителей и 61% студентов [17, с. 71]. Эти ответы показали, что статус языка практически не влияет на престиж языка у его потенциальных носителей и на его функциональные возможности.

Второй важной сферой являются СМИ. Сравним показатели 2018 года и 2021 года по данным Российской книжной палаты:

2018 год

Газеты

На марийском языке— 13 изданий с годовым тиражом 1301,4 тыс. экз.

На мордовском мокшанском — 4 издания, тиражом 503,4 тыс. экз.

На мордовском эрзянском — 5 изданий, тиражом 553,7 тыс. экз.

Журналы

На марийском языке — 6 изданий, тиражом 56,2 тыс. экз.

На мордовском мокшанском — 3 издания, тиражом 12,9 тыс. экз.

На мордовском эрзянском — 2 издания, тиражом 13,7 тыс. экз.

Газеты

На марийском языке — 14 изданий, тиражом 1189,2 тыс. экз.

На мордовском мокшанском — 4 издания, тиражом 458,9 тыс. экз.

На мордовском эрзянском — 5 изданий, тиражом 461,6 тыс. экз.

Журналы

На марийском языке — 5 изданий, тиражом 55, 3 тыс. экз.

На мордовском мокшанском — 2 издания, тиражом 12,9 тыс. экз.

На мордовском эрзянском — 2 издания, тиражом 11.5 тыс. экз.
[15]

Из приведенных данных видно, что количество изданий поменялось незначительно, но уменьшился тираж практически всех газет и журналов. Это может быть связано как с не востребованностью печати у читателей в связи с появлением интернета, так и с финансовыми проблемами, поскольку цены на газеты и журналы растут практически каждый месяц.

Что касается телевидения, то в Марий Эл работает телевещательная компания ГТРК «Марий Эл» (канал Россия -1) и канал МЭТР, которые передают новости на марийском языке, транслируют музыкальные и развлекательные передачи. На канале Россия-1, судя по программе передач, новости идут каждый день, кроме выходных, утром с 9 час. до 9.30. Активно работает «Марий Эл радио», оно вещает на марийском, русском и татарском

языках., устраивает концертные программы на открытых площадках, а с 2010 г. проводит концерт «Песня года» на марийском языке. Опросы, однако, показывают, что этого явно недостаточно, к тому же интерес к радиовещанию падает из-за развития других современных средств получения информации.

Марийский язык используется в интернете. Первый сайт www.mari.ee был создан в 1997—1998 гг., а в 2008 году был создан сайт о марийской культуре, языку и религии — Mari-El.name.

Государственная компания ГТРК «Мордовия» ежедневно 45–60 мин. ведет трансляцию на мордовских языках, также работает радио. На телевидении транслируются все основные российские каналы на русском языке, и только культурно-просветительская передача «Сияжар» выходит на мордовском эрзянском языке, а передача «Кулят» на мордовском мокшанском языке. Работает «РЕН ТВ-10» канал (г. Саранск) и канал НТМ — первый круглосуточный и самостоятельный телеканал Мордовии.

Мордовский язык используется в интернете. Он является вторым языком после удмуртского, на котором создан сайт ВКонтакте, Википедия и другие сайты.

Таким образом, марийский и мордовский языки де-юре имеют престижный статус государственных языков, но де-факто их функциональный потенциал не соответствует этому статусу, так как все регламентируемые сферы общения обслуживает русский язык. Национальные же языки лишь софункционируют с русским языком в сфере образования и СМИ. И хотя увеличилось количество издаваемой литературы, географических указателей, названий улиц и предприятий на национальных языках, проводятся праздники и дни языка, заметных изменений в языковой ситуации

Марий Эл и Мордовии не произошло. Одной из важных причин такого положения, несомненно, является демографический фактор: преобладание русского населения, как носителя доминантной и более престижной культуры, что способствует интеграции марийского и мордовского меньшинства в эту культуру.

Развитие языка, его витальность и функционирование зависят от языковой политики. В республиках Марий Эл и Мордовия национальные государственные языки существуют в условиях усиливающегося языкового сдвига, что свидетельствует о неэффективности региональной языковой политики и принятых законов. Из года в год увеличивается количество марийцев и мордвы, особенно молодежи, переходящих на русский язык. При этом растет не только число говорящих на русском языке, но и тех, кто считает русский язык родным. По данным переписи 2010 года, русский язык признали родным 20,2% марийцев и 18% мордвы [17, с. 64].

Ученые из финно-угорских республик РФ — Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республики в статье о языковой политике и языковых ориентациях населения высказали свою точку зрения о том, что «проблема сохранения языков и повышения их востребованности остается актуальной задачей региональной языковой политики» [17, с. 71]. Они считают, что «для этого следует решить несколько практических задач, которые имеют не столько лингвистический характер, сколько социальный. В частности, речь идет о разработке региональных программ по формированию общественного мнения, которое бы воспринимало язык финно-угров как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание, и о необхо-

димости внедрения в практику языковой политики качественного языкового маркетинга» [17, с. 71-72].

Согласимся с мнением финских ученых К.Замятина, А. Пасанен и Я. Саарикиви о том, что возрождение языка зависит от его потенциальных носителей, т. е. от самих марийцев и мордвин. Чаще всего представители этнического сообщества полагают, что проблемами языка должны заниматься ученые, языковые активисты, власти, в конце концов, но не само сообщество. Однако без помощи и внимания с его стороны, язык усилиями небольшого круга людей не сможет усилить свои функциональные возможности. К тому же процесс расширения потенциала этнического языка может натолкнуться на сопротивление той части общества, которая ассимилировалась и пользуется в общении русским языком [8, с. 160-161].

В заключение хотелось бы предложить ряд мер по улучшению функционального положения государственных национальных языков: 1) внести поправки в законы о языках, в которых сформулировать обязанности региональных властей к использованию государственных языков, например, в сфере местного управления, переписке с районными органами власти, в приветствиях и поздравлениях по поводу региональных праздников и пр.; 2) создавать детские сады по типу «языковое гнездо»; 3) улучшить преподавание национальных языков в школах путем увеличения количества часов на их изучение, начиная с первого класса и до последнего; 4) уже сейчас использовать язык на таких уроках, как пение, физкультура, труд, рисование; 5) увеличить количество телепередач на языке и передавать не только новости или концерты художественной самодеятельности, но и передачи по истории и географии родного края и др. 6)

развивать интернет на языке. Главная задача — поднять престиж родных языков, чтобы владение ими стало гордостью и осознанием своей этнической идентичности.

Литература

1. Беляйкина А.И. Региональные особенности в законодательстве Республики Мордовия об образовании / А.И. Беляйкина // Регионология — 2019. — Том 27, № 2 — С.290-309.

2. Государственная программа «Развитие образования в Республике Мордовия на 2014— 2025гг». — Текст электронный // Правительство Республики Мордовия — Саранск — URL:<https://docs.cntd.ru/document/422402054> /(дата обращения 28.05.2022).

3. Горячева М. А. Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл: динамика функционирования / М. А. Горячева // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. — Йошкар-Ола, 2020. — С.13-18.

4. Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 года № 290-III. «О языках в Республике Марий Эл» // Кондрашкина Е. А. Динамика функционального развития марийского языка / Е..А. Кондрашкина. —2008 — М., С.164-174.

5. Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 года №19-3 «О государственных языках Республики Мордовия» // «Мокшень правда» —1998—6 мая — Саранск. — С.1—2.

6. Закон Республики Марий Эл от 01.08.2013 №29-3 «Об образовании в Республике Марий Эл» — Текст электронный // Правительство Республики Марий Эл —Йошкар-Ола —. URL: www.consultant.ru (дата обращения 1 июня 2022).

7. Закон Республики Мордовия от 08.08.2013 г. «Об образовании в Республике Мордовия» — Текст электронный // Правительство Республики Мордовия — Саранск — URL: <https://docs.cntd.ru/document/460173602> (дата обращения 1 июня 2022)

8. Замятин К. Как и зачем сохранять языки народов России. / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. — Хельсинки, 2012. — 178 с.

9. Иксанова Л. Г. Марийский язык и этнокультурная образовательная среда общеобразовательной школы / Л. Г. Иксанова // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Йошкар-Ола, 2021. — С. 220-223.

10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010, в 11 т. — Москва., НИЦ «Статистика России» 2012, т. 4, книга 1. — 2101 с.

11. Кондрашкина Е. А. Динамика функционального развития марийского языка / Е. А. Кондрашкина — Москва — 2008 — 180 с.

12. Мартыненко А. В. К вопросу о преподавании мордовских языков: история и современность / А. В. Мартыненко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки» — 2018— № 2(18) — С. 259–264.

13. Министерство просвещения РФ. Текст электронный // URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения 02.06. 2022).

14. «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл». Закон от 09.04. 2001 г.— Текст электронный // Правительство Республики Марий Эл — Йошкар-Ола — URL: <https://docs.cntd.ru/document/804920133> (дата обращения 01.06.2022).

15. Российская книжная палата. Текстэлектронный // .URL:<https://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения 02.06.2022)

16. Свечников С. К. Реализация этнокультурного направления в системе образования Республики Марий Эл / С. К. Свечников // Парламентские слушания в Малом зале Государственной Думы 29 октября 2018 года «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы» — Москва — 2018 — С. 32-34.

17. Шабаев Ю. Языковая политика и языковая ориентация населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением. / Ю.П. Шабаев, В. С. Воронцов, О. В. Орлова, А. В. Мартыненко, Н. П. Миронова // Вопросы языкознания — 2018 — №1(61) — С .62 -74.

Рекомендации

1. Законы о языках в Марий Эл и Мордовии носят декларативный характер, в них много пунктов, но нет конкретных языковых требований к применению языков в тех или иных сферах. Например, в законе Мордовии содержатся такие оговорки к применению мордовских языков как «при необходимости», что делает этот пункт явно необязательным к выполнению, а рекомендательным. В законах не сформулированы обязанности властей республик. В республиканских законах о государственных языках на первом месте должен стоять русский язык, а затем национальные (как в Мордовии), поскольку русский язык государственный РФ,

а не наоборот, как в Марий Эл «(государственными языками являются марийский (горный и луговой) и русский язык)». Все это можно сделать поправками к законам.

2. Создавать детские сады по типу «языковое гнездо», что все более распространяется в некоторых странах с похожими проблемами.

3. Изучать язык в школах с первого класса, увеличить часы на его изучение.

4. Начать использовать язык для начала на таких предметах, как пение, труд, физкультура, затем переходить на другие предметы. Этот пункт требует подготовки учителей соответствующих профилей.

5. Губернаторам, мэрам и прочим представителям власти обращаться к народу с поздравлениями, сообщениями и пр. на национальном языке. Увеличить количество телепередач на языке.

Главное — поднимать престиж родного языка, чтобы владение им стало гордостью и осознанием своей этнической идентичности.

В.З. Гарифуллин
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»,
Казань
V.Z. Garifullin
Kazan Federal University
Kazan
E-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Проблемы освоения социальных сетей национальными СМИ Республики Татарстан

Problems of mastering social networks by national media Republic of Tatarstan

Аннотация Статья посвящена исследованию проблемы использования традиционными СМИ возможностей сетевых медиаресурсов. Активно работая с социальными сетями, редакции стремятся охватить большую аудиторию и достичь максимальной эффективности своей работы. В статье рассматривается опыт работы национальных СМИ Республики Татарстан по освоению новых форматов и площадок.

Ключевые слова СМИ, веб-сайт, информационное пространство, контент.

Abstract The article is devoted to the study of the problem of using the capabilities of network media resources by traditional media. Actively

working with social networks, editorial offices strive to reach a large audience and achieve maximum efficiency of their work. The article discusses the experience of the national media of the Republic of Tatarstan in the development of new formats and platforms.

Keywords media, website, information space, content.

В социальных сетях мы создаем личные аккаунты, общаемся, объединяемся в группы по интересам, участвуем в большой коммуникационной системе, следовательно, социальные сети — неотъемлемый атрибут человеческих отношений.

Однако, на сегодняшний день социальные сети в интернете нельзя ограничивать исключительно коммуникативной функцией. В настоящее время они выполняют функции самопрезентации, взаимодействия с пользователями платформы, социализации, обмена ресурсами, усвоения информации, кооперации, возможности духовного и физического развития самого себя, развлечения.

Интернет фокусируется на многообразии функций социальных сетей и их совместимости на одной платформе: социальные сети, работающие в любом онлайн-формате, являются, в первую очередь, технической платформой. В соответствии с ним может быть размещен любой контент (кроме контента, запрещенного сетью) и его возможности могут быть использованы для различных целей в зависимости от воли действующего субъекта.

Как отмечают многие исследователи, в последнее время наблюдается возрастание роли социальных сетей в оценке релевантности новостей с помощью прямых комментариев активных членов сообществ [1, с. 320]. Таким образом, на фоне стремительного развития социальных сетей меняется и новостная картина.

Вызывает интерес взгляд пользователей интернета относительно влияния социальных сетей на качество журналистики и на ее имидж. Поскольку средства производства контента становятся все доступнее, считается, что достаточно купить смартфон, и ты можешь опубликовать текст с фото и даже видео в любой соцсети. При этом стоимость распространения такого контента приближается к нулю. Вместе с тем и само профессиональное сообщество журналистов также активно пользуется преимуществами работы в соцсетях.

Изменилось и взаимодействие традиционных СМИ с аудиторией из-за увеличения интерактивности. Аудитория СМИ воспринимается сейчас не как безликая масса, а как конгломерат индивидов. Поэтому журналисты выстраивают иной подход для привлечения внимания определенного сегмента аудитории. Информационный продукт размещается теперь одновременно и в локальном и глобальном информационном пространстве. Также сильно возросла скорость изложения информации, что повлияло на алгоритмы работы журналиста. Перед ним стоит требование моментально реагировать на события в информационном поле. В связи с увеличением скорости работы у журналиста, как правило, нет достаточно времени, чтобы детально проработать тему информационного повода, поэтому он обращается к пресс-релизам, либо к социальным сетям. В поисках информационного повода, который заинтересует аудиторию, журналисту приходится вести активный мониторинг блогосферы и социальных сетей. Актуальной задачей в развитии современных СМИ является их продвижение в сетях посредством мультимедизации и конвертации контента для разных видов носителей.

Таким образом, полностью меняются парадигмы деятельности традиционной журналистики как в технологическом, так и в организационно-творческом аспекте

Если перейти к преимуществам социальных сетей перед традиционными СМИ, в первую очередь отметим неограниченность аудитории. Другое важное преимущество работы журналиста в социальных сетях — более широкие возможности для проявления плюрализма мнений, распространения информации в более свободной форме [2].

В числе особенностей работы Интернет-изданий в сети можно назвать и дополнительные сервисы, которые не могут предоставить аудитории представители традиционных СМИ. Это — подписка на новости через электронную почту, RSS, рассылка в социальных сетях, доступный архив записей и быстрый поиск. Помимо этого Интернет-СМИ на ранних этапах развития предоставляли пользователям интерактивность в виде форумов. В дальнейшем на их место пришли комментарии. У аудитории появилась возможность высказать мнение о новости или о качестве материала напрямую, и даже получить на него ответ. Прогресс информационных технологий позволил максимально развить взаимодействие контакта журналиста и читателя вплоть до того, что диалог между ними может проходить в режиме, приближенном к реальному времени [3, с. 80].

В Республике Татарстан создание базы СМИ в социальных сетях началось и велось медленными темпами, с осторожностью, и в настоящее время они подготовили себе стабильную площадку, набрали верную аудиторию. Особенно интересно наблюдать тенденцию диджитализации традиционных СМИ в национальном медиапространстве. К сожалению, не всем из них удаётся создать со-

временное мультимедийное издание, которое соответствовало бы современным требованиям. Об этом свидетельствует статистика посетителей сайтов и число подписчиков. В самом начале многие национальные СМИ формально отнеслись к этой возможности, просто дублировали в социальные сети те материалы, которые размещались на их сайтах. На первом этапе формирования представленности татарских СМИ в социальных сетях размещение материалов в социальной сети осуществлялось с большим опозданием по сравнению с публикацией на сайте редакции. Но теперь все активнее и активнее происходит завоевание национальными СМИ на татарском языке поля социальных сетей, что не могло быть иначе: ведь большая часть аудитории находится в Интернете. Поэтому обычно сейчас все происходит с точностью до наоборот: для оперативности главная новость или часть аналитического материала размещается, в первую очередь, в социальных сетях, лишь потом публикуется на сайте СМИ. Зачастую создается отдельный, отличающийся, оригинальный контент для социальной сети.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее часто используемые татарскими СМИ социальные сети для размещения контента на сегодняшний день — «ВКонтакте», TikTok, YouTube, «Одноклассники», также Telegram-каналы.

На сегодняшний день устойчивое ядро целевой аудитории в интернете и социальных сетях сформировано у всех татароязычных изданий, каждое из которых имеет своё «лицо» и отчётливо выраженную специфику. Ряд татароязычных СМИ создают весьма эффективный и уникальный контент для социальных сетей. Наиболее стремительные обороты в социальных сетях набирают детские издания на татарском языке.

В конце 2020 года АО «Татмедиа» запустило перспективный проект — «Татмедиа Junior». Он создается усилиями четырех редакций — журналов «Салават купере» («Радуга»), «Сабантуй», «Идел» («Волга») и «Ялкын». Всего разработано более 50 видеопроект, которые доступны пользователям различных каналов. Везде присутствует большое количество комментариев. Более того, здесь на вопросы подписчиков отвечает не только SMM-менеджер, в дискуссиях активно принимают участие и сотрудники издания. Это позволяет более оперативно получать необходимую информацию, а также эффективно общаться со своей аудиторией.

В татароязычном медиапространстве функционируют сегодня и новые медиа, которые успешно конкурируют с традиционными СМИ. Пример нового татароязычного медиа — это ресурс «Интертат» на татарском языке с контентом помимо сайта на семи платформах социальных сетей, а также ресурсы информационных агентств «Татар-информ» и «Интертат». Они учитывают специфику изменения медиапотребления, которая заключается в том, что аудитория из года в год все больше потребляет медиапродукты за счет их быстрой усвояемости, вследствие чего издания ориентируются на выпуск материалов, которые удобно читать в любое время. На примере деятельности данных ресурсов можно предположить, что мы стоим на пороге массового распространения новых конвергентных редакций в системе национальных СМИ с видоизмененными подходами к организации работы, реализации контента и даже языкового оформления материалов.

Свой опыт в этом направлении активно набирают и татароязычные радиостанции. Ярким примером эффективного освоения интернет-пространства является «Татарское радио». Оно отно-

сится к СМИ эфирного формата, к числу специализированных радио, так как здесь звучат песни, относящиеся к жанру поп-музыки татарской эстрады, доносятся новости об артистах, осуществляются развлекательные передачи. Здесь же озвучиваются самые актуальные новости, происходящие в обществе. Данное радио выполняет развлекательную, информационную и коммуникативную функции журналистики.

Более детально рассмотрим некоторые особенности ведения социальных сетей «Татарского радио», выделим аспекты разнообразия и представления журналистского контента и остановимся на особенностях поддержания коммуникации СМИ с аудиторией посредством социальных сетей.

Контент, который представлен на странице в социальной сети «ВКонтакте», относится к радиостанции в целом или к продукту, производимому его официальным владельцем — компанией «Барс Медиа». Это означает, что активность группы, поддержание связей с аудиторией и продвижение бренда в СМИ в целом зависят от его собственного продукта, не создается в сотрудничестве с другими СМИ. Выбранная форма контента — развлекательная и информационная. Во-первых, это новости татарской эстрады, видео-новости, связанные с исполнителями, артистами, а также анонсы проектов на радио, новости, связанные с компанией или радио. Активно используются опросы аудитории. На странице активно размещаются фоторепортажи с музыкальных событий, фото обложек музыкальных альбомов, видеоматериалы, а также аудиофайлы с песнями.

Новости, связанные с татарской эстрадой, хорошо воспринимаются аудиторией. Они собирают около десятка тысяч просмотров и лайков. Здесь также представлены материалы в различных

жанрах новостной журналистики. Они могут быть как в форме простой заметки-новости, так и интервью или видеорепортажа. В большинстве случаев оставлена ссылка на официальный сайт «Татарского радио», с помощью которой подписчик группы может прочитать новость в полном формате, тем самым увеличить количество просмотров официального сайта. На официальном сайте он может еще и послушать новые песни, и присоединиться к прямому эфиру радио, также ознакомиться с подробностями деятельности радио.

Популярность опросов и хорошее качество охвата опрошенных подтолкнули организаторов к созданию пиар-компании в виде конкурсов в социальных сетях. Такой конкурс состоялся в 2021 году в рамках подготовки к концерту «Татарскому радио — 20 лет». В рамках проекта с июля по август проводился конкурс «Самые популярные песни 20-летия», и каждый день песни, понравившиеся аудитории за 20 лет функционирования радио, сравнивались друг с другом в количественном отношении. Опрос продолжался до достижения абсолютного победителя. За это время аудитория продемонстрировала большую активность. Страница в «ВКонтакте», судя по статистике, в эти месяцы хорошо росла, набирала охват и сохраняла активность.

Telegram-канал «Татарского радио» создан сравнительно недавно, лишь в марте 2022 года. Риск был в том, что из-за незнания сравнительно новой для общественности платформы аудитория могла не захотеть заходить на этот канал и не поймет особенности серфинга. Ведь реальной аудиторией радио являются люди среднего и старшего возраста. Но так как конкуренты радио быстро смогли сориентироваться на этой платформе, было принято

решение завести официальную страницу «Татарского радио». Сегодня в нем все еще не так много читателей, но, благодаря тому, что контент канала отличается от контента в других социальных сетях, существует большая вероятность того, что он также станет популярным. Авторы представляют для канала эксклюзивные видео— и фотоматериалы, личные фото из архива, отрывки из сборников песен, опросы, игры, а также новости татарской эстрады. Здесь созданы специальные страницы с участием диджеев «Татарского радио». Кроме того, диджеи перед выходом в эфир передачи «Хатлайн» («Письма-лайн») записывают видео и размещают его в Telegram-канале, обозначая в нем тему для общения. Личные аккаунты в социальных сетях ведущих и диджеев «Татарского радио» также вносят весомый вклад в развитие радио. В большинстве случаев к ним обращаются, когда хотят донести до аудитории информацию о различных музыкальных проектах. Преданный слушатель радио следит за страницами в социальных сетях и любит радио не только из-за музыкальной продукции, но и за его интересных, позитивных ведущих. Таким образом, растет интерес к данному радио у аудитории личной страницы ведущего и появляется вероятность прихода новых подписчиков. Такая деятельность не только повышает активность и привлекательность для аудитории, но и продвигает диджеев как брендов, популяризует их.

У «Татарского радио» также есть своя страница в YouTube, где размещаются различные игры с ведущими, диджеями, интервью с исполнителями, репортажи из специальных эфиров или внеэфирных проектов, песни. Как видно из контента, специалисты «Татарского радио» пока специально не изучали развитие YouTube-кана-

ла, не разобралась в тонкостях его ведения, не знают перспективы развития, так как всё внимание сосредоточено на ведение страниц в социальных сетях. Перед специалистами «Татарского радио», безусловно, стоит задача дальнейшего освоения YouTube.

Большое место в позиционировании себя в социальных сетях как СМИ, защите своего бренда, его представлении новой аудитории занимают элементы брендинга. С помощью элементов брендинга потенциальный подписчик социальной сети выявляет нужные СМИ, идентифицирует их. В результате лояльность аудитории к СМИ только растет.

В социальных сетях используются все элементы брендинга «Татарского радио» — в первую очередь, это размещение логотипа, подбор контента под цвет радио (цвет — ярко-розовый).

Страницы в социальных сетях и каналах «Татарского радио» схожи по сути, но при этом отличаются друг от друга благодаря отдельным рубрикам. Создается собственный контент с учетом правил каждой социальной сети. Страницы не отступают от основной тематики, сферы интересов, звучащих на радио. Аудитории радиостанции «Татарского радио» и его страниц и каналов в социальных сетях идентичны.

Специалисты канала использует ньюсджекинг, а именно создают интересный и актуальный контент в социальных сетях, адаптируя текущие новости в тематике своих СМИ. Влияние ньюсджекинга на аудиторию выражается в том, что возрастает активность в группе, привлекается новая аудитория, которую раньше не интересовал контент канала. Канал получает преимущество перед конкурентами среди СМИ, которые не успели или не захотели использовать данную возможность. Ньюсджекинг

позволяет войти в новостной фонд без вложений извне, увеличивает трафик; если публикация успешна, обеспечивается быстрый поиск новостных агрегаторов.

Работа с популярными блогерами, лидерами общественного мнения также может быть эффективной. Некоторые СМИ даже предоставляют лидерам право публиковать уникальный контент. Естественно со ссылкой на источник. Есть и другой способ привлечения лидеров мнений — если известный человек является героем публикации, то стоит упомянуть его аккаунт в социальных сетях или пометить в посте. Знаменитости стремятся привлечь аудиторию к себе, вызвать интерес. Увидев «упоминание» в своем аккаунте, такой человек сделает репост, тем самым увеличит аудиторию СМИ за счет своих читателей.

Таким образом, естественным инструментом продвижения СМИ в социальных сетях является создание аккаунтов или тематических групп. СМИ обычно ставят две взаимосвязанные задачи работы аккаунтов в социальных сетях: увеличение количества переходов на сайт издания, канал или эфир передачи со страницы в социальной сети и продвижение бренда средств массовой информации среди потребителей. Работоспособность страниц СМИ в социальной сети определяется такими показателями, как статистика посещаемости, количество подписчиков и объем и качество общения (комментариев).

Страницы «Татарского радио» в социальных сетях предоставляют огромные возможности для анонсирования самых рейтинговых материалов, размещения фото-, аудио- и видеоматериалов, проведения конкурсов, опросов, организации обсуждений новостей, создания спецпроектов.

Главное — сделать качественный и интересный контент, эксклюзивные материалы, привлекательные фотографии и видеоролики для целевой аудитории. Гарантированный способ увеличить количество объявлений или перепостов — первым опубликовать новость или найти сенсацию.

Визуальный контент, созданный в проекте, в целом создает большую активность в социальных сетях радио, значительно увеличивает посещаемость сайта, материала.

Еще одним ярким представителем традиционных Интернет-СМИ, активно использующих возможности сети, можно привести сайт ГТРК «Татарстан», который является, как отражением телевизионного эфира, так и самостоятельным Интернет-СМИ. Сайт государственной телерадиокомпании работает с 2007 года. До 2019 года на портале размещался лишь контент с телевизионного эфира, со второй половины 2019 года у сайта появилась собственная лента новостей, которая обновляется каждые полчаса.

Несмотря на то, что это по большей части сайт традиционного СМИ и основной приоритет редакции заключается в подаче материалов в теле и радиозфире, ГТРК «Татарстан» регулярно попадает в списки лидеров по посещаемости среди татарстанских Интернет-СМИ.

В связи с многолетней историей сайт ГТРК «Татарстан» имеет большую структуру, в которой фактически размещены три СМИ — телевидение, радио и сетевая редакция. Огромный архивный массив старых телепрограмм, репортажей и фильмов распределен по нескольким разделам: «Россия-1», «Россия-24», «Национальное вещание» и «Проекты». В каждом из этих разделов имеются соответствующие подразделы по рубрикам. Радио ранее

имело отдельный сайт, однако с недавнего времени перешло на основной портал компании в виде отдельной страницы, на которой расположен архив, онлайн-радиовещание и список радиопрограмм, доступных к прослушиванию.

Новостную структуру на сайте ГТРК «Татарстан» можно разделить на два вида — оригинальную и традиционную. Под оригинальной мы понимаем материалы, созданные и размещенные специально для Интернет-СМИ, а традиционные — это дублирование телевизионного контента. В рамках новостной повестки они дополняют друг друга и часто можно увидеть следующую схему работы: утром происходит событие, на сайте в ближайшее время появляется материал на эту тему, с появлением подробностей появляются все новые материалы, а к вечеру выкладывается полноценный телевизионный сюжет с места события, где указаны подробности, о которых не мог написать в силу определенных обстоятельств онлайн-журналист. В итоге получается, что информационный повод отрабатывался в течение дня со всех сторон и в полном объеме.

На сайте новости структурированы по следующим разделам: «Картина дня», «Картина недели», «Лента новостей» и «Популярное». В «Ленте новостей» публикуются все последние информационные материалы без учета степени важности, поэтому она обновляется каждые полчаса. В «Картине дня» публикуются актуальные новостные материалы текущего дня, которые онлайн-редакция посчитала наиболее важной для пользователя. В «Картине недели» соответственно опубликованы аналитические или расширенные репортажи из итоговой программы «Воскресенье. Местное время». В разделе «Популярное» размещены пять самых читаемых материала за последние 7 дней.

Отдельно стоит отметить, что ГТРК «Татарстан», как традиционное Интернет-СМИ, делает упор на основной продукции — телевизионном эфире. Поэтому многие разделы сайта связаны с традиционными средствами передачи информации, а отдельной части, где публикуется сугубо сетевой контент на портале не замечено.

Также примечательно, что ГТРК «Татарстан» является двуязычным СМИ, вещает на русском и татарском языках. Та же самая ситуация складывается у компании и в сетевой среде: она имеет сайт-дубликат на татарском языке, на котором публикуется контент с татароязычных передач и публикуются новости. Это единственное отличие русскоязычной версии от татарской версии сайта, в остальном они практически полностью идентичны.

Похожая система дополнения оригинального и традиционного новостного контента является отличительной чертой всех традиционных Интернет-СМИ. Она проглядывается на сайтах не только других телекомпаний — «Татарстан-24», «НТР-24», «ТНВ», но и представителей печатных изданий: «Казанские ведомости», «Республика Татарстан» и другие. В частности, во всех перечисленных традиционных Интернет-СМИ при рассмотрении информационной сетки стало понятно, что у всех присутствует «Лента новостей», не связанная с первоисточником, тем самым дополняя сайт. Однако обнаруживается и такой недостаток, когда они отстают от оригинальных Интернет-СМИ из-за отсутствия объемного оригинального контента, не связанного с печатным или телевизионным первоисточником. Как мы указали ранее, специфика текста в традиционных СМИ сильно отличается от гипертекста, который принято использовать при публикации в Интернете.

Большое количество традиционных и новых Интернет-СМИ в Республике Татарстан, где каждое уважающее средство издание имеет свою «ленту новостей», создает «кризис вторичности». Данное явление коснулось большинства проектов, созданных в период инвестиционного бума в Интернет-СМИ, вне зависимости от построения структуры работы онлайн-редакции [4]. Главная проблема, как указывают эксперты, заключается в отсутствии эксклюзивного контента. Сетевые издания чаще всего лишены эксклюзивных источников информации в отличие от традиционных. В качестве таковых они использовали информационные агентства и другие Интернет-СМИ. Использование одних и тех же источников привело к нивелировке новостных лент сетевых изданий. Пользователь оказывался в ситуации, когда источник получения новостей не играет значения, так как их содержание мало чем отличается. Он связан по большей части с тем, что у татарстанских Интернет-СМИ схожие информационные поводы и источники информации. Преимущество имеют лишь те сетевые издания, которые занимаются созданием авторского оригинального контента. Этим можно объяснить, что в лидерах по популярности среди сетевых изданий только оригинальные Интернет-СМИ.

Многие Интернет-СМИ увидели в развлекательно-информационных платформах (Яндекс.Дзен, Google.Discovery и др.) новый источник трафика, поэтому внедрили их в свою работу. Самым популярным среди них стал Яндекс.Дзен, который имеет большую базу пользователей в российском сегменте Интернета. Он позволяет СМИ напрямую транслировать новости из сайта на площадку без необходимости модерации, а значит без лишних усилий. Однако для этого средствам массовой информации

требуется доказать сервису, что их контент интересен пользователям. Необходимо вручную публиковать новости в Яндекс.Дзен до определенного порога популярности, раньше это было 7 тысяч минут дочитываний материалов за неделю, сейчас — 10 тысяч минут. Чтобы достичь таких показателей, как правило, назначают отдельные сотрудники, занимающиеся публикацией статей, которые будут пользоваться популярностью у пользователей.

У ГТРК «Татарстан» есть свой канал в Яндекс.Дзен. На этой площадке новости подаются с зазывающими или «кликбейтными» заголовками, которые запрещены для Яндекс.Новости, но допустимы для Дзена. Подобные материалы помимо всего прочего привлекают новых пользователей, которые оставляют комментарии и увлекают в обсуждение других, тем самым значительно повышают поведенческий фактор. Основной контент ГТРК «Татарстан» на этой площадке — видеорепортажи и резонансные заметки, которые дублируют материалы с сайта. Однако при открытии записи пользователь не переходит на портал телерадиокomпании, а остается в сервисе, что говорит о том, что ГТРК «Татарстан» не сумел пока набрать необходимый минимум за просмотром материалов. Подобную схему работы можно заметить и у других представителей традиционных Интернет-СМИ. Это вновь подтверждает тезис о том, что у подобных компаний сетевое направление не является ключевым и поэтому на его развитие тратится значительно меньше ресурсов.

В Google.Discovery нельзя публиковать материалы и посты как в Яндекс.Дзен. Сервис подбирает самостоятельно выборку публикаций, которые будут интересны пользователю, на основе зарегистрированных Интернет-ресурсов в Google.News. Одна-

ко СМИ имеют возможность повлиять, улучшив ранжирование в новостном агрегаторе от Google.

Социальные сети имели большое значение в привлечении трафика для Интернет-СМИ, но после изменения алгоритмов работы они уже не являются столь эффективным инструментом. Тем не менее социальные сети остаются важной площадкой для развития сетевых изданий и в связи с изменением работы алгоритмов во многих редакциях появились SMM-специалисты, которые занимаются развитием групп и переводом аудитории из социальных сетей на сайт. Все социальные сети ГТРК «Татарстан» ведет регулярно, однако не так эффективно, как, например, издание «Бизнес Online», которое учитывает специфику алгоритмов Интернет-площадок.

Таким образом, можно утверждать, ГТРК «Татарстан» является примером успешного сочетания возможностей традиционных СМИ и новых медиа.

Таким образом, татарстанские СМИ сегодня продолжают создавать прочную основу для социальных сетей и пытаются использовать новые подходы. Это выражается, прежде всего, в разносторонности их контента. В то же время возникла потребность в обновлении у специалистов SMM-знаний, так как секреты ведения социальных сетей обновляются день ото дня. СМИ же советуют идти в ногу с этими изменениями

Традиционные издания на татарском языке не в полной мере пользуются преимуществами социальных сетей и достаточно слабо работают над привлечением читателей в онлайн версии материалов. Большинство из них пока только начинает осваивать диджитал среду и не проявляет находчивости при распространении контента в социальных сетях. Однако жизнь диктует, чтобы

они взяли в дальнейшем курс на конвертацию материалов в разных форматах в зависимости от платформы, а не только распространение публикаций в сети методом «копи-паста».

Не всем редакциям удаётся создать современное мультимедийное издание, которое соответствовало бы современным требованиям (интерактивность, гипертекстуальность, разнообразный тематический контент) и полностью удовлетворяло бы запросам пользователей. Об этом свидетельствует статистика посетителей сайтов и число подписчиков.

Возможности закрытых систем (как Telegram-канал без обратной связи, но с доступом только для определенного круга лиц) пока используется весьма слабо. Читателей, даже если издание транслирует контент на этой платформе, — довольно мало. Среди татароязычного сегмента можно отметить положительный опыт Татар-информ. Однако в целом, мы видим, что есть тенденция к развитию и аудитория изданий преумножается пусть и разными темпами, но стабильно — из года в год.

Для привлечения внимания необходимо применять различные меры стимулирования аудитории. Одним из подобных удачных примеров можно назвать проведение опросов на самые злободневные темы и актуальные вопросы, волнующие население. Однако проведением опроса не стоит ограничиваться, нужно, чтобы голос пользователей был услышан, тем самым, они почувствуют свою причастность в рассмотрении, а может и в решении того или иного вопроса. Это явление можно отнести к активному использованию принципа «гражданской журналистики», когда читатель выступает в роли соавтора журналиста.

Наш анализ показал очевидные недоработки некоторых изданий, прежде всего, по дизайну сайтов и профилей в социальных сетях, уникальности контента, а также выявил проблемы работы татароязычных СМИ на некоторых площадках, где работа ведется «ради галочки» и не используются возможности данных платформ в полном объеме.

Список литературы

1. Соколов Г.А., Мансурова В.Д. Традиционные СМИ: экспансия в социальные сети // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2013. №10. С. 320-322.

2. Социальные сети в работе СМИ. URL: <http://diplomba.ru/work/80399> (дата обращения 14.06.2022).

3. Горохов В.М. и Гринберг Т.Э. Интерактивная журналистика: путь в будущее // От книги до интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. М., 2000. 256 с.

4. Литвинович М. Кризис вторичности — URL: https://studref.com/686640/zhurnalistika/krizis_vtorichnosti_internet (дата обращения: 15.06.2022).

Рекомендации

К сожалению, традиционные издания на татарском языке не в полной мере пользуются преимуществами социальных сетей и достаточно слабо работают над привлечением читателей в онлайн версии материалов. Большинство из них пока только начинает осваивать диджитал среду и не проявляет находчивости при

распространении контента в социальных сетях. Однако жизнь диктует, чтобы они взяли в дальнейшем курс на конвертацию материалов в разных форматах в зависимости от платформы, а не только распространение публикаций в сети методом «копи-паста».

Не всем редакциям удаётся создать современное мультимедийное издание, которое соответствовало бы современным требованиям (интерактивность, гипертекстуальность, разнообразный тематический контент) и полностью удовлетворяло бы запросам пользователей. Об этом свидетельствует статистика посетителей сайтов и число подписчиков.

Закрытые системы, как Телеграм — без обратной связи, но с доступом только для определенного круга лиц, — эта возможность пока используется слабо. Читателей, даже если издание транслирует контент на этой платформе, — довольно мало. Среди татароязычного сегмента можно отметить положительный опыт Татар-информ. Однако в целом, мы видим, что есть тенденция к развитию и аудитория изданий преумножается пусть и разными темпами, но стабильно — из года в год.

Для привлечения внимания необходимо применять различные меры стимулирования аудитории. Одним из подобных удачных примеров можно назвать проведение опросов на самые злободневные темы и актуальные вопросы, волнующие население. Однако проведением опроса не стоит ограничиваться, нужно, чтобы голос пользователей был услышан, тем самым, они почувствуют свою сопричастность в рассмотрении, а может и в решении того или иного вопроса. Это явление можно отнести к активному использованию принципа «гражданской журналистики», когда читатель выступает в роли соавтора журналиста.

Ядреев И.В.

ФГКОУВО

«Университет прокуратуры Российской Федерации»,

Москва

Yadreev I.V.

«University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»

Moscow

E-mail: kutlug@mail.ru

Муниципальное образование как правовое пространство официального использования языков Российской Федерации

Municipality as a legal space for the official use of the languages of Russian Federation

Аннотация: В статье анализируется современное правовое регулирование использования языков России в официальных сферах и территориальной организации местного самоуправления. Отмечается, то в некоторых субъектах Федерации такие муниципальные образования уже существуют. Делается вывод, что национальные муниципальные образования как основа для создания языковых зон могут сыграть существенную роль в защите языковой самобытности.

Ключевые слова: территориальная организация местного самоуправления, федерализм, национальные отношения, защита прав коренных народов, национальный район, государственный язык, использование языка, языковая политика, языковое строительство

Abstract: The article analyzes the modern legal regulation of the use of languages of Russia in public areas and the territorial organization of local government. It is noted that in some subjects of the Federation such municipalities are already exist. It is concluded that ethnic municipalities as a basis for the creation of language zones can play a significant role in the protection of linguistic identity.

Keywords: territorial organization of local government, federalism, national relations, protection of the rights of indigenous peoples, national district, state language, language use, language policy, language construction

Возможность использования языков Российской Федерации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления является одной из существенных показателей их витальности.

По данным ЮНЕСКО (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization), изложенным в «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения», благополучными в России являются только 2 языка: русский и татарский. Все остальные языки признаны уязвимыми, находящимися под угрозой исчезновения, на грани вымирания и вымершими, в том числе все (кроме татарского) государственные языки субъектов [15].

Всего ЮНЕСКО оценивает степень сохранности языков по 9 основным параметрами в том числе по использованию их в максимальном количестве сфер общения, в том числе в официальных сферах.

При этом, официальное использование языков России, кроме русского, носит ограниченный характер во всех субъектах Федерации, в том числе и в Республиках в составе России. Такая

ситуация ставит все языки страны, кроме русского, в уязвимое положение.

Согласно части 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации государственным языком страны на всей ее территории является русский язык, как язык государствообразующего народа. Часть вторая этой статьи указывает, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах местного самоуправления республик они употребляются наряду с государственным языком России. Частью 3 этой статьи закреплено, что Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [1].

Федеральное правовое регулирование в сфере использования языков основывается, помимо указанного Закона Российской Федерации от 25.10.1991 №1807-1 [2], на Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [5], иных федеральных законах, подзаконных актах и законодательстве субъектов Федерации. Вопросы функционирования языков находятся в совместном ведении Федерации и ее субъектов.

К примеру, положения части 1 статьи 11 «О языках народов Российской Федерации» закрепляют, что работа органов власти, в том числе и органов местного самоуправления осуществляется на государственном языке России. В органах местного самоуправления, наряду с государственным языком России могут употребляться государственные языки республик.

Также, часть 2 статьи 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»

указывает, что статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных законом. Часть 7 данной статьи указывает, что обязательность использования государственного языка страны не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик в составе России, и иными языками.

Объем статьи не позволяет привести весь анализ федерального и регионального языкового законодательства.

Необходимо отметить, что субъекты Федерации в своем законодательстве часто самостоятельно сужают сферы использования государственных языков республик и иных языков по сравнению с возможностями, предоставленными Федеральным законодательством.

Вместе с тем закрепление в законодательстве 19 субъектов Федерации возможности использования государственных языков субъектов и иных местных языков в работе органов местного самоуправления и в делопроизводстве (в ряде случаев факультативно) подчеркивает важность использования языков именно в этих сферах.

При этом в ряде субъектов Федерации решение вопросов об использовании языков передано на муниципальный уровень (Карелия [6], Ненецкий автономный округ [7] и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра [8]). Такая практика тоже заслуживает внимания и должна быть оценена положительно. Вместе с тем, вопрос использования языков, в таком случае, будет находиться в постоянной зависимости от решений органов власти конкретных муниципальных образований в конкретный период времени.

Анализ федерального и регионального законодательства об использовании языков в официальных сферах на уровне местного самоуправления позволяет выделить принципы его построения:

1) русский язык подлежит обязательному использованию во всех официальных сферах работы органов местного самоуправления;

2) государственные языки субъектов России и иные языки в местах компактного проживания его носителей могут использоваться в официальных сферах только наряду с русским языком;

3) гражданам, не владеющим языком работы органов местного самоуправления, предоставляется право использовать свой родной язык при обращении в эти органы;

4) в основу использования языков народов России положен критерий наличия необходимости его использования;

5) выбор языка, применяемого в официальных сферах общения, зачастую возложен на самого правоприменителя.

Языковая ситуация во всех регионах России по сравнению с ситуацией, характерной для СССР, определяется широким распространением русского языка, когда лиц, не владеющих русским языком (за редким исключением) практически не имеется, что подтверждается данными переписи населения 2010 года [12]. В связи с этим, вопрос защиты прав граждан, не владеющих русским языком, с каждым годом утрачивает свою актуальность.

Таким образом, в современной ситуации наибольшую актуальность приобретает соблюдение права на использование языков народов России в официальных сферах, в условиях, когда население владеет русским языком, и необходимости перевода

информаций или актов на местный язык в связи с незнанием русского языка — отсутствует.

В связи с этим, модель постоянного приоритета русского языка в официальных сферах и использования иных языков только в качестве вторых необязательных языков наряду с русским языком не способствуют витальности языков России.

С учетом международного опыта, одним из возможных путей обеспечения использования языков народов России в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления является языковое зонирование — установление зон официального использования языков, в первую очередь в местах компактного проживания народов России.

В качестве таких языковых зон не могут выступать субъекты Федерации, так как практически все из них имеют смешанный состав населения и в органах государственной власти как федерального так и регионального уровня использование государственного русского языка является обязательным во всех официальных сферах.

Однако, уровень местного самоуправления может предоставить возможность использования местного языка в качестве официального в мононациональном обществе муниципального района или сельского поселения.

Нужно подчеркнуть, что использование национальных языков в качестве языка работы органов местного самоуправления никак не умаляет статус государственного языка Российской Федерации и статусы государственных языков субъектов Федерации, так как относится только к работе органов местной власти в рамках своих полномочий в пределах моноэтнической территории, то есть является местным рабочим языком.

В субъектах Федерации есть значительное количество муниципальных образований, имеющих мононациональный (в известных пределах) состав населения. Федеральное законодательство о территориальной организации местного самоуправления не рассматривает национальный состав населения как основание для наделения муниципальных образований особым статусом.

Также в настоящее время имеется 11 национальных муниципальных образований в статусе муниципального района из которых 4 в Республике Саха (Якутия), 3 в Республике Карелия, 2 в Красноярском крае, по 1 в Алтайском крае и Омской области. Также, имеется значительное количество национальных сельских поселений: 4 веппских сельских поселения (3 в Карелии и 1 в Вологодской области), 8 эвенкийских сельских поселения (Бурятия), 48 национальных наслегов созданных в интересах коренных малочисленных народов (Якутия).

Именно такие национальные муниципальные образования могут стать основой для создания языковых зон.

В рамках исследования проведено анкетирование глав и муниципальных служащих национальных муниципальных образований (национальных наслегов и районов) Республики Саха (Якутия), созданных в интересах долган, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров [в анкетировании участвовали представители 4 национальных муниципальных районов: Анабарского, Жиганского, Оленекского и Эвено-Бытантайского; 48 национальных наслегов в 19 муниципальных районах, а также 4 наслегов, не являющихся национальными, но входящими в национальные улусы (районы): Верхне-Бытантайского, Нижне-Бытантайского, Тугесирского наслегов Эвено-Бытантайского улуса и Бестяхского наслега Жиганского улуса].

Одной из целью анкетирования являлось установить: носители создание национальных муниципальных образований положительный характер для развития самобытности, культуры и языка народа, в интересах которого они созданы.

На вопросы анкеты ответили 156 глав и муниципальных служащих национальных муниципальных образований, 68 (43,6 %) из которых имели стаж работы 1-5 лет, 35 (22,6 %) — 5-10 лет и 53 (34,6 %) более 10 лет. 93,6 % (146) от числа опрошенных оценили факт создания (присвоения статуса) национальных муниципальных образований в Республике Саха (Якутия) положительно и 6,4 % нейтрально. Ни один респондент не оценил этот факт отрицательно. Необходимо подчеркнуть, что национальным статусом были наделены уже существующие муниципальные образования, в которых значительная часть муниципальных служащих работало и ранее.

При этом, по мнению респондентов, создание национальных муниципальных образований способствовало: 1) поднятию престижа коренных малочисленных народов Севера, что отметили 54,5 % (85) респондентов; 2) развитию культуры коренных малочисленных народов Севера, распространению традиционных обрядов и обычаев, национальных праздников и иных форм культуры — так ответили 101 (64,7 %) респондентов; 3) возрождению, изучению и распространению языка долган, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров — 58 (37,2 %) респондентов; 4) улучшению состояния традиционных способов хозяйствования (оленоводства, рыболовства и иных) — 83 (53,2 %) респондентов. Только 10 участников анкетирования (6,4 %) указали на отсутствие положительных результатов в указанных сферах.

Ряд вопросов касался использования языков. Так, об использовании в работе органов местного самоуправления при проведении совещаний и общении работников органов местного самоуправления между собой и с представителями местных учреждений и организаций национального языка (долганского, чукотского, эвенкийского, эвенского или юкагирских) указали 14 (9,0 %) респондентов, и об использовании якутского языка 108 (69,2 %). 32 респондента (20,5 %) отметили использование национальных языков при взаимодействии органов местного самоуправления с гражданами (96 или 61,5% заявили об использовании в этой сфере якутского языка). 4 респондента (2,6 %) указали об использовании национальных языков (21 или 13,5 % якутского языка) при составлении документов рабочего характера (протоколов совещаний, справок, донесений и иных); 5 респондентов (3,2 %) об использовании национальных языков (8 или 5,1 % в части якутского языка) при издании и опубликовании нормативных правовых актов муниципального образования; 51 респондент (32,7 %) об использовании национальных языков (55 или 35,3 % в части якутского языка) при оформлении визуальной информации: вывески, таблички, печати и штампы, дорожные указатели. Отсутствие практики использования в официальных сферах национальных языков отметили 83 (53,2 %), якутского языка 21 (13,5 %) респондентов.

С точки зрения формальной юридической науки вопросы территориальной организации местного самоуправления и защиты языковых прав народов России находятся в разных плоскостях правового регулирования.

Вместе с тем, в некоторых зарубежных странах, таких как Канада [10, 15], Финляндия [13], Швейцария [16], Испания [14]

и других, именно территориальная организация местного самоуправления играет существенную роль в сохранении языковой идентичности национальных меньшинств.

В Российской Федерации учет национально-языкового фактора при организации местного самоуправления в субъектах Федерации возможен и не выходит за пределы правовой модели местного самоуправления.

Местное самоуправление, в соответствии с новой редакцией статьи 69 Конституции Российской Федерации о защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей страны, гарантии сохранения этнокультурного и языкового многообразия, может путем особой своей территориальной организации создать фундамент для обеспечения сохранности языков народов России. Вариантом такой территориальной организации являются национальные муниципальные образования, созданные в местах компактного проживания народов России.

Однако, правовой статус таких образований или регулируется региональным законодательством или носит неопределенных характер.

Часть 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации в новой редакции от 14.03.2020 предусматривает, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций.

В юридической науке и законодательстве различных уровней не сложилось общепринятого формального осмысления и трактовки категории «исторические и иные местные тра-

диции» в сфере организации местного самоуправления [11, с. 139].

При этом, А.С. Милосердов отмечает, что местные традиции нередко имеют национальную окраску, что естественно, так как национальный состав населения территории определяет и особенности его менталитета, и напрямую оказывает влияние на формирование традиций [9, с. 14]. Т.З. Мисроков же прямо указывает, что влияние национального фактора и интересов этнических общностей на изменение территориальной организации местного самоуправления опосредованно осуществляется через категорию учета исторических традиций [10, с. 44].

Соглашаясь с мнениями этих авторов необходимо отметить, что исторические и местные традиции вполне могут быть национально-этническими, так как они являются историческими, то есть сформированными в течение продолжительного времени и местными, характерными для этой конкретной территории.

Правовое регулирование территориальной организации местного самоуправления в России представляет собой сложную конструкцию, включающую федеральный, региональный и местный уровни.

Действующее Федеральное законодательство, а именно глава 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [4] регулирует, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в семи видах муниципальных образований. В законе устанавливаются правила образования муниципальных образований и их иерархия. Также в законе закреплены особенности территориальной организации местного самоуправ-

ления на некоторых территориях, в том числе и в наукоградах [3]. Для создания наукограда законодателем устанавливаются требования, отражающие особенности проживающего населения (не менее 20 % среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих производство и реализацию товаров, выполнение работ, оказания услуг, должна принадлежать к организациям научно-производственного комплекса).

Прецедент учета особенностей состава проживающего населения при создании наукоградов может быть использован при создании национальных муниципальных образований.

Особенностями осуществления местного самоуправления в национальных муниципальных образованиях могут являться:

- 1) наличие дополнительных гарантий существования национальных муниципальных образований;
- 2) обязательное использование национальных форм наименования органов местной власти;
- 3) возможность создания этнических (национальных) органов власти в рамках действующего законодательства;
- 4) использование органами местного самоуправления национального языка в официальных сферах в зависимости от выбранной модели его использования и нахождения на территории республики в составе России или иного субъекта Федерации.

При этом, последняя особенность является наиболее значимой.

Таким образом, под национальным муниципальным образованием предлагается понимать муниципальное образование, имеющее свой бюджет, муниципальную собственность, выборные органы управления, созданное путем проведения местного

референдума или схода граждан, определенную законодательством часть населения которого, согласно сведениями Всероссийской переписи населения, составляют представители этноса, входящего в список, утвержденный Правительством Российской Федерации, и проживающего в этом муниципальном образовании компактно.

Для использования языка в официальных сферах необходимо владение им подавляющей частью населения муниципального образования. Обоснованным для использования в качестве основного языка нужно признать условие, когда доля представителей титульного этноса составляет более 90 % его населения. Использование более высокого процентного критерия приведет к тому, что таких муниципальных образований в России будет крайне мало. Кроме того, если основная титульная национальность имеет долю в населении более 90 %, то второй, третий и последующие национальности в населении муниципального образования будут иметь долю менее 10 %. Таким образом, высокий процент титульной национальности необходим не для языковой или национальной экспансии, а только для защиты языковых и национальных прав граждан подавляющего большинства населения муниципального образования.

Как и в иностранных государствах, официальные данные о национальном составе населения должны основываться на общегосударственных переписях населения, проводимых Росстатом. Проведение специальных переписей нецелесообразно, так как может спровоцировать попытки исказить реальную картину национального состава населения. Кроме того, пересмотр национального статуса муниципальных образований не должен произ-

водиться чаще одного раза в 10 лет, в которые проводятся переписи населения.

Можно предложить четыре языковых модели для национальных муниципальных образований:

А) язык национального муниципального образования в качестве основного языка муниципального образования, если доля национальности, в интересах которого муниципальное образование наделено статусом национального, составляет свыше 90 % населения, русский язык в качестве второго;

Б) русский язык в качестве основного языка муниципального образования, если доля национальности, в интересах которого муниципальное образование наделено статусом национального составляет менее 90 % населения, язык национального муниципального образования в качестве второго;

В) язык национального муниципального образования в качестве основного языка, если доля национальности, в интересах которого муниципальное образование наделено статусом национального составляет свыше 90 % населения, русский язык и государственный язык субъекта Федерации в качестве второго и третьего языков;

Г) русский язык или государственный язык субъекта Федерации в качестве основного языка муниципального образования, если доля национальности, в интересах которого муниципальное образование наделено статусом национального составляет менее 90 % населения. Язык национального муниципального образования в качестве второго языка, русский язык или государственный язык субъекта федерации в качестве третьего языка (в зависимости от выбора основного языка).

В каждой модели основной из указанных языков должен применяться в качестве основного языка работы органов местного самоуправления и делопроизводства, языка официального общения и взаимодействия с населением.

Второй и третий языки употребляются в данных национальных муниципальных образованиях в обязательных сферах их употребления, указанных в законе: на них в том числе составляются нормативные правовые акты, пишутся дорожные указатели, выдаются документы и используются в делопроизводстве при наличии необходимости (например, при наличии соответствующего ходатайства).

При этом смыслом признания национального языка вторым языком муниципального образования является обязанность органов местного самоуправления развивать его общественные функции языка.

Обязанность употребления данных национальных языков муниципальных образований органами государственной власти не предусматривается, но возможна, если данный язык является государственным в конкретной республике в составе России. Если национальный язык государственным в субъекте Федерации не является, а также в национальных муниципальных образованиях на территории краев, областей, автономной области и автономных округов, обязанность использования данного языка органами государственной власти не может быть установлена.

Таким образом, местное самоуправление в качестве низшего уровня публичной власти в России может путем своей территориальной организации создать в каждом регионе особые языковые зоны (в рамках национальных муниципальных образований,

их групп), в которых местные языки официально употребляются в качестве первых языков делопроизводства и официального общения. Создание таких языковых зон может способствовать поднятию престижа языков России и способствовать их сохранности.

В связи с этим предлагаются следующие законодательные инициативы:

1) В целях учета национальных и языковых особенностей населения субъектов Российской Федерации при территориальной организации местного самоуправления предлагается предусмотреть в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» норму об особенностях организации местного самоуправления в национальных муниципальных образованиях.

2) В целях защиты культурной самобытности народов и этнических общностей страны и гарантией сохранения этнокультурного и языкового многообразия представляется целесообразным принятие специального Федерального закона «О национальных муниципальных образованиях в Российской Федерации», предусматривающего особенности осуществления местного самоуправления в условиях его национально-территориальной организации.

В частности в данном Федеральном законе предполагается предусмотреть:

— использование национального языка в официальных сферах на местном уровне, в том числе в качестве основного языка местного управления и нормотворчества, введение требования к национальному составу населения для возможностей использования языков и выбора языковой модели;

— если языком национального муниципального образования выбран государственный язык республики в составе России, то взаимодействие органов государственной власти с органами местного самоуправления осуществляется на этом языке.

Список литературы

1) Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.

2) Закон Российской Федерации от 25.10.1991 N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 12.12.1991. — N 50. — Ст.1740.

3) Федеральный закон от 07.04.1999 N 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — N 15. — С. 1750.

4) Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — С.3822.

5) О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. — 2005. — N23. — С.2199.

6) Закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» (ред. от 07.06.2017) // СЗ РК. — 2004. — № 3.

7) Закон Ненецкого автономного округа от 18.03.2013 № 4-ОЗ «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного окру-

га» (в ред. от 13.03.2019) // Сборник НПА НАО. — 20.03.2013. — № 5 (часть 2).

8) Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04.12.2001 № 89-ОЗ «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» // СЗ ХМАО. — 17.12.2001. — № 11. — Ст. 1390.

9) Милосердов А.С. Учет исторических и иных местных традиций, как принцип в системе организации местного самоуправления : дис. ...канд. юрид. наук. — Москва, 2016.

10) Мисроков Т.З. Конституционно-правовые основы становления и развития местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: на примере Кабардино-Балкарской Республики: дис. ...канд. юрид. наук. — Москва, 2013.

11) Шафиров Г.Г. Территориальные основы местного самоуправления в РФ // Государственной и муниципальное управление. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. — 2004.

12) Языки России в порядке численности владеющих — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 28.09.2019). — Текст: электронный.

10) Charter of the French language by 26.08.1977 — URL: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/en/ShowDoc/cs/C-11> (дата обращения: 06.06.2021). — Текст: электронный.

13) Kielilaki 423/2003 — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2003/20030423?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=423%2F2003https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2015/20150410> (дата обращения — 26.02.2021). — Текст: электронный.

14) Ley Foral 18/1986, de 15 de diciembre, del Euskera — URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/na-118-1986.html (дата обращения 01.08.2021). — Текст: электронный.

15) Official Languages Act, Assented to June 7, 2002 — URL: <http://laws.gnb.ca/fr/ShowPdf/cs/O-0.5.pdf> (дата обращения: 06.06.2021). — Текст: электронный.

16) Sprachengesetz des Kantons Graubünden (SpG) vom 19. Oktober 2006 — URL: <https://www.lexfind.ch/tolv/51480/de> (дата обращения 25.07.2021). — Текст: электронный.

17) UNESCO Atlas of the world's languages in danger — URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения 28.10.2019). — Текст: электронный.

Рекомендации

1) В целях учета национальных и языковых особенностей населения субъектов Российской Федерации при территориальной организации местного самоуправления предлагается предусмотреть в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» норму об особенностях организации местного самоуправления в национальных муниципальных образованиях.

2) В целях защиты культурной самобытности народов и этнических общностей страны и гарантией сохранения этнокультурного и языкового многообразия представляется целесообразным принятие специального Федерального закона «О национальных муниципальных образованиях в Российской Федерации», предусматривающего особенности осуществления местного самоуп-

правления в условиях его национально-территориальной организации.

В частности в данном Федеральном законе предполагается предусмотреть:

— использование национального языка в официальных сферах на местном уровне, в том числе в качестве основного языка местного управления и нормотворчества, введение требования к национальному составу населения для возможностей использования языков и выбора языковой модели;

— если языком национального муниципального образования выбран государственный язык республики в составе России, то взаимодействие органов государственной власти с органами местного самоуправления осуществляется на этом языке.

A.B. Гусейнова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,

Абакан

A.V. Huseynova

Khakass State University named after N.F. Katanov,

Abakan

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Шорский и челканский языки в масс-медийном дискурсе

Shor and Chelkan languages in mass media discourse

Аннотация. В работе представлен анализ масс-медийного дискурса республик Хакасия и Алтай, посвящённого различным аспектам функционирования шорского и челканского языков. Установлено, что при минимальном уровне репрезентации языковых проблем коренных малочисленных народов Хакасии и Алтая в региональном медиадискурсе, особое внимание в нём уделяется роли языка в качестве маркера этнической самоидентификации и приверженности родному языку даже со стороны тех, кто не владеет им в полной мере.

Abstract. The paper presents an analysis of the mass media discourse of the Republics of Khakassia and Altai, devoted to various aspects of the functioning of the Shor and Chelkan languages. It is established that

with a minimal level of representation of the linguistic problems of the indigenous peoples of Khakassia and Altai in the regional media discourse, special attention is paid to the role of language as a marker of ethnic self-identification and commitment to the native language, even from those who do not fully speak it.

Keywords: *Shor language, Chelkan language, media discourse, Republic of Khakassia, Republic of Altai.*

Целью настоящей работы является сравнительный анализ масс-медийного дискурса республик Хакасия и Алтай, посвящённого различным аспектам функционирования языков шорцев и челканцев — коренных малочисленных народов, проживающих в этих республиках. Обращение к особенностям масс-медийной репрезентации шорского и челканского языков, находящихся под угрозой исчезновения, особенно актуально в связи с тем, что, по словам Г.К. Ихсангалиевой, «механизм функционирования средств массовой информации предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько её интерпретацию, комментарий, оценку, способствующие созданию определенного идеологического фона» [1, с. 135].

В медиапространстве Республики Хакасия проблемы, связанные шорским языком, поднимаются редко. Шорская тема зачастую подается в местных СМИ в негативном ключе. Так, наибольшее количество материалов, в которых упоминаются шорцы, опубликовано на сайте информационного агентства «Хакасия». Большая часть из них связана с темой природопользования: в них затрагиваются темы незаконной вырубki леса, добычи угля, золота и других полезных ископаемых, браконьерства в местах тради-

ционного проживания шорцев, что приводит к деградации окружающей среды, традиционных промыслов, условий проживания и здоровья населения. Вот некоторые примеры заголовков:

— Шорцы бьют тревогу. В Хакасии проверят факты нарушения прав коренного малочисленного народа

— Шорцы вне закона: как коренные народы оказались чужими на своей земле

— «Мы тихо вымираем». Как исчезает коренной народ Сибири

— Шорцы в Хакасии: большие трудности малого народа

— Марганцевый завод в Хакасии связали с этноцидом шорского народа.

Вместе с тем, с ними соседствуют новостные сообщения, в которых рассказывается о мерах, предпринимаемых для развития шорской культуры:

— В Хакасии проходит фестиваль шорской культуры «Большой мир малого народа»

— В Хакасии торжественно откроют этнический центр шорской культуры

— В Хакасии создали мультфильм о шорцах

— Таштып принял III республиканский смотр-конкурс шорцев

— В Хакасии есть с чем поздравить шорцев (имеется в виду празднование Международного дня коренных народов мира — А.Г.).

Вопросы, связанные с шорским языком, затрагиваются в нескольких статьях среди прочих трудностей шорского народа («Мы тихо вымираем», «Большие трудности малого народа»),

и в немногочисленных сообщениях с «хорошими новостями» (например, об издании первого в России учебника шорского языка, соответствующего Федеральному государственному образовательному стандарту, или краткого молитвослова на шорском языке). Вместе с тем, имеется и понимание того, что изданием учебника языковые проблемы не решаются: так, само название статьи «В Хакасии работают над мотивацией к изучению шорского языка» намекает на отсутствие (или слабость) такой мотивации, которую старается повысить республиканское министерство образования и науки, обращаясь «к руководителям шорских общин с предложением оказать содействие в организации целевого обучения выпускников школ из числа шорцев в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена и Кузбасском гуманитарно-педагогическом институте» [2].

В вышеуказанных «проблемных» публикациях затрагиваются и вопросы национального самоопределения, а также его соотношения с социальными благами, которые даёт принадлежность к числу коренных малочисленных народов: для получения законных льгот необходимо через суд доказать соответствующую национальную принадлежность. Автор статьи «Шорцы в Хакасии: большие трудности малого народа» задаётся вопросом: «Интересно, стоит ли этот список льгот денег, потраченных на адвоката? Наверняка, нет. Думается, желание доказать, что ты — шорец, скорее из области духовных потребностей. Поэтому так упорно и штурмуют бастиионы суда люди» [3]. Герои публикации соглашаются с журналистом: «Человек сам решает, кто он по крови. И по духу. Я поняла, что я — шорка»; «Национальность — это то, что душа выбирает. Вы можете считать

себя шоркой и быть ей по духу. Если поймете, что вот это и есть родина души, что ли» [3].

Впрочем, обсуждение проблемы национального самоопределения и роли, которую играют в нём различные бонусы для коренных малочисленных народов, более активно происходит в медиапространстве Республики Алтай. Челканский язык в нём появляется, как правило, в связи с обсуждением актуального для этого региона вопроса о месте челканцев (и других коренных малочисленных народов) на этнической карте республики. Как пишут И.В. Октябрьская и др., «после провозглашения в 1992 г. Республики Алтай (РА) и включения ряда сообществ (теленгитов, тубаларов, челканцев, кумандинцев, шорцов, телеутов) в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ в 2000 г. не утихала полемика по поводу единства алтайского народа... Конфликтный характер приобрела проблема противостояния стратегии субэтнической идентификации и идеологии единства алтайцев как условия сохранения РА» [4, с. 109]. Авторы подчёркивают, что консолидация алтайцев является предметом не только академического, но и общественно-политического дискурса. Согласно нашим наблюдениям, это находит отражение и на страницах республиканских СМИ. К примеру, в статье «Пора осознать, что мы единый алтайский народ» представлен доклад доктора филологических наук, профессора Н.М. Киндиковой, прозвучавший в рамках региональной научно-практической конференции «О функционировании государственного алтайского языка на территории Республики Алтай». Автор ставит ряд «нерешенных, наболевших до сих пор вопросов»: «Это в первую очередь касается «ошибочного разделе-

ния» единой народности на самостоятельные народы. Точнее, с переписи 2002 года по ошибочной версии московских этнографов северные и южные алтайцы — тубалары, кумандинцы, челканцы стали коренными малочисленными народами. Даже теленгиты Улаганского и Кош-Агачского районов стали самостоятельным этносом! Сегодня из-за каких-то льгот многие алтайцы примкнули к малочисленным субэтносам» [5]. Особое внимание Н.М. Киндикова уделяет языковому вопросу: «У нас раньше был единый литературный язык, различающийся северным и южным диалектами, как в русском языке существуют окающие и акающие диалекты... В XXI веке диалекты алтайского языка у нас почему-то считаются самостоятельными языками». Одни читатели сайта «Новости Горного Алтая», на котором опубликована эта статья, в комментариях поддерживают позицию профессора Н.М. Киндиковой, другие же выражают несогласие с её утверждениями. Представители титульного народа (алтайцы) обвиняют коренные малочисленные народы в искусственном отделении от алтайского народа ради льгот и тем самым отказывают последним в собственной национальной и языковой идентичности. При этом в медиапространстве Республики Алтай можно обнаружить несколько статей о челканцах, где они сами объясняют национальное самоопределение отнюдь не только (и не в первую очередь) льготами. Так, героиня статьи «Как тюркоязычные челканцы на Алтае отстаивают право быть собой» следующим образом отвечает на вопрос о том, зачем ей понадобилось через суд доказывать принадлежность к челканскому народу: «Зачем мне это нужно? Во-первых, мне приятно что я документально теперь стала челканкой, я себя с рождения

осознаю челканкой, а не алтайкой... У меня в городе даже были стычки с другими студентами по поводу челканского языка. Все говорили, что это всего лишь диалект. Я доказывала, что он сам по себе. А, во-вторых, думаешь о будущем, что возможно будут какие-то льготы, пенсия будет раньше» [6].

Фрагменты языковых биографий челканцев, представленные в упомянутой статье, свидетельствуют об их приверженности родному языку, являющемуся важной частью этнической самоидентификации, а также о востребованности челканского языка в повседневной коммуникации его носителей. Однако по результатам переписи населения 2010 г., из 1113 челканцев, проживающих в РА, заявили о владении челканским языком 277 человек (24,9%) [7, с. 151]. В этом же источнике указано, что алтайский язык назвали родным 62 челканца (5,3%), а владеют им 200 челканцев (16,9%). В 2010 году 40% челканцев (472 чел.) назвали родным русский язык, а язык своего народа — 54,6% (645 чел.) Авторы делают вывод о том, что «несмотря на сокращение количества автохтонов, владеющих языком своего народа, по инерции сохраняется приверженность языку предков даже у тех, кто на нем не говорит» [7, с. 152].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что проведённый анализ позволил установить минимальный уровень репрезентации проблем шорского и челканского языков в медиадискурсе республик Хакасия и Алтай. Однако в немногочисленных публикациях, посвящённых языковым вопросам, особо подчёркивается роль языка в качестве маркера этнической самоидентификации и приверженность родному языку даже со стороны тех, кто не владеет им в полной мере.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

Литература

1. Ихсангалиева Г.К. Языковые механизмы формирования имджа Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2010. 316 с.

2. В Хакасии работают над мотивацией к изучению шорского языка [<https://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/167000-v-khakasii-rabotayut-nad-motivatsiej-k-izucheniyu-shorskogo-yazyka>]

3. Шорцы в Хакасии: большие трудности малого народа [<https://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/77451-shortsy-v-khakasii-bolshie-trudnosti-malogo-naroda>]

4. Октябрьская И.В., Самушкина Е.В., Николаев В.В. Коренные малочисленные народы в современном этнополитическом пространстве Республики Алтай // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 108-117

5. Пора осознать, что мы единый алтайский народ [<https://www.gorno-altaisk.info/news/129920>]

6. Как тюркоязычные челканцы на Алтае отстаивают право быть собой [<https://rus.azattyk.org/a/29091323.html>].

7. Николаев В. В., Самушкина Е. В. Этноязыковые процессы у кумандинцев, тубаларов и челканцев в XIX — начале XXI века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 139-157.

Д. Н. Мустафина

Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Набережные Челны

J.N. Mustafina

Kazan Federal University Naberezhnye Chelny Institute
Naberezhnye Chelny

E-mail: muss_jane@mail.ru

Н. Р. Нурутдинова

Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Набережные Челны

N.R. Nurutdinova

Kazan Federal University Naberezhnye Chelny Institute
Naberezhnye Chelny

E-mail: nailya_nurutdinova@mail.ru

Соофициальные языки в СМИ (на примере региональных языков Приволжского Федерального округа)

Co-official languages in mass media (the case of the regional languages of the Volga Federal District)

Аннотация. В данной статье исследуются СМИ как один из основных инструментов продвижения региональных языков Российской Фе-

дерации в условиях снижения языковой и национальной идентичности, что стало результатом нарастающего процесса глобализации конца 20 и 21 века, охватившего все сферы жизни. В статье представлен качественный и количественный анализ реализации функционального потенциала региональных языков в региональных СМИ, и подчеркивается их роль в развитии и продвижении региональных языков.

Abstract. This paper explores mass media as one of the main tools to promote regional languages of the Russian Federation in the context of decreasing of language and national identity which was the result of the increasing globalization process of the late 20th and 21st century covering all spheres of life. The article presents a qualitative and quantitative analysis of the implementation of the functional potential of regional languages in the regional media and determines their role in the development and promotion of regional languages.

Ключевые слова *региональные языки, соофициальные языки, языковая политика, региональные языки, региональные средства массовой информации.*

Ключевые слова *regional languages, co-official languages, language policy, regional languages, regional media.*

Понятие «глобализация» стало одним из символов изменений, происходящих в современном мире. Сфера СМИ в первую очередь попадает под влияние глобализационных процессов. В результате создания единого глобального медиaprостранства в диспаратетном положении оказываются региональные СМИ, соответственно, происходит снижение уровня функционирования самих региональных языков. Данная проблема представляет сво-

его рода «вызов» для государства, требующий реализацию мер, направленных на сохранение и повышение статуса региональных языков.

В многонациональном и многоязычном российском обществе, объединяющем представителей более 180 национальностей, сохранение языкового и культурного разнообразия, функциональные аспекты языка, его положение в обществе, государственное регулирование языковой политики являются объектом исследований российских и зарубежных ученых. Особый интерес в этом вопросе представляют регионы с двумя официальными языками, например Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, где явление двуязычия получило правовой статус [1 — 5]. В контексте сохранения и развития национальных языков региональным средствам массовой информации отводится особая роль как инструменту социализации национальностей, наряду с такими сферами, как семья и образование. Сфера средств массовой информации отличается максимальной степенью освещения основных сфер жизни общества, и в этом социальном институте сосредоточены интересы различных социальных объектов. Средства массовой информации выделяются среди других государственных институтов своим массовым влиянием.

Средства массовой информации (СМИ) тесно связаны с жизнедеятельностью, общества и политической деятельностью государства, с одной стороны воздействуют на общественное сознание, с другой являются объектом постоянного контроля со стороны государства. Ученые подчеркивают «важность укрепления позиции миноритарного языка через осознание его как этнообъ-

единяющего фактора, а культуры — как доминантного национального символа», считают, что «... именно сферы образования, культуры, коммуникации и информации на современном этапе развития титульных языков республики могут стать первичными и определять их функциональную мощность» [6, с. 31].

Мы рассмотрели функционирование региональных языков в сфере СМИ 5 регионов Приволжского Федерального округа: татарского, башкирского, чувашского, удмуртского и марийского языков. Данные языки имеют в регионах статус официального языка наряду с государственным языком РФ — русским языком. Нами было проведен количественный и качественный анализ степени присутствия региональных языков в сфере региональных СМИ, проанализирована нормативно-законодательная база по регулированию положения региональных языков в СМИ, уровень государственной поддержки СМИ на региональных языках, вопрос кадровой подготовки и результаты онлайн-опроса.

Изучив ситуацию функционирования СМИ на региональных языках, отметим, что лидером по количественным и качественным признакам СМИ на региональных языках является Республика Татарстан (РТ). На сегодняшний день татарский язык в наибольшем объеме представлен в татарстанском информационном поле. Значимую роль в данной ситуации, безусловно, играет языковая политика РТ.

В период, когда язык является одним из важных социально-политических компонентов, актуальным становится вопрос разработки нормативных актов, определяющих статус региональных языков, прямо или косвенно регулирующие их присутствие в сфере СМИ и деятельность СМИ на региональных языках.

Анализ показал, что общим для анализируемых регионов является Закон о языках регионов, одной из целью которого является обеспечение равного объема функционирования регионального языка/языков и русского языка во всех сферах массовой коммуникации. Общим для основных законодательных документов регионов РФ является постановка цели обеспечить условия для поддержки и развития региональных языков, а также равный объем функционирования регионального языка/языков и русского языка во всех сферах массовой коммуникации [7 — 11]. Превалирующее количество законодательно-нормативных актов, прямо или косвенно регулирующих функционирование регионального языка в сфере СМИ, было выявлено в РТ и Республике Башкортостан (РБ). Также законодательная база данных регионов отличается наличием долгосрочных Государственных программ, направленных на сохранение и развитие национальных языков, планирующие реализацию мероприятий в сфере СМИ [12-15]. На поддержку, сохранение и развитие языка в СМИ направлены программы национальной политики, проводимые РТ, РБ, Удмуртской Республикой (УР) и Чувашской Республикой (ЧР) [16 — 18]. Особое значение имеют документы, прямым образом регламентирующие деятельность региональных СМИ на национальных языках или гарантирующие поддержку со стороны государства. Подобные нормативные акты в наиболее полном объеме были выявлены в Чувашской и Удмуртской Республиках [19 — 20]. В нормативно-правовой базе Республики Марий Эл также имеется программа поддержки СМИ, но в формулировках регулирующего документа нет указания на поддержку СМИ, функционирующих на марийском языке, соответственно

он не призван оказывать поддержку и продвижение регионального языка в СМИ в полной мере.

РТ входит в число лидеров по финансированию поддержки татарского языка в сфере региональных СМИ. В условиях глобализации важным признаком татарстанских СМИ является относительно высокая степень внедрения татарского языка в Интернет-СМИ в сравнении с другими исследуемыми регионами. Передовые позиции РТ в отношении региональных СМИ, обусловлены также и историческим фактом. Среди исследуемых регионов в РТ было положено начало системе региональных СМИ зарождением татарской периодической печати, которая прошла долгосрочный процесс становления и развития.

Следует отметить относительно удовлетворительное функционирование башкирского языка в СМИ. Система СМИ РБ получает самую весомую финансовую поддержку в размере 1,8 млрд, что правомерно связать с присутствием в законодательной базе нормативных документов, гарантирующих проведение мероприятий, целенаправленно ориентированных на поддержку СМИ на башкирском языке.

Конструктивный характер имеют и программы языковой подготовки кадров. В 2020 г. наблюдаются прогрессивные изменения в решении вопроса кадров для татарских региональных СМИ. Кафедрой национальных и глобальных медиа осуществляется подготовка кадров по направлению «Журналистика». Татарский язык является основным языком обучения. Отметим, что бюджетные места (12 мест) предусмотрены по заочной форме обучения. Кроме того, при Кафедре общего языкознания и тюркологии КФУ функционирует направление «Практическая филология: татар-

ский язык и литература, журналистика» с возможностью обучения в очной форме (25 бюджетных места)[21].

Кадровая подготовка для региональных СМИ на башкирском языке ведется факультетом башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета. Согласно информации, представленной на официальном сайте университета, обучение по направлению «Журналистика» осуществляется только на платной основе[22].

В Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова работает факультет русской и чувашской филологии и журналистики, но о подготовке журналистов на чувашском языке информация отсутствует [23].

В Удмуртском государственном университете работает Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики с возможностью получить высшее образование по направлению «Журналистика» (11 бюджетных мест). Положительной тенденцией является функционирование Удмуртской школы юного журналиста «Вуоно иворчи (Будущий журналист)». Данный профорientационный курс предназначен для учащихся 8-11 классов Удмуртии, владеющих удмуртским языком [24].

В Марийском государственном университете подготовку журналистских кадров осуществляет кафедра русского языка, литературы и журналистики. Соответственно правомерно сделать вывод об отсутствии целенаправленной программы обучения кадров для региональных СМИ на марийском языке [25].

Сопоставление нормативно-правовой базы, предопределяющей положение региональных языков в СМИ по регионам, финансовой поддержки региональными властями и современного состо-

яния региональных СМИ демонстрирует взаимозависимость деятельности официальных органов власти по регулированию объема функционирования региональных языков в СМИ (Таблица 1).

Таблица 1 — Показатели положения региональных языков в СМИ (2020-2021 гг.)

	Общее количество СМИ на региональном языке (по результатам выборки)	Нормативные документы, регулирующие деятельность региональных СМИ	Финансирование	Подготовка кадров для СМИ на региональном языке
Республика Татарстан	291	7	1,5 млрд	45.03.01 Практическая филология: татарский язык и литература, журналистика» (25 бюдж. мест). 42.03.02 Журналистика» (7 бюдж.мест)
Республика Башкортостан	87	6	1,8 млрд	«Журналистика» (БГУ, внебюджет)
Чувашская Республика	57	4	158 млн	Факультет русской и чувашской филологии и журналистики (ЧГУ им. И. Н. Ульянова)*

	Общее количество СМИ на региональном языке (по результатам выборки)	Нормативные документы, регулирующие деятельность региональных СМИ	Финансирование	Подготовка кадров для СМИ на региональном языке
Удмуртская Республика	47	3	143 млн	Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики (УдГУ, 11 бюджет. мест)*
Республика Марий Эл	27	4	133 млн	Кафедра русского языка, литературы и журналистики (МарГУ)*

* отсутствует уточнение о языке подготовки кадров

С целью изучения уровня реальной активности населения в сфере СМИ на региональных языках, нами был проведен онлайн-опрос. При проведении опроса был использован онлайн-сервис Google forms. Прямая ссылка на прохождение опроса была размещена в группах социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», участниками которых являются носители региональных языков. Онлайн-опрос выявил благоприятное отношение к региональным СМИ. Общие показатели количества респондентов, предпочитающих информацию на русском языке и тех, кому удобнее получать татароязычную информацию разделились с одинаковым количеством ответов (29,7%) (Таблица 2).

**Таблица 2 — Предпочтения относительно выбора языка
при получении информации**

	На русском языке, %	На родном (национальном языке), %	На родном и на русском языке, %	На иностранном, %	На всех вышеперечисленных языках, %
Общие показатели	29,7	29,7	24,7	3,4	12,3

Результаты опроса позволили также выделить основные причины интереса респондентов к СМИ на региональных языках и определить их приоритетность. Основные мотивы обращения по степени убывания — это интерес, удобство, повышение уровня владения родным языком, актуальность и уникальность информации (Таблица 3).

**Таблица 3 — Причины интереса к СМИ
на региональном языке**

	Интересно, %	Информация, представленная в СМИ на региональном языке актуальна и уникальна, %	Для повышения уровня владения региональным языком, %	Мне удобнее получать информацию на родном языке, %
Общие показатели	30,1	20,8	22,4	25,7

Одной из важных задач было выявление причин, обуславливающих пассивность населения в региональных СМИ. Преобладающая часть (58,5%) ответивших в качестве основной причи-

ны отмечают малодоступность СМИ на национальных языках (58,5%).

Таблица 4 — Причины отсутствия интереса к СМИ на региональном языке

	Не владею родным (национальным) языком	Публикуемая информация не является интересной	СМИ на национальном языке малодоступны
Общие показатели	15,7%	25,8%	58,5%

Реализация государством высокоэффективной деятельности в обеспечении устойчивого распространения качественной и полезной в социальном и культурном отношении информации позволит региональным СМИ выполнять функцию важного инструмента языковой политики, способствовать национально-языковому воспитанию и служить идеям сохранения и развития языков Российской Федерации.

В качестве рекомендательных мер мы предлагаем:

— разработка и модернизация специализированной нормативной базы по функционированию региональных языков в СМИ;

— разработка и реализация языковой политики по приобщению молодого поколения к изучению и активному использованию национальных языков для активизации использования ими СМИ на региональных языках и поддержки принципа преемственности и развития;

— активное внедрение региональных языков в киберпространство, а также переход СМИ в цифровой формат должно

стать стратегической задачей языковой политики для решения проблемы малодоступности региональных СМИ;

— введение рациональной дифференциации бюджетирования СМИ на региональных языках с учетом языковой ситуации и языковых потребностей;

— включение использования региональных языков как преимущества при получении лицензии для осуществления деятельности в качестве региональных СМИ;

— создание независимых комитетов, на региональном или федеральном уровнях, с целью мониторинга, контроля и комплексной оценки реализации мер, проводимых регионами, по сохранению и развитию сбалансированного функционирования региональных языков в СМИ.

Список литературы

1. Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995, ред. от 31.07.2014 №21-З. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200038> (дата обращения: 29.04.2020).

2. Конституция Республики Татарстан от 6.11.1992, ред. от 22.06.2012 № 40-ЗРТ / Национальная библиотека Республики Татарстан. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://minjust.tatarstan.ru/rus/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014.htm (дата обращения: 06.07.2020).

3. Конституция Удмуртской Республики от 07.12.1994, ред. от 3.10.2019. — Текст электронный // Электронный фонд пра-

вовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://base.garant.ru/15700562/> (дата обращения: 29.04.2020).

4. Конституция Чувашской Республики от 30.11.2000, ред. от 30.03.2018. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/804959957> (дата обращения: 29.04.2020).

5. Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/16, ред. 04.03.2014 №57-з. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/region/constitution.php?sphrase_id=2249668 (дата обращения: 06.07.2020).

6. Байчоров М. Р. Специфика функционирования современного карачаево-балкарского языка в контексте языковой ситуации: диссертация ...кандидата филологических наук: 10.02.02./ Байчоров Магомед Русланович; науч. рук. Т. К. Алиева; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова. — Карачаевск, 2015.— 177 с.

7. О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 08.07.1992 №1560-ХП / Национальная библиотека Республики Татарстан. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/rus/legal_info/zrt/lang.htm (дата обращения: 06.07.2018).

8. О языках народов Республики Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 15.02.1999 г. №216-з, ред. от 28.03.2014.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения: 06.07.2019).

9. О языках в Республике Марий Эл: закон Республики Марий Эл от 26.11. 1995 г. №290-III.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/804919247> (дата обращения: 02.04.2020).

10. О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики: закон Удмуртской Республики от 6.12.2001 г. №60-РЗ, ред. от 10.04.2015.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/960005009> (дата обращения: 29.04.2020).

11. О языках в Чувашской Республике: закон Чувашской Республики от 27.10.1990 года №36, ред. от 29.12.2015.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/802015027> (дата обращения: 06.07.2020).

12. Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы: закон Республики Татарстан от 11.10.2004 № 52-ЗРТ, ред. от 10.10.2011 № 71-ЗРТ. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/917015495> (дата обращения: 06.07.2020).

13. Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 1994–2004 годы. — Текст электронный // Электрон-

ный фонд правовых и нормативно-технических документов.— URL: <https://pravo.tatarstan.ru/> (дата обращения: 19.03.2020).

14. Об утверждении Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы»: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25.10.2013 №794, ред. от 27.04.2020 №335.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/463305579> (дата обращения: 20.02.2020).

15. Об утверждении государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» и внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан: постановление Правительства Республики Башкортостан от 17.08.2018 №395. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. —URL: <http://docs.cntd.ru/document/550170767> (дата обращения: 06.07.2020).

16. О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 №УП-695.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/463304054> (дата обращения: 06.07.2020).

17. Об утверждении Плана мероприятий по реализации в Республике Башкортостан в 2017–2019 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Главы Республики Башкортостан от 2.06.2017 № РГ-110. — Текст электронный // Электронный фонд

правовых и нормативно-технических документов. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/450244429> (дата обращения: 06.07.2020).

18. О государственной программе Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы»: постановление Правительства Республики Марий Эл от 8.10.2012 №387, ред. от 19.03.2020 №84. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. —URL: <http://docs.cntd.ru/document/423845803> (дата обращения: 29.04.2020).

19. О государственной поддержке средств массовой информации из республиканского бюджета Чувашской Республики: закон Чувашской Республики от 4.06. 2007 №13, ред. от 27.0.2016 г. №11. — Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. —URL: <http://docs.cntd.ru/document/432866987> (дата обращения: 06.07.2020).

20. О перспективах развития книжной продукции и печатных средств массовой информации на удмуртском языке в Удмуртской Республике: постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 11.11.2014 №230-V.— Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.—URL: <http://docs.cntd.ru/document/428634684> (дата обращения: 29.04.2020).

21. Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Казань. — URL: <https://kpfu.ru/> (дата обращения: 08.06.2021). — Текст: электронный.

22. Башкирский государственный университет. — Уфа. — URL: <https://pk.bashedu.ru/> (дата обращения: 08.06.2021). — Текст: электронный.

23. Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова. — Чебоксары. — URL: <https://www.chuvsu.ru/> (дата обращения: 08.06.2021). — Текст: электронный.

24. Удмуртский государственный университет. — Ижевск. — URL: <https://udsu.ru/> (дата обращения: 08.06.2021). — Текст: электронный.

25. Марийский государственный университет. — Йошкар-Ола. — URL: <https://marsu.ru/> (дата обращения: 08.06.2021). — Текст: электронный.

Рекомендации

В качестве рекомендательных мер мы предлагаем:

— разработка и модернизация специализированной нормативной базы по функционированию региональных языков в СМИ;

— разработка и реализация языковой политики по приобщению молодого поколения к изучению и активному использованию национальных языков для активизации использования ими СМИ на региональных языках и поддержки принципа преемственности и развития;

— активное внедрение региональных языков в киберпространство, а также переход СМИ в цифровой формат должно стать стратегической задачей языковой политики для решения проблемы малодоступности региональных СМИ;

— введение рациональной дифференциации бюджетирования СМИ на региональных языках с учетом языковой ситуации и языковых потребностей;

— включение использования региональных языков как преимущества при получении лицензии для осуществления деятельности в качестве региональных СМИ;

— создание независимых комитетов, на региональном или федеральном уровнях, с целью мониторинга, контроля и комплексной оценки реализации мер, проводимых регионами, по сохранению и развитию сбалансированного функционирования региональных языков в СМИ

Л.М.Мусина

Набережночелнинский институт Казанского
(Приволжского) федерального университета
Набережные Челны

L.M. Musina

Kazan Federal University

Naberezhnye Chelny

E-mail: LeMMusina@kpfu.ru

Языковая политика Республики Татарстан: реалии современности

Language policy of the Tatarstan Republic: realities of the present

Аннотация. В период мощных глобализационных процессов общество должно поддерживать и развивать миноритарные языки, поскольку они часто оказываются в зоне риска исчезновения. На сегодняшний день в Республике Татарстан существует задача сохранения и развития татарского языка и других языков РТ. Данная статья рассматривает языковую политику РТ в контексте глобализации, предлагает новые идеи по развитию языковой политики РТ принимая во внимания современные реалии.

Abstract. During the period of powerful globalization processes, society should support and develop the minor languages, as they are often at the risk of extinction. Nowadays, there are tasks in the republic of Tatarstan

to preserve and popularize the national language. This article examines the language policy of the Republic of Tajikistan in the context of globalization, offers new ideas for the development of the language policy of the Republic of Tajikistan, taking into account the current situation.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, лингво-этноэкологический подход, интерлингвокультурный подход, межкультурная коммуникация.

Keywords: *language policy, language situation, linguo-ethno-ecological approach, interlinguocultural approach, intercultural communication.*

В период глобализации, охватившей все сферы жизни мирового сообщества и открытости информационных потоков между национальными границами, языковая политика является важным инструментом обеспечения гармоничного межнационального и межэтнического баланса. Глумова Е.П. определяет языковую политику как единство идеологических принципов иразличных мероприятий, нацеленных на решение проблем языка в обществе и государстве. [11, с. 32]. Коллектив авторов под общей редакцией Биткеевой А.Н. в своем научном издании принимают следующее понимание языковой политики: совокупность мер, которые принимает государство, общество для сохранения или изменения существующих языков и языковых подсистем. [10, с. 235].Бестолкова Г.В. в своем научном труде опирается на термин, который выражает языковую политику, как часть общей политики государства, проводимой во имя поставленных политических целях. [9, с. 265]. Гулинов Д.Ю. рассматривает определения языковой политики таких известных ученых, как Беликов В.И., Руссо Л.Ж., Швейцер А.Д.,Аврорин В.А. и на

основе анализа описывает данный феномен следующим образом: языковая политика — совокупность мер, принимаемых государством или иным органом, имеющим соответствующие полномочия, по сознательному воздействию на язык.[13, с. 9]. Краткий словарь «Языковые контакты» дает сжатое определение, указывая, что языковая политика — это принципы и практика решения языковых проблем в полилингвальном обществе. [14, с. 160]. В рамках данного исследования мы будем придерживаться определению языковой политики, которое дает Д.Н. Мустафина: языковая политика — это деятельность государства по регулированию собственной языковой парадигмы для приведения ее в соответствие с целями и задачами национальной политики государства [16].

На сегодняшний день в условиях глобализации, языковая политика должна быть нацелена на воспитание мультилингвизма, что подразумевает знание не только родного, но и международного языка [12, с. 18]. Данный факт выявляет необходимость постоянной гармонизации языковой политики, где язык является основным инструментом коммуникации и, в свою очередь, в условиях современного общества становится ключевым аспектом для повышения социального статуса личности. [3, с. 155].

Правительство организует различные мероприятия, направленные на сохранение татарского языка и развитие национальной культуры. Однако не стоит забывать, что в условиях прогрессирующего общества, где различные сферы деятельности всё чаще сталкиваются с межкультурными коммуникациями, знание иностранных языков становится обязательным условием для роста и развития, как отдельно взятого человека, так и государства в целом [19, с. 144 – 149]. В Республике Татарстан на сегодняшний

день расположено большое количество предприятий с участием иностранного капитала, которые играют первостепенную роль в экономике нашей республики. Таким образом, языковая политика должна учитывать потребности современного общества, т. е. наряду с популяризацией национального языка, также необходимо создавать благоприятные условия для изучения иностранных языков. Подобные меры помогут взрастить не только духовно богатое, гармоничное, но также современное общество, отвечающее потребностям прогрессирующего мира.

В качестве методологической, аналитико-практической и теоретической базы исследования выступили труды зарубежных, отечественных ученых и специалистов в сфере языкознания и культурологии. Были проанализированы научные труды зарубежных специалистов в области межкультурной коммуникации, этнологии, что позволило выявить необходимость в новых, современных подходах в формировании языковой политики РТ. И других регионов РФ

На основе статистических данных территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, а также информационных данных, находящихся в свободном доступе и полученных в предыдущих результатах исследований, автором была выявлена потребность в изучении иностранного языка, что связано с большим количеством иностранных предприятий на территории РТ.

Были рассмотрены основные мероприятия по реализации языковой политики в области популяризации национального языка, а также по ведению языковой политики в лингвистической области. В итоге, в работе активно применялись статистические, сравнительные и системные методы исследования вопроса фор-

мирования языковой политики республики Татарстан в контексте мощных глобализационных процессов.

В Татарстане языковая политика нацелена на то, чтобы сохранить культурное наследие республики. Согласно переписи 2002 года на территории Татарстана проживало 52,9 % татар от общего населения, а в 2010 году 53,2 % от общего населения. [24], [25]. Согласно переписи 2002 и 2010 гг. мы видим, что количество говорящих людей на татарском языке, как татар, так и других национальностей остается на высоком уровне. (Таблица 1), (Таблица 2).[21], [22].

Таблица 1. Перепись населения 2002 г.

	В 2002 году	Количество жителей, владеющих татарским, людей.	Доля владения татарским языком, %
Всё население РТ	3779265	2014517(из них татары 1884442)	53
Татары, проживающие на территории РТ (указавших в анкете)	2000116 (52,9% от общего количества)		94

Таблица 2. Перепись населения 2010 г.

	В 2010 году	Количество жителей, владеющих татарским, людей.	Доля владения татарским языком, %
Всё население РТ	3 786500	1976023 (из них татары 1860294)	52
Татары, проживающие на территории РТ (указавших в анкете)	2012571 (53,2 % от общего количества)		92

Ещё одним важным фактором для языковой ситуации в Татарстане становятся глобальные процессы. Благодаря современным технологиям, интернету, усилившимися международным отношениям, границы коммуникативных процессов исчезают, что приводит ко всё большему взаимодействию между странами, культурами и языками. [20, с. 175].

Языковая ситуация Татарстана имеет свои уникальные особенности, так как Татарстан географически расположен внутри России. Здесь живет большое количество не только представителей русской и татарской, а также других национальностей. Большой вклад в исследования языковой ситуации Татарстана внесла Байрамова Л.К., показав в своих исследованиях, как постепенно менялась языковая картина республики в связи с диалогом русской и татарской культуры, а также других национальностей. По убеждению автора, значительную роль в этих изменениях сыграли военные противостояния, христианизация Казанского края, система образования, средства массовой информации. [8, с. 266]. Согласно социологическому опросу¹, проведенному в 2018 году, представители татарской и русской культуры в подавляющем большинстве (69% русских и 62% татар) не согласны с утверждением, что в Татарстане существует конфликт на языковой почве. [17, с. 263–267]. Результаты опроса демонстрируют, что в Татарстане сохраняется благоприятный межэтнический климат.

В быстро развивающейся среде заметно ощущима конкуренция языков. Наряду с государственными языками, на пе-

¹ Трилатеральный проект выполнен при Гиссенском университете им. Юстуса Либига (Германия), Казанском (Приволжском) федеральном университете (Россия) и Национальной академии наук Украины.

редовую выходит международный язык — английский язык. Английский язык часто входит в дошкольную программу, общеобразовательную, а также в программы высших учебных заведений. Это связано с тем, что глобализационные процессы на трудовом рынке привели к высокой значимости западных языков среди молодого населения [5, с. 217–222], [2, р. 605]. Молодое поколение — перспективная часть общества, на которую нацелены долгосрочные планы государства. Будущее национального языка, а также обучение международным языкам, связано непосредственно с интересами и потребностями молодёжи. [20, с. 155].

Что касается региональных языков, владение ими не является обязательным условием получения престижной работы, достижения высоких карьерных результатов. Однако сохранение родного языка несет в себе особую значимость, с тем чтобы не потерять культурное наследие, историю, уникальность республики. Для каждого человека важно ощущать себя членом не только потребительского общества, а также духовного и религиозного. Осознание человеком факта принадлежности к определенному народу, культуре, а не просто к обществу в целом, даёт чувство стабильности, защищенности. На сегодняшний день, в условиях глобализации, мы наблюдаем факт неполного осознания обществом всей важности и необходимости национальной самоидентификации.

Несмотря на то, что трудовой рынок уводит изучение региональных языков на периферию, в последнее десятилетие идет активный поиск способов привлечения молодёжи к изучению татарского языка [19, с. 144–149]. Наглядным примером служит

проект Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 г». Данная программа включает в себя множество мероприятий, направленных на развитие татарского языка, таких как: проведение татарских олимпиад, создание телевизионных каналов, журналов, газет, онлайн сервисов, грантовых программ.

Республика Татарстан является одним из передовых регионов России, поэтому подходы к решению всевозможных задач языковой политики имеют современную направленность. Например, с целью популяризации татарского языка в республике было запущено большое количество интернет проектов, где самыми крупными являлись: локализация татарского языка в продукты MicrosoftWindows, совместный проект с AbbyLingvo, внедрение татарского в поисковые системы Yahoo и Google. [6]. Республика Татарстан выходит на первое место по количеству средств массовой информации (166) на региональном языке (татарском/русско-татарском) [20, с. 169–181].

Языковая политика ведёт тесную работу с системой образования, которая является ключевым инструментом по развитию языков [6, с. 1847–1856]. Сегодня, в период, когда мир шагнул в эпоху индустрии 4.0, мы говорим о необходимости внедрения Образования 4.0 в научные процессы всех образовательных институтов. Образование 4.0 – это инновационный подход, который при помощи адаптивных платформ позволяет использовать различные образовательные практики, помогая учителю находить индивидуальный подход к каждому ученику, учитывая его способности и интересы.[17, с. 263–267], [18, с. 102–106].В рамках

Индустрии 4.0 важно выделить учебные аналитические системы (LA), которые способны оптимизировать прогресс студентов путем сбора и обработки данных. Такие системы позволяют преподавателю быстро оценивать успеваемость студентов, своевременно выявлять риски падения успеваемости. На сегодняшний день платформы LA (например, Moodle) могут значительно повысить интерес к изучению как иностранных, так и региональных языков.

При повышении престижа национального языка важно учесть интересы молодежи и более юного населения. Помимо создания различных интернет ресурсов, необходимо локализовать татарский язык в игровые приложения, как образовательного, так и развлекательного характера. [2, р. 605], [7, р. 120–123]. При поиске приложений на всемирном портале системы Android “PlayMarket” мы обнаружили не более 4-х в системе App-Store не более 5-ти образовательных приложений в форме игры на татарском языке.

Также среди детей, молодежи и взрослого населения большой популярностью пользуются различные коммерческие языковые курсы. Они привлекают нестандартными подходами в обучении, уникальными методиками, современными классами. Согласно данным карты городов 2GIS на территории двух самых крупных городов РТ (Казани и Набережных Челнов) имеется более 170 языковых школ, предлагающих услуги по обучению английскому и другим иностранным языкам. Что касается курсов татарского языка, на карте 2GIS отмечен единственный центр по изучению татарского языка при Казанском Федеральном Университете в г. Казань. Также, имеются 6 бесплатных курсов татар-

ского языка, которые проходят в 4-х мечетях Казани, при мечети г. Набережные Челны и при Российском исламском институте г. Казань. Мы считаем, что государство должно оказать содействие коммерческим курсам по открытию классов обучающим татарскому языку, что привлечет современную молодежь к изучению национального языка республики.

Исходя из выше сказанного, современная языковая ситуация в контексте глобализации требует лингвоэтноэкологического и интерлингвокультурного подходов. Лингвоэтноэкологический подход особенно необходим для языковой политики Татарстана, так как его целью является осознание важности родного языка. Подход нацелен на популяризацию родного языка среди граждан, необходимости осознания своей принадлежности к определенному этносу, а также к поликультурному обществу, владеющему несколькими языками[27, с. 104]. Вышеуказанный подход формирует у граждан чувство гордости за свое многоязычие. Интерлингвокультурный подход нацелен на вхождение общества в межкультурное пространство, где оно сможет легко адаптироваться к новым культурам и общению на международном языке. [25, с. 105].

В настоящее время деятели научного мира, политические лидеры, ключевые финансовые институты, современная молодежь заинтересованы в новых подходах к формированию языковой политики. Мы считаем, что на сегодняшний день проблема ведения языковой политики в контексте глобализации требует дальнейшего изучения. Необходимо разработать актуальные решения и целенаправленные меры по языковой подготовке, которые будут учитывать потребности современного общества, а также помогут

республике Татарстан находится на одной арене с международными лидерами по поддержке и развитию языков. Для этого необходимо воспитать мультилингвальное общество, где престиж изучения регионального языка будет соотнесен с престижем изучения иностранного языка.

Татарстан находится в первой десятке по величине ВВП среди регионов РФ [23]. Татарстан является одним из привлекательных регионов для мигрантов, что говорит о его процветании и престиже [4, р. 2121–2129]. Данные факты должны стать безусловной мотивацией для изучения татарского языка, наравне с международным языком, не только среди самих татар, а также среди других национальностей, проживающих на территории одного из самых успешных регионов России — Татарстана.

Список литературы

1. Bernard Spolsky. Language Policy / S. Bernard// Proceedings of the 4th International Symposium Bilingualism. — 2003, — pp.2152-2164
2. Jane, J. The Routledge Handbook of language and intercultural communication / J. Jane. — New York: Taylor & Francis group, 2012. — 605 p
3. Johnsons D. C. Language Policy / D.C. Johnsons. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — 290 p.
4. Linguistic and cultural socialization of migrants by means of education (case study: Tatarstan, Russia/California, the USA). Edulearn. Slavina, Liliia&Mustafina, J &Gataullina, Camila &Nurutdinova, Nailya. — 2017. P. 2121-2129

5. Melvin C., Ephraim A., Thomas O. International Communication in global Business / C. Melvin, A.Ephraim, O.Thomas // International Business and Economics. — 2012. — №2. — С.217-222

6. Mustafina, J. N., Biktagirova, G. F. (2016). Education policy of the Russian federation in teaching co-official languages /N.J.Mustafina, G.F. Biktagirova // Mathematics Education. — 2016. — №11(6). — С. 1847-1856.

7. Overview on modern serious games for regional and minority languages promotion. Paper presented at the Proceedings - International Conference on Developments in eSystems Engineering, DeSE. Petrov, E., Mustafina, J., &Alloghani, M. — 2018. P. 120-123.

8. Байрамова Л.К. Асимметризм языковой модели Татарстана. Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы / Л.К. Байрамова. — 2001. — 266 с.

9. Бестолкова Г.В.. Роль языковой политики в процессе межкультурного общения (на пример языковой политики США) / Г.В.Бестолкова// Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихологический анализ (сборник статей) — Москва: 2013 — Выпуск 1. — С. 267- 2013.

10. БиткееваА.Н.. Языковая политика в контексте современных языковых процессов./А.Н. Биткеева — Москва: Азбуковник, 2015. — 472 с.

11. Глумова, Е.П. Языковая политика Российской Федерации в области обучения иностранным языкам. Языковая политика и лингвистическая безопасность. Материалы научно-образовательного форума. [Текст] / Е.П. Глумова. — 2018. — С.30-36.

12. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник

Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология: — 2010. — № 6. — С. 14—21.

13. Гулинов Д.Ю. Языковая политика: определение и характеристика./ Д.Ю. Гулинов// Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. — Волгоград: 2011.— С.7–11.

14. Коренькова Т.В., Панькин В. М. , Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь / Т.В. Коренькова, В.М. Панькин, А.В. Филиппов — М. : Флинта; наука, 2011. — 160 с

15. Мустафина Д. Поддержка и развитие языкового многообразия в современной России / Д.Мустафина // Вестник ЧГПУ. — 2010. — №11. — С.256-263

16. Мустафина Д.Н. Региональные языки. Российский и европейский опыт языковой политики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskijj-iev/> (дата обращения: 05.02.2021)

17. Низамова Л.Р. Динамика языковой ситуации в Республике Татарстан / Л.Р.Низамова// Вестник экономики, права и социологии: — 2018. — №4. — С.263-267

18. Осиянова О. Многоязычие как определяющий подход языковой политики в современном лингвистическом образовании. / О.Осиянова// Вестник ОГУ - Оренбург: 2005. — №1, — С. 102-106.

19. Сагитова Л. Языковая конкуренция в условиях глобализации: прагматизм и идеальные интересы молодёжи (на примере Республики Татарстан) / Л.Сагитова // Филология и культура. — 2015. — №4(42). — С.144-149.

20. Степанова А.А. Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие? / А.А.Степанова// Вопросы психолингвистики: — 2015.— С.169-181

21. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. «Национальный состав, владение языками, гражданство». URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf

22. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2002. Том 4. . «Национальный состав, владение языками, гражданство». URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

23. Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998—2018 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SAwM9xbp/VRP98-19.xlsx>

24. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики РТ. Численность и размещение населения республики Татарстан. URL: <https://tatstat.gks.ru/folder/39222>

25. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики РТ. Национальный состав населения республики Татарстан. URL: <https://tatstat.gks.ru/folder/39222>.

Рекомендации

Несмотря на то, что трудовой рынок уводит татарский язык на периферию, в последнее десятилетие идет активный поиск способов привлечения молодёжи к изучению татарского языка. Наглядным примером служит проект Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014-2020 г». Данная программа включает в себя множество ме-

роприятий, направленных на развитие татарского языка, таких как: проведение татарских олимпиад, создание телевизионных каналов, журналов, газет, онлайн сервисов, грантовых программ.

С целью популяризации татарского языка в республике было запущено большое количество интернет-проектов, где самыми крупными являлись: локализация татарского языка в продукты Microsoft Windows, совместный проект с Abby Lingvo, внедрение татарского в поисковые системы Yahoo и Google. Республика Татарстан выходит на первое место по количеству средств массовой информации (166) на региональном языке (татарском/русско-татарском).

Образование 4.0 — это инновационный подход, который при помощи адаптивных платформ позволяет использовать различные образовательные практики, помогая учителю находить индивидуальный подход к каждому ученику, учитывая его способности и интересы. На сегодняшний день платформы LA (например Moodle) могут значительно повысить интерес к изучению как иностранных, так и региональных языков.

При повышении престижа национального языка важно учесть интересы молодежи и более юного населения. Помимо создания различных интернет-ресурсов, необходимо локализовать татарский язык в игровые приложения, как образовательного, так и развлекательного характера. При поиске приложений на всемирном портале системы Android “PlayMarket” мы обнаружили не более 4-ёх и в системе App-Store не более 5ти образовательных приложений в форме игры на татарском языке.

Исходя из выше сказанного, современная языковая ситуация требует лингвотнэкологического и интерлингвокультурного

подходов. Лингвоэтноэкологический подход особенно необходим для языковой политики Татарстана, так как его целью является осознание важности родного языка. Подход нацелен на популяризацию родного языка среди граждан, необходимости знания своей принадлежности к определенному этносу, а также к поликультурному обществу, владеющему несколькими языками. Интерлингвокультурный подход нацелен на вхождение общества в межкультурное пространство, где оно сможет легко адаптироваться к новым культурам, а также уметь общаться на международном языке.

Татарстан является одним из привлекательных регионов для мигрантов, что говорит о его процветании и престиже. Данные факты должны стать безусловной мотивацией для изучения татарского языка, наравне с международным языком, не только среди самих татар, а также среди других национальностей, проживающих на территории одного из самых успешных регионов России — Татарстана.

А.Н.Минневалиева

Исполнительный комитет города Казани,

Казань

A.N.Minnevalieva

The Executive Committee of Kazan

Kazan

E-mail: alinamfe@gmail.com

Проекты, реализованные Мэрией Казани в 2021 году в рамках Года родных языков и народного единства

Projects of The City Hall of Kazan, which were realized in 2021 within of the Year of native languages and national unity

Аннотация. Статья повествует о 15 проектах Мэрии Казани, реализованных в г. Казани в 2021 году в рамках Года родных языков и народного единства в Татарстане. Эти проекты включают в себя образовательные, культурные, просветительские мероприятия, направленные на сохранение, развитие языков народов, проживающих в Республике Татарстан.

Аннотация. Article is dedicated to 15 projects of The City Hall of Kazan, which were realized in Kazan in 2021 within of the Year of native languages and national unity in The Republic of Tatarstan. These projects include educational, cultural and awareness-raising activities, aimed at preserving, developing of languages of peoples living in The Republic of Tatarstan.

Ключевые слова. *Год родных языков и народного единства в Татарстане, Казань, Мэрия Казани, Поезд родных языков, фестиваль «Итиль», студия «Апуш».*

Ключевые слова. *The Year of native languages and national unity in The Republic of Tatarstan, Kazan, The City Hall of Kazan, train of native languages, festival «Itil», studio «Apush».*

Для сохранения и развития языков народов, проживающих в республике, **2021 год — Год родных языков и народного единства в Татарстане** дал новый импульс. Вопросы и идеи общественников и экспертов подтолкнули нас ко многим проектам, которые мы осуществили совместно.

Объединяющим культуру и, главным образом, литературу самых многочисленных народов стали несколько проектов Года родных языков и народного единства.

Одним из резонансных проектов 2021 года стал спектакль под открытым небом **«О чем поют деревья?»**, основу сюжета которого составили четыре сказки — чувашская, марийская, удмуртская и мордвинская. Над постановкой работала также интернациональная творческая группа: бурятские режиссер и композитор, осетинский хореограф, русский художник и актеры — представители различных народов. Спектакль получил серьезный положительный отклик. Музыкант Павел Александров, удмурт по происхождению: *«Всю свою сознательную жизнь я провел в Казани. И до этого момента чувствовал себя между небом и землей. А после просмотра спектакля понял, что я и моя культура важны для этого города».* Это показательный отзыв и говорит о том, что мы смогли правильно донести идею этого года.

На конкурс рассказов **«Саумы, Казан»/ «Здравствуй, Казань!»** поступило 120 заявок. Отрадно, что участники были не только из Татарстана, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Алтайского края, а также Турции, США и даже Австралии. Самые лучшие произведения на русском и татарском языках были опубликованы в книге с одноименным названием.

В День Республики Татарстан и день города Казани состоялся перформанс в формате стихов на балконе **«Голоса Казани / Казан тавышлары»**. В самом центре столицы, с балконов Мэрии города, звучали стихотворения поэтов прошлого столетия. Поэзия 60-х годов раскрылась для жителей и гостей города по-новому, благодаря арт-визуализации, т.е. меппингу.

В поддержку русской культуры прошли ежегодные мероприятия: V Православный городской фестиваль **«Духов день»** и **Орехово-яблочный Спас**.

В 2021 году мы запустили цикл семинаров для педагогов татарского языка для тиражирования увлекательных и эффективных методов преподавания. Состоялись **курсы татарского языка для работников сферы обслуживания** (гостиничный бизнес, общественное питание и розничная торговля) и отдельно для сотрудников Исполнительного комитета г. Казани.

В социальных сетях и цифровых телепанелях были размещены **видеоролики, обучающие разговорному татарскому языку**– «Разговорник на татарском». 20 роликов транслировались в телепанелях метро и социальных сетях.

Прошел конкурс **«Үзтелем»** с общим призовым фондом в миллион рублей, где участники презентовали свои проекты по поддержке татарского языка. Автором идеи и спонсором конкурса

выступил депутат Казанской городской Думы Рустем Рамазанов. Среди проектов были игровые стримы, школа дубляжа, журналы для детей, комиксы о Казани, мобильные приложения. В этом году реализуем проекты победителей.

В течение лета в парках Казани прошла **серия спортивных и хореографических занятий «Хәрәкәттә — бәрәкәт»** (перевод: «В движении — жизнь»). На набережной озера Кабан, бульварах «Белые цветы» и на улице Фучика, парках Горького и «Черное озеро» состоялись 14 мастер-классов по йоге, стретчингу, дыхательным практикам, танцу «Чабата», импровизационному джему, национальным танцам.

В день проведения Казанского Сабантуя в **экстрим-парке «Урам»** состоялся **фестиваль «Яңа Сабантуй»**, который познакомил жителей с новинками в татарской молодежной культуре.

Родные языки населения Татарстана не ограничиваются татарским и русским. Нам было важно, чтобы каждый горожанин почувствовал уважение и интерес к его родной культуре.

С 20 сентября 2021 года в казанском метро начал курсировать **«Поезд родных языков»**. Он состоит из шести вагонов, оформленных национальной этнической символикой, в которую вплетены разговорные фразы и популярные выражения на языках народов Татарстана. По данному проекту мы также получили хорошую обратную связь, было много фотографий и отзывов в социальных сетях. Концепцией такого транспорта заинтересовались и администрации некоторых районов Татарстана, а также соседняя республика — Чувашия.

На улице Баумана прошла фотовыставка **«Быть...»**, рассказывающая о многонациональной Казани. Экспозиция рассказы-

вала о том, что сегодняшняя столица Татарстана — это город, в котором живут люди самых разных национальностей.

Одним из масштабных начинаний 2021 года стал первый **городской арт-фестиваль народов Поволжья «Итиль»**. Уникальное двухдневное мероприятие объединило музыку, театр, танцевальное искусство, национальные традиции и современное творчество. Участниками стали представители разных народов, живущих на берегу Волги, в древности называвшейся Итиль. Хедлайнером фестиваля стала участница Евровидения Манижа.

Заключительным мероприятием Года родных языков и народного единства стал литературно-музыкальный вечер **«Сөйли-торган материя. Поющая материя»**. В рамках концерта состоялось награждение активистов Года.

Проекты Мэрии Казани в сфере языковой культуры не ограничились только Годом родных языков и народного единства. Многие из них, разработанные в прошлом году, продолжают по сегодняшний день, и получили новый виток развития.

К примеру, в этом году мы уже провели **цикл семинаров для воспитателей детских садов** из цикла «Современные, эффективные методы преподавания татарского языка в детских садах» в формате TED-конференций. В мероприятиях приняли участие порядка 1500 человек — воспитатели, методисты и заведующие детских садов Казани. На каждом мероприятии выступали пять практиков, имеющих весомый опыт обучения детей татарскому языку.

С февраля 2022 года **проект «Хәрәкәттә — бәрәкәт»** перешел в 20 школ Казани. Наряду с ним в 20 школах города реализо-

вался **проект «Сөйлә»**(перевод «Говори»). В проекте «Хәрәкәт — бәрәкәт» молодое поколение обучились движениям татарского танца, в проекте «Сөйлә» — азам ораторского искусства на татарском языке. Оба проекта завершились большим творческим представлением.

Отмечу, в 2022 году эти проекты реализуются при поддержке Комиссии при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения, развития татарского языка и родных языков представителей народов, проживающих в РТ.

Продолжается подготовка **видеороликов, обучающих разговорному татарскому языку** — «Разговорник на татарском».

«Поезд родных языков» вдохновил нас на реализацию нового проекта в данном направлении. В этом году совместно с Комиссией при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения, развития татарского языка и родных языков представителей народов, проживающих в Республике Татарстан мы планируем перенести эту концепцию на городские автобусы. Для 5 автобусных маршрутов города разрабатывается аудиогид, который рассказывает о топонимике города и известных казанцах на татарском и русском языках.

В парках Казани продолжается **серия спортивных и хореографических занятий «Хәрәкәттә — бәрәкәт»**, старт которому был дан 2 июня. В рамках мероприятия на берегу озера Кабан 500 человек обучились движениям народного искусства. Среди участников мероприятия были люди всех возрастов.

В этом году под патронажем Мэрии Казани на базе культурного центра «Сайдаш» открылась **детская татарская театральная студия «Апуш»**. Кастинг прошли около 100 учащихся

в возрасте 9-15 лет из Казани и районов республики. В студию отобраны 30 учащихся. Три раза в неделю школьники посещают уроки сценической речи, сценического движения, актерского мастерства, вокала.

Особенность студии — в проведении занятий на татарском языке. «Апуш» — это взаимодействие культуры и образования: помимо актерского мастерства ребята обучаются и обогащают свой словарный запас. Воспитанники студии совместно с педагогами в течение месяца подготовили спектакль на татарском языке «Волшебные сны Апуша», посвященный творчеству великого Тукая. Премьера студии состоялась в начале июня.

Среди почетных зрителей спектакля были Мэр Казани Ильсур Метшин, председатель Комиссии при Президенте РТ по вопросам сохранения, развития татарского языка и родных языков представителей народов, проживающих в РТ Марат Ахметов.

После завершения спектакля зрители аплодировали юным артистам стоя. После премьеры Ильсур Метшин пообщался с воспитанниками студии за кулисами, поблагодарил и высоко оценил их работу по актерскому мастерству. В будущем планируется открытие театральных студий «Апуш» в домах культуры разных районов Казани.

В завершении хотелось бы добавить, что мы очень надеемся, что проекты станут долгосрочными и ежегодными. В республике и Казани живут более **ста национальностей**. Такое национальное разнообразие — и радость, и огромная ответственность. Нам важно, беречь то, что имеем.

О.Б. Януш

ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»,

Казань

P.K. Sagitov

Евразийское региональное отделение

Всемирной организации

«Объединенные Города и Местные Власти»,

Казань

O.B. Yanush

Kazan State Power Engineering University

Kazan

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

R.K. Sagitov

Eurasia Regional Section of the World organization

“United Cities and Local Governments”

E-mail: uclg@yandex.ru

Муниципальный уровень языковой политики

*(по материалам социолингвистического
исследования)*

Municipal Level of Language Policy

(based on sociolinguistic research)

Аннотация. В статье описываются результаты анкетного опроса органов местного самоуправления Российской Федерации «Языковая политика: муниципальная повестка», в котором приняли участие 85 служащих органов местного самоуправления из 51 муниципального образования. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить существенные характеристики языкового регулирования на муниципальном уровне, включая нормативно-правовые, образовательные, публично-информационные и топонимические аспекты.

Abstract. The article describes the results of a questionnaire survey of local governments of the Russian Federation “Language Policy: Municipal Agenda”, in which 85 employees of local governments from 51 municipalities took part. The purpose of the study was to identify the essential characteristics of language regulation at the municipal level, including legal, educational, public information and toponymic aspects.

Ключевые слова: языковая политика, местное самоуправление, муниципальное образование, языковое законодательство, государственный язык, языки народов России.

Key words: language policy, local self-government, municipality, language legislation, state language, languages of the peoples of Russia.

Исследовательский интерес к языковой политике муниципального уровня обусловлен рядом обстоятельств. На данный момент отмечается недостаток разработок в тематическом поле «язык — политика — муниципалитеты» и их «периферийное пребывание как в области социолингвистики, так и в сфере политической социологии муниципального управления» [3, с. 62; 4, с. 113]. В то же время муниципальные власти обеспечивают важнейшее взаимо-

действие между гражданами и властными инстанциями более высоких уровней иерархии, реализуя в том числе решения в области языковой политики. Коммуникация лежит в основе повседневных контактов муниципальных властей с жителями территорий по самым разным вопросам местного значения. Можно предположить, что социолингвистическая экология местности находит отражение в практиках языковой политики муниципального уровня. Местные власти по причине приближенности к гражданам имеют возможности для достижения конструктивного сосуществования языковых сообществ, гармонизации языковых отношений и продвижения распространенных на той или иной территории языков.

Российское законодательство федерального уровня характеризуется отсутствием конкретных положений применительно к функционированию языков на муниципальном уровне. Современное конституционно-правовое регулирование применительно к языкам закрепляет положение о защите государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации и гарантиях сохранения этнокультурного и языкового многообразия (т. 69 ч. 2) [2]. Ст. 68 содержит общее положение об употреблении государственных языков республик «в органах государственной власти, *органах местного самоуправления*, государственных учреждениях республик» наряду с государственным языком Российской Федерации [2]. Речь также идет о том, что «территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 131 ч. 1).

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не содержит норм, которые определяли бы языки

функционирования муниципальных органов власти, языки общения с гражданами в пределах подведомственной территории и т.д. В то же время документ закрепляет в качестве вопросов местного значения городского, сельского поселения, муниципального района, муниципального, городского округа «разработку и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, *поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации*, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (ст. 14 п. 7_2, ст. 15 п. 6_2, ст. 16 п. 7_2) [8]. Целый ряд вопросов не содержит упоминаний понятия «языки народов Российской Федерации», но предполагает реализацию мер, связанных с функционированием языков: к примеру, библиотечное обслуживание населения, организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях, услуги организации досуга и культуры и многие др.

Отраслевое законодательство ограниченно раскрывает сферу функционирования языков на муниципальном уровне. Глава 11 Закона РФ «О языках народов в Российской Федерации» 1991 года посвящена использованию языков народов РФ в работе в том числе органов местного самоуправления. Норма ст. 11 предусматривает *возможность* употребления в органах местного самоуправления наряду с государственным языком Российской Федерации

государственных языков республик [1]. Ст. 3 указанного Закона закрепляет *возможность* «в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами», наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения использовать язык населения данной местности. При этом порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» 1997 г. предусматривает, что географические наименования на дорожных и иных указателях *могут быть* написаны на других языках народов Российской Федерации «с учетом интересов населения соответствующих территорий» (ст. 8) [9]. Нормализация наименований географических объектов на других языках народов Российской Федерации осуществляется в соответствии с правилами и традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках (ст. 8 ч. 1).

Несколько иначе складывается регулирование на региональном уровне. Конституции и уставы ряда субъектов Российской Федерации предусматривают возможность создания национальных административно-территориальных образований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов. В их числе Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Республика Карелия, Республика Алтай. Однако, «подавляющее большинство уставов муниципальных образований этнических сообществ практически не содержат специальных положений, направленных на сохранение и развитие самобытности, языка и культуры

национальных групп.....и, как правило, ограничиваются общим указанием на осуществление местного самоуправления с учетом исторических и местных традиций» [5, с. 177]. В то же время в муниципальных уставах в числе вопросов местного значения воспроизводится формулировка, закреплённая в федеральном законе о местном самоуправлении: «разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических конфликтов)». В этой связи отличаются уставы двух из трех национальных муниципальных районов Карелии. В преамбуле устава Пряжинского национального муниципального района речь идет о том, что «население района бережет историческую память, сохраняет и развивает национальную культуру, языки, обычаи народов, традиционно проживающих на территории национального района. Органы местного самоуправления при принятии решений, разработке программ, выработке стратегий учитывают национальные особенности Пряжинского национального муниципального района, предусматривают расходные обязательства по поддержке культуры, традиций, языков и обычаев народов, проживающих на территории района» [7]. В уставе Калевальского национального района закрепляются положения о конкретном лингвониме — об использовании карельского языка органами местного самоуправления. В частности, карельский язык *может* использоваться на-

ряду с государственным языком Российской Федерации в работе органов муниципалитета; «тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями органов местного самоуправления Калевальского муниципального района *могут* оформляться также на карельском языке»; органы МСУ Калевальского муниципального района наряду с государственным языком Российской Федерации *могут* вести официальное делопроизводство на карельском языке (ст. 6.1 пп. 1,2,3) [6].

Однако описанные случаи являются скорее единичными примерами, нежели повсеместно распространенной практикой.

Исследовательская картина была бы не полной без описания образовательных, публично-информационных и топонимических аспектов, межуправленческого взаимодействия. С целью выявления сущностных характеристик языкового регулирования на муниципальном уровне в декабре 2021 — январе 2022 года был проведен анкетный опрос органов местного самоуправления Российской Федерации «Языковая политика: муниципальная повестка», участниками которого стали 51 муниципальное образование и 85 служащих органов местного самоуправления: Республика Крым, г. Севастополь, Тверская область, г. Тверь, Краснодарский край, г. Краснодар, Кемеровская область, г. Кемерово, Омская область, г. Омск, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Самарская область, г. Самара и г. Сызрань, Республика Башкортостан, г. Уфа и г. Нефтекамск, Ставропольский край, г. Ставрополь, Магаданская область, г. Магадан, Новосибирская область, г. Новосибирск, Свердловская область, г. Екатеринбург, Еврейская автономная область, г. Биробиджан, Республика Якутия, г. Якутск, Тюменская область, г. Тобольск, Архангельская область, г. Архангельск, Республика Север-

ная Осетия — Алания, г. Владикавказ, Приморский край, г. Владивосток, Хабаровский край, г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре, Республика Хакасия, г. Абакан, Ненецкий автономный округ, г. Нарьян-Мар, Калужская область, г. Калуга, Республика Дагестан, г. Махачкала, Кировская область, г. Киров, Республика Карелия, г. Петрозаводск, Республика Удмуртия, г. Ижевск, Республика Мордовия, г. Саранск, Владимирская область, г. Ковров, Челябинская область, г. Челябинск и г. Троицк, Чеченская Республика, г. Грозный, Томская область, г. Томск, Ханты-Мансийский АО, г. Ханты-Мансийск, г. Москва, Ярославская область, г. Ярославль, Рязанская область, г. Рязань и г. Касимов, Пермский край, г. Пермь, Вологодская область, г. Вологда, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, Республика Тыва, г. Кызыл, Забайкальский край, г. Чита, Красноярский край, г. Красноярск, Иркутская область, г. Иркутск, Московская область, г. Мытищи, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, Ульяновская область, г. Ульяновск.

На вопрос о специальном подразделении в органах МСУ, в функции которого введены задачи по этническому и/или языковому развитию, более половины респондентов (57,6 %) ответили отрицательно — специального подразделения нет; 15,3 % (13 респондентов) дали утвердительный ответ о наличии специального подразделения, численность которого варьируется от одного до семи сотрудников; заметная доля — 27,1 % (23 респондента) указали, что специального подразделения нет и эти функции отнесены к различным отделам, в числе которых были названы *управления* или *департаменты* образования, культуры, спорта и молодежной политики, территориальной политики и социальных коммуникаций, *отделы*

по вопросам национально-культурного развития, по межнациональным и межконфессиональным отношениям, по внутренней политике, по организационной и кадровой работе, общественного взаимодействия, социальной политике, этнокультурного образования.

Таблица 1. Есть ли в органах самоуправления Вашего муниципального образования специальное подразделение, в функции которого введены задачи по этническому и/или языковому развитию?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	13	15,3	15,3	15,3
	Нет	49	57,6	57,6	72,9
	Специального под- разделения нет, эти функции отнесены к отделу (напишите, какому)	23	27,1	27,1	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

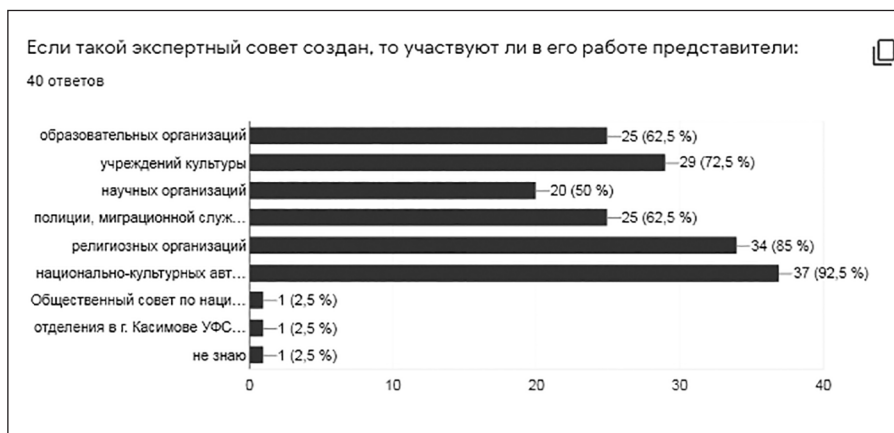
Не смогли оценить, действует ли в органах МСУ экспертный совет 14,1 % респондентов, «нет, не действует» ответили 38,8 %. Почти половина респондентов — 47,1% (40 служащих муниципальных образований) ответили «да» на вопрос о действующем при органах МСУ экспертном совете по вопросам межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, в состав которого чаще всего входят представители национально-культурных автономий (92,5 %), религиозных организаций (85 %), учреждений культуры (72,5 %) и образовательных органи-

заций (62,5 %), полиции, миграционной службы (62,5 %), реже — представители научных организаций (50 %). При ответе на вопрос о составе представителей экспертного совета респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 2. Действует ли при органах местного самоуправления экспертный совет по вопросам межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	40	47,1	47,1	47,1
	Не могу оценить	12	14,1	14,1	61,2
	Нет	33	38,8	38,8	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Диаграмма 1

При этом 47,5 % из тех, кто утвердительно ответил на вопрос об экспертном совете при органах местного самоуправления, или 19 респондентов из 40 отмечают, что вопросы языкового многообразия, сохранения и развития языков народов России и других иноязычных групп (диаспор) совет рассматривает *специально в качестве самостоятельных пунктов повестки*. В то же время значима доля тех, кто дал ответ «нет» — 30 % (12 анкет из 40) и не смогли оценить — 22,5 % (9 из 40 респондентов).

Таблица 3. Если такой совет создан, рассматривает ли он специально вопросы языкового многообразия, сохранения и развития языков народов России и других иноязычных групп (диаспор) в качестве самостоятельных пунктов повестки?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	19	47,5	47,5	47,5
	Не могу оценить	9	22,5	22,5	70
	Нет	12	30	30	100,0
	Всего	40	100,0	100,0	

Среди сущностных характеристик языкового регулирования на муниципальном уровне представляют интерес нормативно-правовые аспекты.

Так, *преобладающая доля респондентов (44,7 %) отметила*, что мероприятия, отражающие вопросы сохранения и поддержки русского языка как государственного языка Российской

Федерации и языков народов Российской Федерации *представлены в муниципальной программе* по реализации Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и *рассматриваются в комплексе* с другими приоритетами государственной национальной политики; 28,2 % *не смогли* оценить данную ситуацию. 18,8 % (16 респондентов) отметили, что такие вопросы *выделены отдельно* в муниципальной программе: среди них такие города, как Севастополь, Вологда, Уфа, Кемерово, Москва, Челябинск, Кызыл, Архангельск, Хабаровск, Невфтекамск. Ответ «Нет, языковые вопросы не выделены» определили 8,2 %.

Таблица 4. Представлены ли в муниципальной программе по реализации Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года, мероприятия, отражающие вопросы сохранения и поддержки русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, выделены отдель- но	16	18,8	18,8	18,8
	Не могу оценить	24	28,2	28,2	47,1
	Нет, языковые вопро- сы не выделены	7	8,2	8,2	55,3

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
	Такие вопросы рассматриваются в комплексе с другими приоритетами государственной национальной политики	38	44,7	44,7	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

В большинстве муниципальных образований, принявших участие в анкетном опросе, *не разработаны нормативные документы* по реализации мер защиты, укрепления и развития *русского языка* как государственного языка Российской Федерации: данное утверждение относится как к муниципальным программам (44,7 % ответили, что «нет, не разработана» и высокая доля респондентов — 34,1 % не смогли оценить), так и Планам мероприятий (дорожным картам) — здесь 40 % ответили, что «нет, не разработана» и не смогли оценить 36,5 %.

В то же время 21,2 % ответили утвердительно «да, есть» на вопрос о разработанной муниципальной программе и 23,5 % — о разработанном в муниципальном образовании *Плане мероприятий* (дорожной карте) по реализации мер защиты, укрепления и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации. Среди муниципальных образований, имеющих муниципальные программы города Ставрополь, Севастополь, Биробиджан, Москва, Новосибирск, Пермь, Троицк (Челябинская область), Кызыл, Нефтекамск, Нижний Новгород, Махачкала, Екатеринбург, Ижевск, Магадан и Рязань.

Таблица 5. Разработаны ли в Вашем муниципальном образовании нормативные документы по реализации мер защиты, укрепления и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации?

[Муниципальная программа]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	18	21,2	21,2	21,2
	Не могу оценить	29	34,1	34,1	55,3
	Нет	38	44,7	44,7	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 6. Разработаны ли в Вашем муниципальном образовании нормативные документы по реализации мер защиты, укрепления и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации?.

[План мероприятий (дорожная карта)]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	20	23,5	23,5	23,5
	Не могу оценить	31	36,5	36,5	60,0
	Нет	34	40,0	40,0	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Схожая картина наблюдается и при ответе на вопрос о *нормативных документах* муниципального образования, которые касаются *сохранения и развития языков народов России*, поддержки и популяризации этноязыкового многообразия местного

сообщества. Наличие муниципальных программ отмечают 20 % респондентов, в этом числе внутригородские муниципальные образования города Севастополь, города Саранск, Ижевск, Москва, Магадан, Нижний Новгород, Челябинск и Троицк, Кызыл, Тверь, Нефтекамск, Новосибирск, Пермь, Екатеринбург и Краснодар. Ответили отрицательно и не смогли оценить 44,7 % и 35,3 % респондентов.

Таблица 7. Разработаны ли в вашем муниципальном образовании нормативные документы по сохранению и развитию языков народов России, поддержке и популяризации этноязыкового многообразия местного сообщества?

[Муниципальная программа]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	17	20,0	20,0	20,0
	Не могу оценить	30	35,3	35,3	55,3
	Нет	38	44,7	44,7	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Процентное распределение ответов о разработанном муниципальным образованием *Плане мероприятий (дорожной карте) по сохранению и развитию языков народов России* практически то же: 45,9 % респондентов ответили, что такого документа нет, 36,5 % не смогли оценить и 17,6 % дали утвердительный ответ.

Таблица 8. Разработаны ли в вашем муниципальном образовании нормативные документы по сохранению и развитию языков народов России, поддержке и популяризации этноязыкового многообразия местного сообщества?
[План мероприятий (дорожная карта)]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	15	17,6	17,6	17,6
	Не могу оценить	31	36,5	36,5	54,1
	Нет	39	45,9	45,9	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Более высокий процент утвердительных ответов наблюдается на вопрос *о муниципальных программах и планах мероприятий (дорожных картах) по воспитанию культуры межнационального общения, межнационального мира и согласия*. Здесь дали ответ «Да, есть» муниципальная программа 34,1 % респондентов и «Да, есть» план мероприятий (дорожная карта) 27,1 %. Не смогли оценить, разработана ли такая муниципальная программа или план мероприятий (дорожная карта) 32,9 % и 32,9 % соответственно; «Нет», такая программа или план мероприятий (дорожная карта) не разработаны, ответили 32,9 % и 40 % соответственно.

Таблица 9. Разработаны ли в вашем муниципальном образовании отдельные документы по воспитанию культуры межэтнического общения, межнационального мира и согласия? [Муниципальная программа]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	29	34,1	34,1	34,1
	Не могу оценить	28	32,9	32,9	67,1
	Нет	28	32,9	32,9	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 10. Разработаны ли в вашем муниципальном образовании отдельные документы по воспитанию культуры межэтнического общения, межнационального мира и согласия? [План мероприятий (дорожная карта)]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, есть	23	27,1	27,1	27,1
	Не могу оценить	28	32,9	32,9	60,0
	Нет	34	40,0	40,0	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Более половины респондентов (52,9 %) ответили, что на территории их муниципального образования действуют *культурно-национальные автономии*; в то же время значима доля тех, кто ответили «Нет», не действует — 32,9 %; не смогли оценить 14,1 %.

**Таблица 11. Действуют ли на территории Вашего
муниципального образования культурно-национальные
автономии?**

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	45	52,9	52,9	52,9
	Не могу оценить	12	14,1	14,1	67,1
	Нет	28	32,9	32,9	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

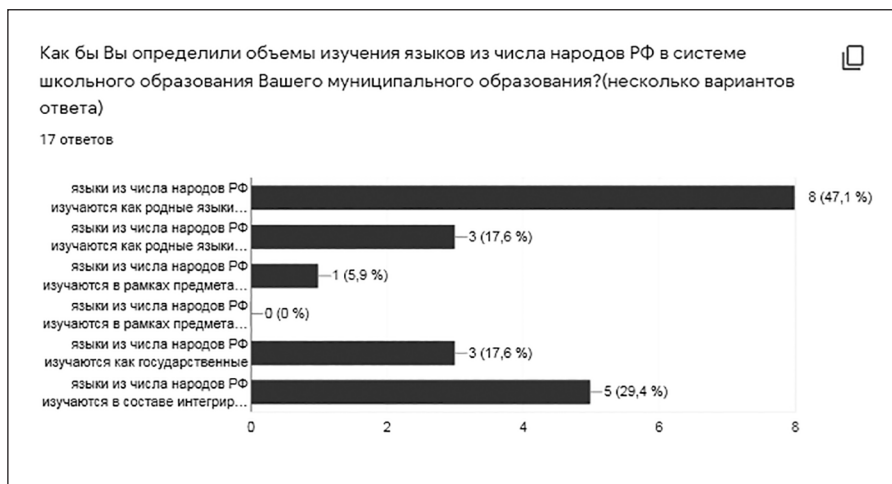
Блок вопросов об образовании. На вопрос о том, есть ли изучение языков народов России, кроме русского языка, в образовательных организациях муниципального образования 45,9 % респондентов ответили, что «Нет, другие языки не изучаются»; высок процент тех, кто не смогли оценить, изучаются ли языки народов РФ в муниципальном образовании — это 27,1 %; 7,1 % (или 6 респондентов) указали, что «Да, изучается один язык». *Пятая часть респондентов (20 % или 17 ответов) отметили, что «Да, изучается несколько языков»:* к примеру, это аварский, даргинский, лезгинский, кумыкский, лакский, табасаранский, цахурский в Махачкале; башкирский, татарский, марийский, чувашский, украинский и армянский языки в Уфе; татарский и удмуртский языки в Ижевске; карельский, вепсский и финский языки в Петрозаводске; крымско-татарский и украинский языки в Севастополе; мокшанский и эрзянский языки в Саранске; башкирский и татарский языки в Челябинске; татарский, чувашский и мордовский языки в Ульяновске и т.д.

Таблица 12. Есть ли изучение языков народов Российской Федерации, кроме русского языка, в образовательных организациях Вашего муниципального образования?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, изучается не- сколько языков	17	20,0	20,0	20,0
	Да, изучается один язык	6	7,1	7,1	27,1
	Не могу оценить	23	27,1	27,1	54,1
	Нет, другие языки не изучаются	39	45,9	45,9	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Чаще всего языки из числа народов Российской Федерации в системе школьного образования изучаются как родные языки в объеме 0,5 — 1 часа в неделю — этот ответ указали 8 респондентов из 17 (47,1 %); также был указан вариант изучения языков в составе интегрированного курса культуры родного края (29,4 %); по 17, 6% приходятся на изучение языков в объеме 1,5 — 2,5 часов в неделю и изучение языков как государственных. При ответе на данный вопрос у респондентов была возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Диаграмма 2

В более чем половине муниципальных образований (65,9 %) языки из числа народов РФ, кроме русского языка, как средство обучения не используются. Лишь 7,1 % респондентов указали, что используется один язык (Города Кызыл, Якутск, Улан-Удэ, Ханты-Мансийск, Магадан, Абакан) и 3,5 % ответили, что как средство обучения используются несколько языков (Уфа, Нефтекамск, Петрозаводск). Не смогли оценить, используются ли языки народов РФ как средство обучения 23,5 %; ответ «Нет, не используются» указали 65,9 % респондентов.

Таблица 13. Используются ли в образовательных организациях Вашего муниципального образования другие языки народов Российской Федерации, кроме русского, как средство обучения?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, используется один язык	6	7,1	7,1	7,1
	Да, несколько языков	3	3,5	3,5	10,6
	Не могу оценить	20	23,5	23,5	34,1
	Нет, не используется	56	65,9	65,9	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

На вопрос о поддержке в муниципальном образовании книгоиздания, периодических печатных изданий, СМИ и т.д. с использованием языков народов Российской Федерации 21,2 % ответили утвердительно, «Да» и 24,7 % респондентов выбрали ответ «Некоторые формы поддерживаются». В то же время не смогли оценить, поддерживаются ли книгоиздание, СМИ, радио- и телевидение и т.д. 27,7 % и 29,4 % респондентов дали ответ «Нет».

Таблица 14. Поддерживаются ли в Вашем муниципальном образовании книгоиздание, периодические печатные издания, СМИ, радио- и телевидение, цифровые сетевые проекты с использованием языков народов Российской Федерации?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	18	21,2	21,2	21,2
	Не могу оценить	21	24,7	24,7	45,9
	Некоторые формы поддерживаются	21	24,7	24,7	70,6
	Нет	25	29,4	29,4	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Более 90 % респондентов ответили, что официальный сайт муниципального образования поддерживается только на русском языке. В одном муниципалитете официальный поддерживается на русском языке и языке/языках из числа народов РФ (город Уфа).

**Таблица15. На каких языках поддерживается сайт
Вашего муниципального образования?**

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Официальный сайт муниципального обра- зования поддержива- ется на русском языке и языке/языках из числа народов РФ	1	1,2	1,2	1,2
	Официальный сайт муниципального обра- зования поддержива- ется на русском языке, языке/языках из числа народов РФ и ино- странном/-ых языках	4	4,7	4,7	5,9
	Официальный сайт муниципального образования поддер- живается только на русском языке	80	94,1	94,1	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Относительно присутствия языков из числа народов Российской Федерации в лингвистическом ландшафте муниципальных образований преобладает ответ о том, что топонимические объекты и сопроводительные надписи на информационно-указательных знаках исполнены *«Только на русском языке»*: это утверждение применимо и к наименованиям улиц, площадей, переулков и т.д. — этот ответ указали 61,2 % респондентов, парков, скверов,

садов, рынков — 71,8 % респондентов, остановок общественного транспорта — 75,3 %, вывесок на зданиях муниципальных предприятий, учреждений, организаций — 71,8 %, наименованию населенных пунктов, рек, озер и т.д. — 51,8 %.

Таблица 16. На каких языках исполнены наименования топонимических объектов и сопроводительные надписи на информационно-указательных знаках в Вашем муниципальном образовании?

	На русском и иностранном языках (%)	На русском языке и языках из числа народов РФ (%)	На русском языке, на языке из числа народов РФ и на иностранном языке (%)	Только на русском языке (%)	Всего (%)
Улицы, площади, переулки, аллеи, проезды, спуски, тупики, шоссе, набережные, бульвары и т.д.	27,1	4,7	7,1	61,2	100
Парки, скверы, сады, рынки, кладбища и т.д.	20,0	4,7	3,5	71,8	100
Остановки общественного транспорта	17,6	3,5	3,5	75,3	100

	На русском и иностранном языках (%)	На русском языке и языке/ языках из числа народов РФ (%)	На русском языке, на языке из числа народов РФ и на иностранном языке (%)	Только на русском языке (%)	Всего (%)
Вывески на зданиях муниципальных предприятий, учреждений, организаций	10,6	12,9	4,7	71,8	100
Информационно-указательные знаки: наименования населенных пунктов, рек, озер, достопримечательностей и т.д.	31,8	9,4	7,1	51,8	100

44,7 % (38 респондентов) респондентов утвердительно ответили на вопрос об использовании языков народов Российской Федерации во время проведения массовых мероприятий, праздников, состязаний и т.д. В числе таких муниципальных образований города Ставрополь, Сызрань, Севастополь, Уфа, Комсомольск-на-Амуре, Красноярск, Новосибирск, Челябинск, Ярославль, Кызыл, Якутск, Улан-Удэ, Нефтекамск, Нижний Новгород, Махачкала, Самара, Ханты-Мансийск, Владикавказ и многие другие. На мероприятиях используются следующие

языки: татарский, бурятский, башкирский, мордовский (эрзя), удмуртский, марийский, якутский, осетинский, крымско-татарский, коми, ненецкий, нанайский, хантыйский, мансийский, чеченский, корякский, тувинский, чувашский, эвенкийский, хакасский эвенкийский, аварский, даргинский, лезгинский, кумыкский, лакский, табасаранский, цахурский, гуцульский, карельский, вепсский, финский. 37,6 % респондентов, ответили «Нет», не используются, не смогли оценить, используются ли языки народов России во время проведения массовых мероприятий 17,6 % респондентов.

Таблица 17. Используются ли языки народов Российской Федерации во время проведения массовых мероприятий, праздников, состязаний и т.д.?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	38	44,7	44,7	44,7
	Не могу оценить	15	17,6	17,6	62,4
	Нет	32	37,6	37,6	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Пятая часть респондентов (20 %) отметили, что в их муниципальном образовании осуществляется *мониторинг* состояния и развития языков народов России. В два раза больше респондентов — 40 % указали в качестве ответа «Нет» и не смогли оценить, осуществляется ли мониторинг, тоже 40 %.

**Таблица 18. Осуществляется ли в Вашем
муниципальном образовании мониторинг состояния
и развития языков народов России?**

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	17	20,0	20,0	20,0
	Не знаю	34	40,0	40,0	60,0
	Нет	34	40,0	40,0	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

В то же время более 40 % респондентов отметили, что органы местного самоуправления подключены к Государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Ответ «Не знаю» выбрали 31,8 % служащих, ответили отрицательно 24,7 %.

**Таблица 19. Подключены ли органы местного
самоуправления к Государственной информационной
системе мониторинга в сфере межнациональных
и межконфессиональных отношений и раннего
предупреждения конфликтных ситуаций (ГИС)?**

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	37	43,5	43,5	43,5
	Не знаю	27	31,8	31,8	75,3
	Нет	21	24,7	24,7	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Из тех, кто в предыдущем вопросе дал утвердительный ответ относительно ГИС, более половины (51,3 % респондентов) отмечают, что вопросы удовлетворения языковых потребностей этнокультурных групп, проживающих на территории муниципального образования, рассматриваются в «контексте общих этнокультурных потребностей». 19 % отметили, что эти вопросы не имеют актуальности.

Таблица 20. Отражаются ли в этой практике вопросы удовлетворения языковых потребностей этнокультурных групп, проживающих на территории вашего муниципального образования?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	6	16,2	16,2	16,2
	Да, в контексте об- щих этнокультурных потребностей	19	51,3	51,3	67,5
	Да, в части, касаю- щейся языковой адап- тации мигрантов	4	10,8	10,8	78,3
	Нет	1	2,7	2,7	81
	Нет, эти вопросы не имеют актуальности для нас	7	19	19	100,0
	Всего	37	100,0	100,0	

Наиболее частотным ответом о регулярности проведения совещаний в регионе по вопросам реализации государственной национальной политики на местном уровне стал ответ «Да, при-

мерно 2-3 раза в год» (41,2 %). И в то же время велика доля тех, кто не смогли оценить, насколько часто проводятся такие совещания — 38,8 % респондентов.

Таблица 21. Проводятся ли в вашем регионе (области, республике) регулярные совещания по вопросам реализации государственной национальной политики на местном уровне?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, примерно 1 раз в год	11	12,9	12,9	12,9
	Да, примерно 2-3 раза в год	35	41,2	41,2	54,1
	Да, часто, примерно 1 раз в месяц	3	3,5	3,5	57,6
	Не могу оценить	33	38,8	38,8	96,5
	Нет, такие совещания специально не прово- дятся	3	3,5	3,5	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Из 49 респондентов, давших утвердительные ответы на предыдущий вопрос, почти половина (49 %) отмечает, вопросы сохранения и развития языков народов РФ включаются в качестве отдельных пунктов в повестку совещаний.

Таблица 22. Включаются ли вопросы сохранения и развития языков народов Российской Федерации в повестку таких совещаний в качестве отдельных пунктов?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные					
	Да	24	49	49	49
	Не могу оценить	13	26,5	26,5	75,5
	Нет	12	24,5	24,5	100,0
	Всего	49	100,0	100,0	

Данные о том, получали ли муниципальные служащие и их коллеги приглашения для участия в семинарах, совещаниях, «круглых столах» и других мероприятиях, посвященных координации политики в области этнокультурного и этноязыкового развития, представлены в четырех таблицах ниже и касаются регионального, межрегионального, федерального и международного уровня. Чаще всего такие приглашения муниципальные служащие и их коллеги получали на уровне своего региона — утвердительный ответ дали 61,2 % респондентов. Почти в два раза реже такие приглашения муниципальные служащие получали на межрегиональном уровне — здесь ответили «Да» 30,6 % респондентов. Процент ответов относительно приглашений на федеральном уровне составил 22,4 % и еще ниже на международном уровне — утвердительный ответ дали всего 4,7 % респондентов.

Таблица 23. Получали ли Вы или Ваш коллега по муниципальной службе приглашения для участия в семинарах, совещаниях, «круглых столах» и других мероприятиях, посвященных координации политики в области этнокультурного и этноязыкового развития?

[На федеральном уровне]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	19	22,4	22,4	22,4
	Нет	66	77,6	77,6	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 24. Получали ли Вы или Ваш коллега по муниципальной службе приглашения для участия в семинарах, совещаниях, «круглых столах» и других мероприятиях, посвященных координации политики в области этнокультурного и этноязыкового развития?

[На уровне Вашего региона]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	52	61,2	61,2	61,2
	Нет	33	38,8	38,8	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 25. Получали ли Вы или Ваш коллега по муниципальной службе приглашения для участия в семинарах, совещаниях, «круглых столах» и других мероприятиях, посвященных координации политики в области этнокультурного и этноязыкового развития?

[На межрегиональном уровне]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	26	30,6	30,6	30,6
	Нет	59	69,4	69,4	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 26. Получали ли Вы или Ваш коллега по муниципальной службе приглашения для участия в семинарах, совещаниях, «круглых столах» и других мероприятиях, посвященных координации политики в области этнокультурного и этноязыкового развития?

[На международном уровне]

		Частота	Процен- ты	Валид- ный процент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да	4	4,7	4,7	4,7
	Нет	81	95,3	95,3	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

Таблица 27. Насколько, по Вашему мнению, целесообразно включать вопросы языковой политики в мероприятия по профессиональному развитию муниципальных служащих?

		Частота	Процен- ты	Валид- ный про- цент	Нако- пленный процент
Валид- ные	Да, в рамках самостоятельного изучения муниципальными служащими методических и иных материалов, связанных с вопросами культурно-языкового многообразия	7	8,2	8,2	8,2
	Да, во время мероприятий по обмену опытом и знакомством с передовыми муниципальными практиками	30	35,3	35,3	43,5
	Нет, формы и методы работы давно известны	1	1,2	1,2	44,7
	Нет, эти вопросы не являются для муниципальных образований актуальными	8	9,4	9,4	54,1
	Нет, языковая политика регулируется федеральными документами	4	4,7	4,7	58,8
	Целесообразно в рамках семинаров и других форм обновления имеющихся компетенций	35	41,2	41,2	100,0
	Всего	85	100,0	100,0	

В то же время *целесообразность* включения вопросов языковой политики в мероприятия по профессиональному развитию муниципальных служащих *отметило абсолютное большинство респондентов* — в общей совокупности утвердительные ответы дали 84,7 % респондентов: 41,2 % служащих полагают, что такие мероприятия «целесообразно проводить в рамках семинаров и других форм обновления имеющихся компетенций», 35,3 % выбрали ответ «Да, во время мероприятий по обмену опытом и знакомством с передовыми муниципальными практиками» и 8,2 % — в рамках самостоятельного изучения муниципальными служащими методических и иных материалов, связанных с вопросами культурно-языкового многообразия.

Результаты опроса позволяют сделать следующие содержательные выводы:

— языковая политика на муниципальном уровне не представляется целостной и системной, а скорее встроена в общие приоритеты национальной политики государственного уровня, о чем свидетельствуют в большинстве случаев отрицательные ответы на вопросы о наличии в органах самоуправления соответствующих специальных подразделений, о муниципальных программах и отдельно выделенных в них вопросах сохранения и поддержки русского языка и языков народов России; об этом также говорят преимущественно отрицательные ответы на вопросы о мониторинге состояния и развития языков народов России, о регулярных совещаниях с отдельными пунктами о языках народов РФ и т.д.;

— на муниципальном уровне заметно преобладают символические (а не функциональные) составляющие языковой политики, что проявляется в ответах на вопросы об изучении языков народов России (лишь 7,1 % дали утвердительный ответ об изучении одно-

го языка и 20 % — об изучении нескольких языков, как правило, в национально-территориальных образованиях); о поддержке СМИ и книгоиздания, о топонимии и официальных сайтах муниципальных образований с преобладанием русского языка. В то же время высока доля утвердительных ответов на вопрос об использовании языков народов России во время проведения массовых мероприятий, праздников, состязаний и т.д. и о действующих на территории муниципалитета культурно-национальных автономиях.

Благодарности

Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 — 2022 гг.

Список литературы

1. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/. — Дата обращения: 06.11.2022.
2. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // <https://docs.cntd.ru/document/9004937>. — Дата обращения: 10.11.2022.
3. Мухарямов Н.М., Тимохина Е.В. Местный уровень языковой политики: нормативные измерения // Вестник Казанского государственного энергетического университета. — 2011. — №3 (10). — С. 62.

4. Мухарямов Н.М., Тимохина Е.В. Язык и политика в контексте местного самоуправления // Местное самоуправление в России и Германии. История и современность: сб. ст. / под общ. ред. Я.А. Пляйса и Н.М. Мухарямова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С. 113.

5. Суханов К.А. Национальные административно-территориальные образования — атавизм или потенциал для самоорганизации национальных меньшинств? // Труды Института государства и права РАН. — 2021. — Том 16. № 5. — С. 177.

6. Устав муниципального образования «Калевальский муниципальный район» (в ред. решения Совета Калевальского муниципального района от 30.06.2020 г. № XVI-IV-140 // <https://www.visitkalevala.ru/omsu/municipal-nye-normativnye-pravovye-akty/ustav-polozheniya-reglamenty/>. — Дата обращения: 06.11.2022.

7. Устав Пряжинского национального муниципального района (в ред. решения Совета Пряжинского национального муниципального района от 29 декабря 2020 года № 92) // <http://pryazha.org/dokumenty/>. — Дата обращения: 05.11.2022.

8. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями на 14 июля 2022 года) // <https://docs.cntd.ru/document/901876063>. — Дата обращения: 06.11.2022.

9. Федеральный закон от 18.12.1997 N 152-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О наименованиях географических объектов» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/f8e3f4622e5baa4c2c6cb308a1cbb9935e8cb423/#dst100045. — Дата обращения: 05.11.2022.

10. Durk Gorter, Heiko F. Marten, and Luk Van Mensel. Linguistic landscapes and minority languages // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. — London: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 485.

11. Paricio-Martín S., Martínez-Cortés J. New ways to revitalize minority language: the impact of the Internet in the case of Aragonese // DIGITHUM. The Humanities in the Digital Era. — 2010. — No. 12. — P. 6.

12. Soria C., Russo I., Quochia V., Hicks D., Gurrutxaga A., Anneli Sarhimaa A., Tuomisto M. Fostering digital representation of EU regional and minority languages: the Digital Language Diversity Project // <https://www.aclweb.org/anthology/L16-1518.pdf> — Дата посещения: 12 сентября 2022г.

Рекомендации

Полученные результаты, представленные в статье, позволили сформулировать ряд положений рекомендательного характера с перспективами их реализация на местном уровне.

Принимая во внимание тот факт, что более половины респондентов — 57,6 % на вопрос о специальном подразделении по этническому и/или языковому развитию дали отрицательный ответ, назревшей представляется необходимость *создания специализированного органа муниципального уровня в сфере языковой политики*, наделенного правом разработки, осуществления и мониторинга языковой политики.

Демографические характеристики муниципального образования — численность населения этнических групп, проживающих

компактно, географические районы, где те или иные языки являются средствами общения части населения, могли бы стать критериями для *определения лингвистического статуса муниципалитета* и предоставления тем или иным языкам официального статуса, что могло бы положительно сказаться на положении языков: применение языков в работе местных органов власти, опубликование документов на официальных языках, оказание публичных услуг и т.д.

Крайне актуальной представляется необходимость расширения образовательного пространства языков из числа народов Российской Федерации. Более половины респондентов признают чрезвычайно важную роль системы образования в части задач формирования языковой компетенции (58,8 %) и 38,8 % утверждают, факт изучения языка в школе повышает его престижность в глазах носителей. Образование является одной из важнейших сфер публичного функционирования языка, условием его передачи от поколения к поколению, и соответственно, сохранения и развития.

Весьма полезным в плане сохранения и продвижения языков муниципальных образований могло бы стать их более широкое использование в топонимике (на информационных указателях и дорожных знаках, в названиях улиц, географических названиях и т.д.) — все то, что в исследовательском контексте обозначается категорией «языковой ландшафт». Исследования языковых ландшафтов городов Европы и Америки показывают, что степень и плотность присутствия языка/языков в языковом ландшафте являются показателем значимости и положения языка в социуме, свидетельствуют о социетальном климате [10, р. 485]. Видимость этнолингвистического разнообразия часто свидетельствует о том, что такое разнообразие пользуется определенной степенью внима-

ния. Сохранение названий географических и исторических мест, дорог, зданий на региональных языках, их письменности можно считать скорее символическим проявлением языковой политики на местном уровне, свидетельствующим о публичном признании существования языков, их культур и об уважении к ним.

Более 90 % респондентов ответили, что официальный сайт муниципального образования поддерживается только на русском языке. В одном муниципалитете официальный сайт поддерживается на русском языке и языке/языках из числа народов РФ (город Уфа). Данные обстоятельства являются основанием для рекомендаций, в целом направленных на расширение цифрового присутствия языков из числа народов Российской Федерации. Речь идет о моделях планирования с целью принятия надлежащих и адекватных действий для соответствующего цифрового продвижения региональных языков / языков меньшинств / языков в опасности в киберпространстве [12]. Разработка и реализация этих действий, как и любой процесс языковой политики и языкового планирования, предполагают участие разнообразных акторов — заинтересованных сторон и участников с определенной иерархией и релевантным влиянием: властные структуры, в чьи функции включены разработка и координация процесса, проведение информационных и рекламных кампаний, разработка веб-сайтов, создание и продвижение языковых ресурсов и технологий; средства массовой информации; органы местного самоуправления и языковые сообщества, чьи проекты могут представлять большой интерес [11, р. 6]. Разработка и продвижение официальных сайтов муниципальных образований на языках народов Российской Федерации могли бы стать частью мероприятий — дорожных карт цифрового выживания и наращивания цифрового присутствия.

ЧАСТЬ 2: ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Нациестроительство и языковая политика (пример Западных Балкан)

В докладе с позиций социальной антропологии рассматривается взаимосвязь нациестроительства и языковых процессов. Какова роль не только объективных, но и субъективных факторов развития языка? Насколько язык является исторически заданным явлением, и в какой степени конструктом, результатом «социальной инженерии», идеологической работы с целью укрепления нации? Очень показателен в этом отношении пример Балкан. Здесь этнонационализм усиливается языковым компонентом. Все государства, образовавшиеся на развалинах Югославии, избрали путь выработки собственных языковых стандартов и искусственного размежевания на основе исторических и диалектных принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций. В докладе речь пойдет об официальных языках, используемых населением четырех стран так называемых Западных Балкан: Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории. Точнее не обо всех языках, а о тех, которые во времена СФРЮ составляли один (?) сербохорватский или хорватско-сербский язык. Теперь это сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки.

Рекомендации

Современный мир и наука пребывают в поиске баланса как сочетать языковую централизацию и обеспечивать на её основе общегражданскую идентичность с необходимостью и потребностью части граждан той же страны сохранять языки этнических сообществ.

Язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряжённости и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика — одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения.

Язык, его формы и варианты, выбор и владение им, сферы употребления, языковое общение — одно из фундаментальных прав человека, одна из важных гражданских свобод, которая гарантируется конституциями, законами страны и её отдельных образований, а также системой международных деклараций и хартий.

Полезным является качественный и объективный мониторинг образовательных программ, учебных планов в организациях среднего профессионального и высшего образования на предмет обновления; а также обновление программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации преподавателей системы дошкольного, среднего, среднего профессионального и высшего образования, ведущих подготовку воспитателей, педагогов и учителей родных языков.

В связи с сокращением доли школьников, изучающих родной язык, важно обратить внимание на сохранение кадров учителей этнических языков, их переподготовки, трудоустройства и т.д. Необходимо продолжить практику поощрения учителей родных языков — победителей различных олимпиад и конкурсов.

Существует необходимость обновления и создания новых учебников и учебных пособий по этническим языкам. Такая работа ведется в ряде республик (Татарстан, Мордовия, Якутия, Чечня и другие). Есть современные учебные издания для организации внеурочной деятельности в начальной школе и пропедевтического этапа в обучении детей дошкольного возраста. Эти издания стали частью межкультурного диалога, они опираются на культурные традиции страны и региона, воплощают единство и многообразие гражданской российской нации.

Для дальнейшего продвижения государственных языков республик и миноритарных языков необходимо начинать преподавание государственных языков республик с детских дошкольных учреждений и продолжить обучение в школе по единой методике. Важно обратить внимание на поддержку и преподавание других предметов этнокультурной направленности, в частности на изучение истории родного края.

Необходимым представляется развитие масс-медиа: радио, телевидения, Интернет-СМИ, чатов в социальных сетях на этнических языках. Современные информационные технологии способствуют развитию системы преподавания этнических языков, а также популяризации языков как проявления культурного богатства и многообразия России.

Необходимо совершенствование законодательной базы в сфере языковой политики на региональном и федеральном уровнях; продолжение разработки современных методик преподавания миноритарных языков, подготовка и тиражирование новых учебников, учебных пособий, словарей; продвижение миноритарных языков через этнокультурное образование (история родного края,

этнография, литература, география и т.д.); продолжение работы с общественным мнением о важности двуязычия / многоязычия в современном мире, социальная реклама многоязычия, сделать многоязычие «модным» среди молодежи.

Чтобы повысить престиж того или иного миноритарного языка, необходимо популяризировать на российском телевидении многонациональную культуру, создать отдельный спутниковый телеканал «Этномир России» для освещения событий в республиках, делать объявления в транспорте на русском и этническом языках, организовывать производство художественных и документальных фильмов.

Оценивая тенденции развития русскоязычия и многоязычия, важно учитывать, что во многих регионах, где доминирует русский язык, другие языки употребляются их носителями в очень незначительных размерах. Рекомендуется дифференцированный подход к сохранению, изучению разных языков, поскольку их положение различно.

Особой заботы как федеральных, так и региональных властей требует сохранение и популяризация миноритарных языков, немногочисленные носители которых относятся к автохтонным на территории России этническим общностям, но при этом не имеют каких-либо форм территориальных автономий в стране.

Целесообразно поддерживать на региональном уровне языки народов, которые имеют места компактного проживания в сельской местности, но носители которых в семейном общении, а тем более — вне семьи, перешли на русский язык и когда на этническом языке говорят только люди старшего поколения, а молодежь русскоязычна и в школах ведется преподавание этнических языков в формате факультатива уровне начальной школы.

Н.В. Борисова,

П.В. Панов

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь

Многоуровневое управление, регионализм и языковая политика: опыт европейских стран

Значимым «внешним» регулятором языковой политики в ряде европейских стран является Хартия региональных языков или языков меньшинств. Хартия была принята Советом Европы в 1992 г., и на сегодняшний день ее подписали и ратифицировали 28 стран. Ратификация Хартии страной означает, что национальное правительство берет на себя какой-то набор обязательств, выполнение которых контролируется Советом Европы. При этом, обязательства в большинстве случаев касаются региональных языков, носители которых локализованы в границах регионов, образующих страну. Это означает, так или иначе потенциальную включенность администраций регионов в реализацию языковой политики. Таким образом, языковая политика в странах Европы может быть охарактеризована как многоуровневая, а пример принятия и реализации решений как пример многоуровневого управления. Многоуровневое управление является таким модусом политических взаимодействий, для которого характерна не столько иерархическая система подчинения одному центру (государству), свойственная

идеально-типической модели nation-state, а плюралистическая, дисперсная активность множества акторов, взаимодействующих на разных и взаимосвязанных между собой уровнях власти. При этом, разнообразные исследования показывают, что многоуровневое управление вариативно в разных странах, поскольку регионы, как субнациональные акторы, в разной мере и с разными интенциями демонстрируют свои претензии на политическую и политико-административную субъектность во взаимодействиях с национальными правительствами и супранациональными институтами. Одним из потенциально активных участников многоуровневого взаимодействия может выступать регионалистская партия. Такое допущение ставит вопрос о механизмах воздействия регионалистских партий на вовлеченность региональных акторов в многоуровневую политику и определение того, как это влияет на силу языковой политики в отношении региональных языковых меньшинств.

Настоящее исследование выполнено на основе совмещения количественных и качественных методов исследования (Large-N сравнительный анализ и сравнительно-ориентированный case-study). Использование large-N сравнительного анализа 134 регионов стран, которые ратифицировали Хартию, позволило подтвердить гипотезу о позитивном влиянии регионалистских партий на масштаб институционализированных гарантий и предпочтений для региональных языков. Сравнительно-ориентированный case-study типичной (по результатам large-N сравнительного анализа) сербской Воеводины позволил выявить и охарактеризовать механизмы подтвержденной связи. Обнаружено, что регионалистские партии, будучи представленными

в органах публичной власти на региональном уровне, продвигают языковые требования в публичную повестку, а также способны добиваться более активного вовлечения региональных акторов в разработку и принятие решений по вопросам языковой политики на национальном уровне. Именно под влиянием регионалистских политических партий происходит интенсификация включения в языковую политику разнообразных негосударственных акторов, в т.ч. этнических НКО. Выявленное обстоятельство подтверждает теоретическое представление о природе многоуровневого управления.

Рекомендации

Федеративное устройство России потенциально создает институциональные условия для системы многоуровневого управления языковой политикой. России аналогична проблемам в других странах, что позволяет предполагать, что рецепты решения языкового вопроса в исследуемых странах релевантны и для нашей страны.

С учетом позитивного опыта европейских стран в сфере поддержки региональных языков и языков меньшинств и с учетом российской практики языкового регулирования, а также особенностей партийно-политического устройства современной России представляется важным разработку механизмов интенсификации вовлечения негосударственных акторов в определение и реализацию языковой политики на разных уровнях политических взаимодействий. Это, в свою очередь, будет стимулировать и обеспечивать позитивное отношение носителей языка к его со-

хранению и воспроизводству. Иными словами, речь идет о формировании системы стимулов, позитивно воздействующих на языковые идеологии в отношении миноритарных языков и языков народов России.

Следует активизировать языковую политику на региональном уровне с учетом разнообразных местных особенностей, в том числе, структурного свойства. Представляется необходимым поиск баланса между символическим и прагматическим измерениями языковой политики. Следует усилить ориентацию на прагматическое отношение к возможностям использования языка его носителей, особенно в публичной сфере. При этом, существует много современных практик, позволяющих повысить уровень представленности языка, и не сводящихся к традиционным фестивалям и конкурсам, которые, напротив, могут стигматизировать язык, помещая его в своеобразную резервацию, что может провоцировать недовольство и создавать ресурс для политизации. Полагаем необходимым предпринимать целенаправленные усилия по минимизации разрыва между вопросом о языке в публичной и институциональной повестках. Система многоуровневой политики, существующая в Российской Федерации, место в ней регионов (полномочия, объем ресурсов, влияние) позволяют региональному уровню публичной власти занять ключевую позицию медиатора в сфере языковой политики в комплексной системе взаимодействий по ее поводу.

Актуальные задачи региональной языковой политики в контексте положений Международного десятилетия языков коренных народов (на примере республик Южной Сибири)

Ключевые подходы исследования языковой политики (далее ЯП) связаны с длительными дебатами в теории и практике двух конкурирующих идеологий. Первая представлена облигаторной в свое время моделью одного языка для нации и государства, вторая признает ценность индивидуального и социального многоязычия [4, р. 269]. Приоритет второго подхода представлен в документах ООН, в том числе посвященных Международному десятилетию языков коренных народов (2022-2032). Глобальный план действий Десятилетия служит руководством для подготовки региональных, национальных и локальных планов его проведения с учетом лозунга *leaving no one behind, no one outside — by 2032* («не оставляя никого позади, никого в стороне к 2032 году») и целевого принципа: *nothing for us without us* («ничего для нас без нас»). Эти важные положения служат ориентиром для актуализации задач ЯП с приоритетным включением носителей миноритарных языков в процесс принятия решений на всех уровнях. По итогам Декады «коренные народы будут иметь возможность изучать, преподавать

и передавать свои языки настоящему и будущим поколениям..., предлагая более высокое качество жизни, безопасную и уверенную идентичность..., а также увеличение количества носителей через расширение сфер использования их языков» [3].

Особенности и задачи взаимодействия языков в асимметрично билингвальном пространстве Республик Южной Сибири (РЮС) — республик Алтай (РА), Тыва (РТ) и Хакасия (РХ) — рассматриваются в докладе в контексте их социолингвистической вариативности, обусловленной в том числе и восприятием субъектами и бенефициарами ЯП «широты коридора возможностей», зависящей и от институционально-ресурсных возможностей поддержки родного языка [2, с. 16]. Эмпирической базой исследования послужили материалы социолингвистических опросов более трех тысяч респондентов в РЮС в 2020 году. По их итогам подтверждены константы высокого уровня признания этнического языка родным (в среднем 94,2%) и готовности оказывать содействие его сохранению и развитию (в среднем 87,1%). В то же время выявлено преобладание пассивных видов речевой деятельности, которое влияет на интенсивность использования родного языка в семейном общении, составившее 42% у хакасских, около 65% у алтайских и около 81% у тувинских респондентов, на фоне сокращения объемов его преподавания в системе образования. С точки зрения наличия условий для изучения вторых государственных языков в РЮС заметной является дифференциация показателей в разрезе этнической принадлежности респондентов. Более высокую оценку дают представители титульных этносов (в среднем 77,8%), в то время как русские респонденты (РР) лидируют по более негативной характеристике имеющихся возмож-

ностей с максимальным показателем почти у третьей части РР в РТ. В РА и РХ на отсутствие условий изучения государственных языков республик указывает 19,2% и 18,6 РР.

Успешные стратегии сохранения и развития миноритарных языков на примере гренландского, саамского и фарерского языков представлены 17 основными направлениями [1, с. 160]. Из них в РЮС используются полностью 35% и частично 24% направления, что свидетельствует о наличии неиспользуемых резервов и необходимости уточнения целей и задач ЯП с вниманием к практическим результатам (целевым индикаторам) в виде доли говорящих (заговоривших) на титульном языке республики. Выявленные ресурсы более эффективной региональной ЯП связаны с: а) развитием двуязычного общественного (коммуникативного) пространства; б) внедрением программ развития титульных языков республик на муниципальном уровне; в) введением доступной системы курсов изучения вторых государственных языков республик для всех желающих.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири»).

Литература

1. Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития / Т.Г. Боргоякова — Абакан: Изд-во ХГУ им.Н.Ф. Катанова, 2001. — 160 с.

2. Борисова Н.В. Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения / Н.В. Борисова //Социо— и психолингвистические исследования. — 2020. — Вып. 8. — с. 7-16.

3. Global Action Plan of the International Decade of Indigenous Languages. URL <https://en.unesco.org/indil2022-2032/globalactionplan> (дата обращения: 08.07.2022). — Текст: электронный.

4. McCarty, T.L. Ethnography and Language Policy / Teresa L. McCarty. New York: Routledge, 2011. — 269 p.

Цифровые технологии и современные формы коммуникации

Возможность мгновенного доступа к информации приводит к значительным изменениям во всех областях жизнедеятельности общества. Цифровые технологии определяют повседневность, вовлекая общество в актуальные процессы. Однако использование новых технологий поднимает вопросы защиты персональных данных, опасности значительного внешнего влияния и другие. Современные технологии воздействуют на взаимосвязь частной жизни и профессиональной деятельности, приводят к появлению новых профессий, обуславливают необходимость постоянного повышения квалификации. Они влияют на отношения в обществе и семье, вопросы воспитания, радикальные перемены в характере и масштабах потребления, влияют на формирование средствами массовой информации медиадискурса и кардинально меняют сетевые формы коммуникации.

Средства массовой информации иллюстрируют значимость медиадискурса, репрезентируют процессы лингвистической инновации и изменений. В современных условиях обострения информационного противостояния особое значение приобретает всесторонний анализ новостных текстов, формирующих информационную картину мира, конструирующих образ события, оказывающих вли-

яние на индивидуальное восприятие и общественное мнение. Кроме того, новости выполняют важнейшую структурирующую функцию, являясь стержневым компонентом массмедийного дискурса, вокруг которого выстраивается весь остальной медиаконтент, можно сказать, что новости — это несущая опора пространственно-временной организации нескончаемого потока медиаматериалов». Особенностью современных новостных сообщений становится их мультимодальность. Цифровые средства массовой информации распространяют технологии массовой коммуникации и делают возможными гибридные комбинации личностного и институционального дискурсов. Газеты и журналы содержат, помимо новостей, рекламу, комментарии и изображения, особенно если речь идет об онлайн версиях изданий. Мы движемся к среде, характеризующейся разнообразными переплетающимися и развивающимися формами мультимодальных, интерактивных, сетевых форм коммуникации.

Помимо личностных дискурсов, формируемых благодаря цифровым технологиям массовой коммуникации, стремительно развиваются и сетевые формы коммуникации, находясь в постоянном противоречии между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия.

Влияние Интернета как среды коммуникации на язык ощущается на всех уровнях языковой системы. В свете кардинальной смены коммуникативных паттернов, обусловленных появлением и развитием новых средств и каналов коммуникации, некоторые британские лингвисты говорят о «революции в языке», проводя параллели между появлением Интернета и изобретением книгопечатания Иоганном Гуттенбергом или возникновением письменности.

Глобальные коммуникации изменили языковой социум, создав конвергентные потоки (неологизмы, заимствования, языковые модификации, новая мультинациональная культура) и усилив национальную и культурную дифференциации, стремление к суверенитету, противостоянию усредненной массовой культуре, представляющей угрозу традиционным ценностям (личность, семья, генетические и культурные коды). Таким образом, защита и сохранение языка являются геополитической задачей, так как именно через язык происходит воздействие на системные процессы в обществе.

Рекомендации

Нормативное регулирование российской языковой политики прежде всего должно быть направлено на реализацию языковых прав граждан, на признание за каждым языком статуса социально-культурной ценности (Закон «О языках народов Российской Федерации»). Объектом языковой политики должны стать и расширение изучения имеющихся практик использования языков, цели и ситуации их применения. Ведь языковая ситуация, языковые практики, языковые навыки непрерывно и стремительно изменяются. Языковые навыки как часть гуманитарного и экономического капитала должны стать частью управления государственными ресурсами.

Международная научно-исследовательская лаборатория
«Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного
федерального университета им. М.К. Аммосова,
Якутск

Этноязыковая идентичность молодежи саха по итогам этносоциопсихолингвистического мониторинга

Проблема этнокультурного состояния в регионах РФ в данное время, когда этнокультурную парадигму языковой политики пытаются заменить национально-функциональной, неизбежно порождает противоречия, касающиеся сохранения языкового многообразия, этнической идентичности.

Цель предлагаемой статьи — оценить ресурсы этничности в современных условиях глобализации у молодежи саха.

В пределах статьи ставятся задачи проследить динамику этноязыковой идентичности молодежи саха (языковой компетенции, языковой самоидентификации, языковых установок в основных сферах социально-коммуникативной системы г. Якутска, отношения к языкам (якутскому, русскому, английскому) и т.д.) по авторским материалам этносоциопсихолингвистического мониторинга 2007, 2014, 2021 гг).

Методология. Стратегия этносоциопсихолингвистического исследования охватывает 2 уровня: макро— и микросоциолингвистический. На макросоциолингвистическом уровне задейство-

ваны итоги массовых социолингвистических опросов, на микро-социолингвистическом — рассматриваем исследуемый объект в психолингвистическом аспекте, подвергая его ассоциативному испытанию, с последующим помещением анализа ассоциативного поля в широкий социолингвистический контекст.

Новизна состоит в исследовании языка автохтонов в условиях языковой неоднородности в рамках авторской комплексной междисциплинарной этносоциопсихолингвистической модели с использованием методов триангуляции, комбинирующих количественные и качественные процедуры;

Выводы. Комплексный характер исследования установил социолингвистические характеристики молодежи саха, в том числе устойчивость этноязыковой идентичности при агрессивном влиянии внешних факторов: объективное снижение языковой компетенции в сопоставлении с респондентами других возрастных групп выражается у них в снижении активных навыков и усилении пассивных. При этом коммуникативная стратегия отличается замещением языковой компетенции социолингвистической компетенцией и социолингвистической аккомодацией.

Заключение. Значимой социолингвистической характеристикой молодежи является продолжение процесса воспроизводства родного языка, при этом сдерживающие факторы находятся во внешнем лингвополитическом и социально-экономическом плоскостях. Сокращение условий билингвизма, которое негативным образом отразится на последующих поколениях, ставит актуальную научно-практическую задачу, связанную с необходимостью изучения семейной языковой политики и проблем воспроизводства якутского языка, а также их широкого освещения в массмедиа

А.Р. Исмагилова
Казанский Федеральный
(Приволжский) Университет,
Казань

Языковая политика как инструмент регулирования лингвистического облика полиэтнического города

Языковая политика как система мероприятий и законодательных актов может выступать как средство протекции одних языков и фактором, регулирующим распространение или уменьшения сферы функционирования других языков в сферах своего влияния (образовательная, медицинская, административная, культурная и судебные системы).

На протяжении 20 века в Татарстане осуществлялась системная языковая политика, базирующаяся на ряде основополагающих документов. Особым этапом в языковой политике стал август 1990 года, когда при принятии Декларации о государственном суверенитете, обратились к идее развития татарского языка на уровне официальной государственной политики. В Декларации подчёркивалось, что в «Республике Татарстан гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, а также сохранение и развитие языков других национальностей» [Декларация о государственном суверенитете РТ]. В июле 1992 года был принят Закон Республики Татарстан «О языках народов РТ», а в ноябре

1992 года Конституция Республики Татарстан законодательно закрепила государственный статус татарского и русского языков. 4-я статья Конституции Республики Татарстан гласит: государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки [Конституция РТ]. На основе Конституции РТ, Декларации о государственном суверенитете, Закона «О языках народов РТ» была разработана и 20 июля 1994 года принята «Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ». Основными целями данной программы явились: сохранение, изучение, развитие и обеспечение функционирования татарского языка как государственного языка Республики Татарстан и как языка национальной культуры. Для достижения этой цели правительство ставило следующие задачи: повышение статуса татарского языка, а также повышение условий для его изучения [Государственная программа РТ]. В рамках государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ, начиная с 2004 года были реализованы: билингвальные информационные оповещения в сфере общественного транспорта; функционирование печатных изданий, телевидения и радиовещания на обоих языках; создание и введение в действие образовательно-культурного татарского центра имени К. Насыйри на базе Казанского федерального университета; организация языковой сертификации по татарскому и русскому языкам; создание и сопровождение разделов «Татарика» и «Русистика» международного научного журнала «Филология и культура»; создание многофункционального полилингвального электронного лексикографического

фонда татарского языка; создание электронного корпуса татарского языка; обеспечение функционирования татарского языка в инфокоммуникационных технологиях [Государственная программа Республики Татарстан].

Рекомендации

Языковая политика способна выступить инструментом регулирования представленности языков в облике города и механизмом их функционирования в социальных сферах. Случаи номинации социальных объектов на иностранных языках единичны. Из 223 эргонимов на иностранных языках в г. Казани лишь 20 являются наименованиями социальных объектов. Среди коммерческих наименований представлено 203 эргонима на иностранных языках. На наш взгляд, регулирование наименований коммерческих объектов, а в частности выбор в пользу государственных языков при номинации, может выступить инструментом формирования билингвального облика города. В данном вопросе может быть рекомендовано дублирование иностранного наименования на одном из официальных языков РТ. Также ряд эргонимов как «**Beerлога**» и его транслитерированный вариант «**Биирлога**», могут стать причиной отклонений от языковой нормы. Использование такого рода транслитерации может способствовать появлению ошибок при написании слова берлога. Таким образом, можно говорить о необходимости внесения поправок в «Закон о языковой политике РТ» в вопросах наименования коммерческих объектов, а также их соответствии языковой норме, во избежание формирования безграмотности населения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боргоякова Тамара Герасимовна, доктор филологических наук, профессор, директор–главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики теории языка, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, tamarabee@mail.ru

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент, декан Историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, borisova_nv@psu.ru

Гарифуллин Васил Загитович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой национальных и глобальных медиа, Казанский (Приволжский) федеральный университет, vasilgarifullin@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, aurika_guseynova@mail.ru

Закамулина Миляуша Нурулловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, milaza@list.ru

Иванова Нина Иннокентьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, haar-haar@mail.ru

Исмагилова Алия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Казанский Федеральный (Приволжский) Университет, ismalisha@mail.ru

Кондрашкина Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Москва, e.kondrashkina@inbox.ru

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, gflutfullina@mail.ru

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, armagomedov@gmail.com

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва, martynova@iea.ras.ru

Михальченко Вида Юозовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Москва, vida-mi@mail.ru, mikhalchenko@iling-ran.ru

Мусина Лейсан Марсовна, аспирант, ассистент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, leysanmarsovna@gmail.com

Мустафина Джамиля Насыховна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, muss_jane@mail.ru

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, n.mukharyamov@yandex.ru

Нурутдинова Наилья Ривгатовна, аспирант кафедры иностранных языков, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, nailya_nurutdinova@mail.ru

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук Историко-полито-

логического факультета, Пермский государственный национально-исследовательский университет, panov.petr@gmail.com

Романова Юлия Алексеевна, аспирант факультета политологии, МГУ, jularom@mail.ru

Сагитов Расих Кадимович, генеральный секретарь Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти», uclg@yandex.ru

Хилханова Эржен Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Москва, erzhen133@mail.ru

Ядреев Иван Васильевич, прокурор Хангаласского района, прокуратура Республики Саха (Якутия), kutlug@mail.ru

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет, yanush_ob@yahoo.com, ianush.ob@kgeu.ru

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

*Уровни, практики,
экспертно-аналитические механизмы*

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции*

Казань, 3 июня 2022 г.

Ответственные редакторы

М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
проректор по проектной деятельности
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет», директор Центра социально-политических
исследований и информационных технологий РГГУ

Н.М. Мухарямов

доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой социологии,
политологии и права ФГБОУ ВО «Казанский
государственный энергетический университет»

Подписано в печать 07.12.2022.
Формат 60×90 1/16.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 19,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 1625

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru